

Эдуард Розенталь

ЛАБИРИНТАМИ СОЗНАНИЯ

Эдуард Розенталь

ЛАБИРИНТАМИ СОЗНАНИЯ

Москва
Издательство
политической
литературы
1982

66.3(08)

P64

Розенталь Э. М.

P64 Лабиринтами сознания.— М.: Политиздат, 1982.— 303 с.

Книга журналиста и социолога Э. М. Розенталя (его предыдущие книги «В поисках идеала», «Власть иллюзии» вызвали большой читательский интерес) представляет собой связанные единым замыслом публицистические очерки о процессах, которые происходят в духовной жизни современного Запада. Читатель побывает в разных странах, встретится со многими людьми, представителями различных политических направлений. Эти встречи, дискуссии, широко используемые в книге опросы общественного мнения дадут ему пищу для размышлений, покажут различные грани массового сознания в капиталистическом мире.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Р $\frac{0302020200}{079(02)-82}$ 150—82

66.3(08)
327.21

© ПОЛИТИЗДАТ, 1982 г.

НЕСКОЛЬКО АВТОРСКИХ ЗАМЕЧАНИЙ

Один из персонажей этой книги высказал мысль, что голова в наше время утрачивает свое былое значение. И предназначение. И что она все больше превращается в некое подобие музыкальной дискотеки, сигналы которой заставляют ноги отбивать однообразные ритмы, а тело — извиваться в конвульсивных движениях. И что вообще на смену «*Homo sapiens*», думающему человеку, приходит «*Homo ludens*», развлекающийся человек.

Несмотря на очевидный гротеск, само утверждение содержит определенное зерно истины. Кое-кто на Западе хотел бы свести интересы человека к однообразным па, и эти кое-кто обладают несметными богатствами, а потому — и могуществом, пользуясь которым, они и делают все посильное, чтобы «*Homo ludens*» стал реальностью. Хватит ли только сил — вот в чем вопрос, и эта книга — попытка дать ответ на него.

Она продолжает тему двух предыдущих книг (В поисках идеала. М., 1976; Власть иллюзии. М., 1978), рассказывающих о поисках западной молодежью социальных идеалов и об ответной реакции господствующей идеологии. На сей раз автор следует инициативе самих читателей, поводом для книги послужили их письма, в которых поднят вопрос

о судьбе человека на Западе. Точнее других его сформулировал москвич Дмитрий Иванов: «Сможет ли «западный» человек, живущий в условиях тотальной манипуляции, вырваться из порочного круга и включиться в борьбу против власти капитала?»

О перспективах западной цивилизации на самом Западе сегодня размышляют многие. Читателю этой книги предстоит встретиться с разными людьми. С французским журналистом Домиником Бри, полагающим, что человечество вскоре погрузится, притом не без его, Доминика, помощи, в сладкую спячку, и с писателем Фредериком Даром, убежденным в том, что на долю его героя, полицейского комиссара Сан-Антонио, выпала миссия взбодрить человечество; с президентом — генеральным директором процветающей корпорации из Цюриха Дитмаром Рашке, уповающим на «консенсус», классовый мир между трудом и капиталом, и с мэром Женевы Роже Даффлоном, убежденным врагом «консенсуса»; со старым Обембой из конголезского племени аква, который сожалеет об ушедшем «золотом веке», и с Джакобом Оканзой из того же племени, который думает совершенно иначе; с британским генералом Джоном Аккетом, взирающим на будущее сквозь пелену военного марева, и со многими другими. Автор надеется, что эти встречи дадут читателю обильную пищу для размышления.

Хотелось бы только предупредить: из читательских писем явствует, что некоторые подходят к проблемам жизни на Западе с привычными мерками нашей действительности. Однако за шестьдесят с лишним лет в

мире сложились два противоположных образа жизни с различными идеологией и психологией. Не делая на это соответствующего корректива, понять душу Запада очень трудно. Задним числом это осознают многие из тех — и с ними читателю тоже предстоит встретиться, — которые, поддавшись пропаганде «прелестей» западного образа жизни, уехали на Запад. Каждый из них так или иначе переживает коренную ломку привычных ценностей, нередко это оборачивается для них трагедией.

В свое время Горький считал, что советские люди должны как можно больше знать о капиталистическом мире, он сам многое делал для этого. С тех пор о Западе написано немало интересных книг и публицистических очерков. И все же нередко знания о нем крайне упрощены и стереотипны. Некоторые видят на Западе только красивую витрину, не замечая за ней гнилого товара. Другие считают, что он весь насквозь прогнил, что также не соответствует истине, на перегное растут и свежие зеленые побеги...

ЕСЛИ БЫ ТЫ ЗНАЛ,
ДО ЧЕГО ВСЕ ОБРЫДЛО.

ВОТ Я СЕГОДНЯ ВЕСЬ ДЕНЬ ПОСВЯТИЛ ТОЛЬКО ТЕБЕ.

В КАРЛИКОВОМ РАЮ

ПРОСТИ МЕНЯ, ВО ВСЕ НЕ ПО ДОБРОТЕ ДУШЕВНОЙ,

ПРОСТО

ОТКЛЮЧИЛСЯ НА ДЕНЬ ОТ РУТИНЫ,

ПООБЩАЛСЯ С ЧЕЛОВЕКОМ С ДРУГОЙ ПЛАНЕТЫ.

ИНОГДА ДУМАЕШЬ,

ДЛЯ ЧЕГО ЖИВЕШЬ

НА СВЕТЕ?

ДЛЯ ЧЕГО ЧЕЛОВЕК?"

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ О ДЕБЕТЕ И КРЕДИТЕ

Моя дочь Катя родилась в Женеве. Ее еще не успели привезти из родильного дома, а она уже получила свою первую корреспонденцию — пухлый пакет от дирекции Народного банка, одного из крупнейших банкирских домов Швейцарии. Содержание пакета — игрушечный пластмассовый сейфик, который открывается, как настоящий, с помощью шифра, и новенькая сберегательная книжка с извещением о том, что банк открыл счет на «мадемуазель Катрин» и внес от себя на этот счет десять швейцарских франков. Родители приглашались продолжить благое дело — вносить деньги на сберкнижку своего ребенка, дабы он вступил в свое совершеннолетие обеспеченным человеком...

Книжка «Деньги и банк», выпущенная обществом швейцарских банков, обращена уже не к родителям младенцев, а непосредственно к детям, умеющим читать: «Проблема денег должна интересовать вас, молодые люди, ибо от нее зависит ваше будущее благополучие или жизненные неурядицы».

В английском городе Норд-Вульвиг одна из начальных школ имеет даже собственный банк. Директор его семилетний Тони Кольер, как и подобает банкиру, ходит всегда в кос-

тюме и при галстукe. Самому богатому клиенту банка 6 лет, у него на счете 9 шиллингов, он копит деньги на «черный день». Большинство же ребят становятся на переменках в очередь и берут со своих счетов монеты на леденцы и пудинги. Как бы там ни было, но школьный банк существует всерьез и имеет даже свой собственный счет в городском банке. Журналист, который описывает эту банковскую историю, сам умилен ею: еще бы, дети, вместо того чтобы заниматься баловством, «учатся экономии средств, ведению своего бюджета и тайнам банковского механизма». Короче, приучаются к взрослой жизни. Вот так с самого раннего детства и до самой глубокой старости. Деньги, деньги...

...Я сидел в шезлонге на корме и замороженно смотрел на воду. Возбужденная винтом теплохода, она флюоресцировала, переливаясь теплым серебром.

— Любуетесь стихией? — Я вздрогнул от неожиданности, обернулся. Узнал профессора Уорника. В свете мерцающих южных звезд его белый, безупречно выглаженный костюм тоже флюоресцировал. Мы познакомились с ним в Марселе, я помог ему поднести по трапу большой чемодан, который оказался неожиданно невесомым. Он мне представился профессором философии из Кембриджа и рассказал, что любому отдыху предпочитает морские путешествия, нет ничего лучшего для успокоения нервной системы.

— Я согласен с Фалесом, вода — начало всего сущего, — профессор простер руки. — Когда вокруг вода, время останавливается, и я чувствую себя бессмертным. А вот Анакси-

мен началом всего считал воздух. Земля, говорил он, плавает в воздухе как широкий лист. Все образуется из воздуха, и сама душа была вдохнута человеком вместе с воздухом. Когда мы дышим, то вбираем в себя частицу всего мира, всей жизни.— Профессор загадочно улыбнулся и поднял глаза к небу.— Диоген Аполлонийский согласен с Анаксименом, он утверждал, что наша вселенная обладает дыхательной системой, а органами дыхания служат звезды...

Я тоже поднял глаза к черному небу, на котором сверкали яркие созвездия Лебедя и Орла, подмигивала далекой электросваркой одна из самых ярких звезд Северного полушария — Вега.

А профессор все говорил, говорил. О древних греках, которые, очевидно, были его коньком. Говорил с вдохновением и любовью, доказывал, что все современные открытия уже были предвосхищены в Древней Греции.

— Возьмите хотя бы Пифагора, он первый обнаружил Число, как неизменное бытие всего сущего. Бесконечное — это не что иное, как «один». «Один» есть абсолютное число. «Два» есть только отношение одного к одному. А элементы чисел суть нечетное и четное.

Профессор начал декламировать с привыканием:

Конечное и бесконечное
Нечетное и четное
Правый и левый
Свет и тьма
Добро и зло...

— Не правда ли, тут вся теория компьютера?— Потом посерьезнел.— Кстати, вы знаете, что слово «философ» впервые употребил именно Пифагор? Однажды некто Леонтий спросил его, кто он такой? Пифагор ответил, что у него нет определенной профессии, что он философ. На вопрос Леонтия, что это означает, Пифагор ответил: «Жизнь можно сравнить с Олимпийскими играми, на которые одни являются с жаждой славы, другие — с расчетом на выгоду от покупки и продажи, наконец, третьи — безо всякой задней мысли, просто из желания насладиться чудесным зрелищем». Вот эти третьи и есть философы. Философ изучает мир, презрев тщеславие и корысть. — Профессор хмыкнул: — Неплохо сказано, а?— И добавил:— То, что Пифагор провозгласил в теории, Анаксатор осуществил на практике. Он считал, что явился на Землю, чтобы созерцать небеса. Забросил все материальные дела и в тот день, когда обнаружил, что стал нищим, воскликнул: «Теперь я настоящий философ. Философии я обязан своим материальным разорением и своим духовным благоденствием».

Профессор поежился от ночного ветерка и заспешил.— Извините за пустую болтовню, не буду вам мешать созерцать небеса. Спокойной ночи, до завтра.— И засеменял в свою каюту.

Утро следующего дня было прозрачное и ясное. Нежаркое солнце и ослепительная синь Средиземного моря. Теплоход медленно входил в Генуэзскую бухту. На палубу вышел профессор, в руке у него был чемодан, тот самый, большой и невесомый. Я удивился:

— Вы здесь выходите?

Он засмеялся:

— Нет, нет, просто я хочу купить несколько посудных сервизов.

— Понимаю, в память об Италии.

— Не совсем так. Видите ли, здесь они дешевые, а у нас в Англии посуда очень дорогая.

— ???

— Мы с женой продадим эту посуду с большой выгодой.

Вероятно, у меня очень изменилась физиономия. Спекулянта я, конечно, видел не впервые. Удивляло другое: как уживались в этом человеке та искренняя увлеченность, с какой он говорил вчера о греках-бессребрениках, с его практической расчетливостью сегодня. Профессор истолковал этот мой ошарашенный вид по-своему:

— Вы не верите? А между тем это действительно так, мы хорошо заработаем.

Я не удержался от вопроса:

— А как же Пифагор, Анаксагор..?

Профессор снова засмеялся:

— Видите ли, я очень уважаю древних греков, но, между нами, в этом смысле они были...— Он не досказал, а только приложил большой палец руки к уху и помахал ладонью, что характеризовало древних греков как больших лопухов в области коммерции.

Потом добавил:

— Впрочем, не все. Пиррон, например, утверждал, что философия — это, прежде всего, искусство жить. И стал, между прочим, Верховным жрецом Элиды. Чего нельзя ска-

зять о Сократе, который, как вам известно, кончил плохо.

Профессор сделал мне ручкой и засеменял по трапу на берег.

Тогда эта история меня поразила, и я даже посчитал ее за некое исключительное явление. А потом привык к подобным историям, потому что их было очень много...

— Хелло, Дадли! Вы выглядите на 100 долларов.

— Хелло, Эдди! Значит, я крепко похудел, доллар нынче тощает не по дням, а по часам.

С Дадли Райтом, американским миллионером, поселившимся на берегах Женевского озера, меня познакомил еще в конце 60-х годов швейцарский журналист Альфред Буле. Сам Буле серьезно занимался проблемами неопознанных летающих объектов, даже написал книгу на эту тему. Неоднократно при мне он пытался выяснить отношение Дадли Райта к летающим тарелкам. Райт был не только богатым человеком, владельцем контрольных пакетов акций ряда крупных электронных фирм в Соединенных Штатах, но и знающим инженером, я сам видел его патенты за ценные технические изобретения. Мы с Дадли Райтом подтрунивали над Альфредом Буле и его увлечением «тарелками»; Буле злился и доказывал, что они есть и что мы еще сами в этом убедимся. Дадли Райт зычно гаркал в таких случаях, вызывая прислугу и требуя накрывать стол к обеду или ужину. И каждый раз приговаривал при этом, что пока мы увидим летающие тарелки, недурно бы заняться реальными тарелками. Я доставал бу-

тылку «Столичной» и баночку икры, которые неизменно брал с собой, собираясь в замок на берегу озера, и Райт неизменно хлопал в ладоши, выказывая искренний восторг по поводу моих подношений, которые тут же прятал в бар. По правде говоря, подобное откровенное проявление радости по поводу скромной бутылки водки и не менее скромной баночки икры повергало меня в некоторое недоумение. Тем более что в баре у Райта стояла батарея бутылок самых дорогих напитков, не было недостатка и в водке, в том числе «Столичной». Да и икру на приеме у него подавали в объемистых ледяных блюдах, лед и икра таяли одновременно.

Я уехал из Швейцарии и не видел Дадли Райта несколько лет. Зимой 1976 года по заданию «Литературной газеты» я вновь попал в Женеву. В один из дней позвонил Альфреду Буле, и мы вместе отправились к Дадли Райту. Тогда-то я и приветствовал его трафаретным американским приветствием насчет ста долларов, а он ответил мне не лестным для доллара образом. В замке ничего не изменилось. Так же как и в прежние зимние дни, в большом камине потрескивали дрова, со стен на нас смотрели картины Ренуара, Пикассо, Модильяни; летом, когда хозяин путешествовал, они сдавались на хранение в банк, тогда на их месте торчали неудобные металлические крюки.

Вернулась с верховой прогулки разрумянившаяся Милица, супруга хозяина, спросила, что мы хотим к обеду, ушла распорядиться. А мы говорили о политике. Дадли Райт, массивный, краснолицый, с седым ежиком во-

лос, с жаром говорил о проблеме разоружения, осуждал сенаторов и конгрессменов, которые тормозили это дело,— переговоры о разоружении как раз шли в те дни в Женеве.

— Пора сообразить, наконец, что время применения силы в международных делах кончилось. На ракетах, конечно, можно крупно заработать, но можно и потерять своих детей. И вообще всем полететь в тартарары.— Дадли Райт стряхнул прямо на пол пепел с сигары, с которой никогда не расставался, засунул ее в левый угол рта и продолжал правым.— Капиталы можно выгодно приложить и к другим делам.— Он кивнул на окно, за которым в нескольких метрах плескалась вода.— Я вот, к примеру, работаю сейчас над технологией очищения Женевского озера, увлекательнейшее занятие. Думаю, все правительства не поскупятся на деньги для ликвидации загрязнения природы. Надо это делать сейчас, потом будет поздно...

Помолчали.

Альфред Буле, воспользовавшись паузой, оседлал любимого конька, рассказал нам о своих новых исследованиях насчет неопознанных летающих объектов. И снова эта тема замкнулась на тарелках обеденных. Мы перешли в трапезный зал. Я вытащил свою традиционную бутылку, на сей раз «Старки», которая была встречена традиционной реакцией. Хозяин захлопал в ладоши и гаркнул: «Beautiful!» («Великолепно!»).

И тут я не выдержал:

— Скажите честно, Дадли, неужели мои скромные подношения доставляют вам удо-

вольствие? Или вы просто хотите доставить мне удовольствие?

Дадли лукаво усмехнулся.

— Понимаю. Вы видите, что у меня самого немало бутылок, и вам кажется, что ваша должна пройти незамеченной. Но дело в том, что все мои бутылки, как бы вам лучше объяснить, заактивированы, что ли, в дёбете. А ваша единственная — дармовая, в кредит.— И он звучно расхохотался.— Хотите верьте, хотите нет, но она мне доставляет искреннюю радость, я ее пью как незаприходованную. Я не жадный, отнюдь. Но водка незапрограммированная, внебюджетная проходит веселее.— И, посерьезнев, добавил:— Миллионы складываются не из долларов, а из центов. Это правило у нас, американцев, в крови. И ничего тут не поделаешь.— Он подмигнул Буле.— Думаю, и швейцарцы в этом смысле от нас не отстают. А то еще и дадут нам фору. Ну а у вас в России как на этот счет?

Сразу я даже не нашелся что ответить, как-то никогда не задумывался над этим. За меня ответил Буле. Отхлебнув белого вина, он почмокал в знак одобрения губами:

— Думаю, что русские устроены несколько иначе, чем мы. Я бывал в России, встречался с коллегами, и всегда меня поражало в них спокойное отношение к жизни. Совершенно для меня необъяснимое. Я знаю, что большинство у них обеспечены гораздо хуже, чем я, квартиры у них очень скромные, да и в магазинах отсутствует многое. Но всякий раз, как я приходил к кому-то в гости, стол неизменно ломился от яств. Мне иногда

становилось даже неловко при воспоминании о наших приемах с сандвичами-лилипутами. Причем я знаю точно, что денег лишних они в банке не держат. Тем более мне непонятен их оптимизм. И вот еще: однажды я не застал своих друзей дома, и меня пригласили скоротать время их соседи, совсем незнакомые мне люди, это мне вообще было непонятно. У нас такое немыслимо. И многое другое у русских мне непонятно.

— Русские, мой дорогой Буле,— пропела Милица,— загадочнее летающих тарелок.

...Городок Таормина стоит на холме. А внизу морская лазурь. У берега три огромные глыбы, это их бросал в корабль Одиссея разъяренный Циклоп, когда Одиссей с товарищами спасались от него бегством. Ныне ничего, кроме этих камней, не напоминает здесь о прошлом южного городка: тихие кривые улочки, рынок, рыбацкие сети на высоких деревянных шестах, несколько кабачков. В одном из них мы и попивали сухое сицилийское вино. Мы — группа журналистов, аккредитованных при женевском Дворце Наций, приглашенных на Сицилию владельцами всемогущего треста Монтекатини. По всей Италии раскинулись его филиалы: Монтекатини — это и горючее, и синтетика, и фруктовые напитки, и пластмассовые изделия. На Сицилии мы посетили впечатляющий комбинат по переработке нефти близ Сиракуз; легкие металлические конструкции, сверкающие алюминиевой краской, уходили далеко в море, там продукция комбината перекачивалась прямо в нефтеналивные суда.

Потом в прохладном зале заседаний у нас была беседа с дирекцией предприятия. Присутствовали представители администрации, но ни одного рабочего. Журналисты задавали разные вопросы, касающиеся технологии производства, записывали ответы в блокноты. Я спросил, можно ли узнать, какова зарплата директора и специализированного рабочего. Вопрос этот почему-то шокировал некоторых моих коллег, которые зашикали на меня: очевидно, они сочли его нарушением закона гостеприимства. Синьор же, отвечавший на вопросы, пошептавшись с другими представителями администрации, назвал мне зарплату рабочего. Но так и не раскрыл зарплату директора, сказав вместо этого, что все сотрудники комбината оплачиваются соответственно их знаниям, опыту и компетенции. Ему на помощь поспешил мой коллега из ФРГ — Гендлер. Он встал, подошел к окну и поманил меня пальцем. Указал на длинный ряд «фиатов», стоявших во дворе и торжественно произнес:

— Это все машины рабочих. Как видите, зарплаты им вполне хватает. А если директор и обладает более солидной машиной, то рабочих это мало трогает. Не правда ли?

И так же торжественно вернулся на свое место.

Потом мы ездили в Сиракузы, где смотрели театрализованное представление «Электра» по Софоклу. В полуразрушенном древнем амфитеатре вместе с многочисленными туристами из Франции, Соединенных Штатов, Швеции поражались великолепной акустике. На самой верхней ступени каменного

амфитеатра было отчетливо слышно каждое слово, произнесенное актерами на сцене. А ведь это происходило под открытым небом. Из театра отправились в кабачок Таормины. Для пущей экзотики нас повезли в заведение, принадлежащее, как нам сказали, мафии. Нас развлекал гитарист, низенький, курносый парень в красной косынке и сапогах. Развлекал весьма своеобразно. Он подходил поочередно к каждому из журналистов, узнавал его национальность и тут же исполнял куплеты из немецкого, американского, французского, норвежского и прочего фольклора. Когда очередь дошла до меня и я назвался советским, парень несколько оторопел, но быстро пришел в себя, сдернул с головы косынку, подпрыгнул, лихо ударил по струнам и что есть силы завопил:

Оча черная — товарищ, товарищ,
Оча жгучая — товарищ, товарищ.

И снова: оча черная, оча жгучая.

Со мной за столиком сидели Лоран Массю, французский журналист из газеты «Фигаро», немец Гендлер и сопровождающий нас сотрудник комбината. Когда гитарист закончил свое ревью, сопровождающий шепнул мне:

— Кстати, если вы хотите поговорить с нашими рабочими, то это очень просто сделать, вон там в углу сидят двое. Можете с ними пообщаться, в неформальной, так сказать, обстановке.

Я согласился, и он пригласил их к нашему столу. Рабочие попались разговорчивые, они были рады знакомству с журналистом из

Советского Союза, вообще показывали, что относятся к нашей стране с симпатией. Но и в Италии жить можно. Оба семейные, недурно зарабатывают. Условия работы на комбинате сносные, администрация с ними корректна, генеральный директор лояльный человек. По слухам. Самим им с ним встречаться не приходилось.

— А знаете ли вы Софокла? Вот мы только что его видели и получили от этого большое удовольствие.

Оба смотрели на меня некоторое время с недоумением. Наконец один пожал плечами.

— Вероятно, синьор Софокл член Совета акционеров. Нет, мы с ним не встречались.

Лоран Масю хмыкнул и отвернулся. Гендлер покраснел. Сопровождающий стрелял глазами то в меня, то в рабочих. А я спросил их, интересуются ли они футболом. Оба оживились и начали рассказывать об успехах своей «Скуадра Адзура». В это время проходило первенство мира по футболу, и итальянская сборная играла успешно.

Все, что я рассказал, очень типично для Запада и передает атмосферу деячества и потребительства, царящую там. И в Соединенных Штатах, и в Англии, и в Италии, и в Швейцарии. И все же абсолютный рекорд в этом плане держит, на мой взгляд, маленький Лихтенштейн. В одной из книг я уже писал о Лихтенштейне, здесь мне хочется описать его более подробно, дать его психологический портрет.

В КАРЛИКОВОМ РАЮ

Тут надо глядеть в оба: многие проскакивают границу на автомобилях, не замечая ее. Меня об этом предупреждали, но я тоже проскочил. Заметил пограничный столб в самый последний момент, когда он уже остался позади. Но все же притормозил и подал машину задним ходом.

Красно-синий герб с изображением короны. И надпись: «Фюрстентум Лихтенштейн». Княжество Лихтенштейн. Экзотический карлик, чьи почтовые марки мы ценили в детстве наравне с такими же экзотическими Сан-Марино и Андоррой. До сих пор помню священный трепет, с каким касался пальцами выпуклого княжеского герба на маленькой бордовой марке. Потом я потерял интерес к маркам и роздал их друзьям. А неизъяснимое чувство, связанное со словосочетанием «Фюрстентум Лихтенштейн», осталось. Он казался краем земли, этот карликовый сказочный Лихтенштейн.

Он и впрямь карликовый: от швейцарской до австрийской границы его можно пересечь за 20 минут спокойной езды на автомашине. Да и возник он как в сказке.

Жил-был губернатор Богемии Шарль фон Лихтенштейн, верноподданный Рудольфа II из рода Габсбургов. В 1608 году за особые за-

слуги перед династией ему был пожалован наследственный титул князя. А имперскому князю «по должности» полагалось иметь собственный земельный участок. Такой участок приобрел на окраине империи один из наследников Шарля — Адам-Андреас фон Лихтенштейн. Он купил землю Вадуц и Шелленберг в верховьях Рейна. За 115 тысяч флоринов. Совсем недорого, как считают ныне сами лихтенштейнцы, — ведь сейчас один квадратный метр земли в Вадуце стоит 2 тысячи франков (100 швейцарских франков равны примерно 36 рублям).

В 1719 году купленные земли были провозглашены княжеством Лихтенштейн. Новое государственное образование находилось в вассальной зависимости от Священной Римской империи вплоть до 1806 года, когда Наполеон объявил его суверенным.

Суверенному государству полагалось иметь собственную армию и гимн. Армия — 80 пехотинцев — существовала недолго и в 1868 году была расформирована за неимением внешних врагов. Гимн остался.

Подарок от бога на берегах Рейна,
Пусть живет всегда страна,
Свободная и счастливая,
С любимым князем
И верными ему гражданами...

Сочинил слова гимна немецкий монах Йох. А поется он на мотив английского «Боже, храни короля!».

Что касается внутренней и внешней политики Лихтенштейна, то тут звучат в основном швейцарские мотивы. Заключив в

1921—1924 годах почтовый и таможенный союз с Швейцарией, Лихтенштейн передал западному соседу значительную часть своих суверенных прав. Государственной валютой княжества стал швейцарский франк. Берн представляет Лихтенштейн в международных делах. В столице только одно иностранное посольство — швейцарское.

Во время летних карнавалов по Вадуцу проносят огромный герб из живых цветов. Как напоминание о том, что Лихтенштейн — монархия. Члены княжеской семьи водят хороводы вместе с «верными гражданами» тут же, на улице. А поскольку монархия конституционная, лихтенштейнцы раз в четыре года выбирают парламент из 15 человек.

По конституции князь и народ управляют государством на паритетных началах. Впрочем, князь не зависит от воли народа — он наследует титул. Но и народ не ходит под князем. «Князь властвует, но не правит» — такова общеупотребительная формула. Своей властью он осуществляет арбитраж и присваивает особо отличившимся гражданам приставку «фон» перед именем, а также титулы графа и барона.

Случаю было угодно, чтобы первым лихтенштейнцем, с которым я познакомился, был обладатель баронского титула. Это произошло на приеме в Берне.

— Барон Эдуард фон Фальцфайн, — представился он на чистом... русском языке. И пригласил посетить в Вадуце его виллу... «Аскания-Нова». По словам барона, отец его до революции в России владел землями в районе Аскании-Нова. Тут же он поспешно

добавил:— Только, ради бога, не подумайте, что у меня есть к вам какие-нибудь претензии. Ни боже мой. Меня привезли в Лихтенштейн, когда я был ребенком, и я привязан к своей новой родине. И очень благодарен родителям за то, что они обучили меня русскому языку. Читать в подлинниках Толстого, Пушкина, Достоевского — великое благо.

Барон помолчал немного и добавил:

— Это очень хорошо, что ваше правительство создало в Аскании заповедник. Я ненавижу, когда травят зверей и природу.

Барон — член национального олимпийского комитета и активно выступал за проведение летней Олимпиады в Москве. В Вадуце он руководит несколькими туристскими магазинами. Дело это прибыльное: туристы неравнодушны к экзотике. Впрочем, если говорить откровенно, экзотики в Лихтенштейне маловато, в средневековых замках не осталось места для призраков.

Зато есть предприятия-призраки, так называемые анштальты. Предприятия, которых нет. Время от времени я встречал упоминания об анштальтах в западной прессе. Читал, например, о «Вестерн интернэшнл граунд мейнтенанс организейшн» — анштальте, основанном в Лихтенштейне Центральным разведывательным управлением Соединенных Штатов и финансировавшем наемников в бывшем Бельгийском Конго. Хотелось, однако, узнать о них поподробнее, разобраться, что же это такое.

Я приехал в Лихтенштейн в очень неудачный момент. Было 8 часов 30 минут. Перед правительственным зданием Вадуца служа-

щий приспускал флаг на высоком флагштоке. Он сказал мне:

— Ночью умер брат главы фюрстентума Ганс, всего 52 года ему было. Ничего не поделаешь — сердце.

Я поднялся на второй этаж. Герр Кранц, глава отдела по связи с прессой при правительстве, с которым мы договорились о встрече, сокрушенно покачал головой: такая непредвиденность. Но тем не менее был очень любезен:

— К сожалению, я не смогу вами заняться лично, но хочу вам предложить следующую программу. В 9 часов вас примет герр Киндле, генеральный секретарь Промышленной палаты Лихтенштейна. В 10 часов 10 минут вас ждут в фирме «Бальцерс». В 12 часов 15 минут вы завтракаете с главным редактором газеты «Лихтенштейнер фолксблат» герром Вольвендом. В 15 часов у вас встреча с герром Конрадом, директором бюро туризма.

Герр Кранц был любезен, он предоставил в мое полное распоряжение белый «мерседес» с рыжим шофером Вернером Нишем. По пути в Промышленную палату Вернер поведал мне, что только что женился, и потом без всякого перехода заявил:

— Здорово вы взгрели немцев, я видел по телевидению.

— Нацистов?

— Нет, хоккеистов. О, Третьяк, Шадрин! Экстра-класс!

...Желая, очевидно, меня поразить, герр Киндле начал свое интервью следующим заявлением:

— А вы знаете, что Лихтенштейн — самая развитая индустриальная страна мира? В пересчете на душу населения, разумеется. Машино- и приборостроение составляют две трети всего нашего промышленного производства. Все это экспортируется и благодаря высокому качеству находит спрос даже в теперешние кризисные времена. В стране около 70 промышленных предприятий, от крошечных — с 20—30 рабочими, до таких, как завод Хилти, на котором занято 1400 человек. Половину рабочей силы составляют иностранцы, своих рабочих не хватает.

Я поинтересовался, каков доход предприятий, и герр Киндле ответил, что жаловаться на доход им не приходится.

— Возьмите хотя бы тот же завод Хилти. В 1974 году его чистая прибыль составила 17 миллионов швейцарских франков. Заработная плата тоже весьма высокая. Кстати, Лихтенштейн занимает и первое место в мире по доходу на душу населения. Каждый четвертый житель страны владеет автомобилем.

— Ну а как насчет анштальтов?

— Я ожидал, что вы зададите этот вопрос, все иностранцы интересуются этой особенностью Лихтенштейна.

Герр Киндле поправил узел галстука.

— Я, конечно, могу рассказать об анштальтах, но думаю, что вам лучше повидаться с герром Вилли, адвокатом Приватбанка, могу вас ему представить. А со своей стороны, не в качестве морализирования — морализировать относительно эгоизма — смешно, — а в качестве разъяснения, могу сказать, что

законодательство об анштальтах мы ввели в 1926 году не от хорошей жизни. После первой мировой войны Лихтенштейн был одинок и беден.

Герр Киндле поднял вверх палец:

— По-настоящему беден. Привлечение иностранных капиталов стало для нас тогда вопросом жизни. Анштальты свое дело сделали. С 1946 по 1970 год наш экспорт вырос в 20 раз. А банковский оборот — с 15 миллионов до четырех с половиной миллиардов.

Герр Киндле развел руками, как бы оправдываясь:

— Конечно, сегодня анштальты уже не жизненная необходимость, а скорее дополнительный подарок. И как член парламента, я понимаю, что здесь необходим более строгий контроль...

Ровно в 10 часов 10 минут шофер передал меня, словно эстафетную палочку, на фирму «Бальцерс». И здесь меня ждал сюрприз. Представитель фирмы Гюнтер Трабезингер говорил по-русски не хуже барона Эдуарда фон Фальцфайна. Я поинтересовался, как ему удастся практиковаться в русском. Он усмехнулся:

— Очень просто. Вот вчера, например, я долго беседовал с председателем «Машиноимпорта», он был у нас. А вообще-то я представляю фирму «Бальцерс» в Советском Союзе и шесть месяцев в году живу в Москве, в гостинице «Россия».

До чего же тесен мир. Это совсем рядом с моей Таганкой. Вот вам и далекий, экзотический Лихтенштейн!

Трабезингер между тем продолжал:

— «Бальцерс» покупает в Советском Союзе редкие металлы, необходимые для тончайшего покрытия оптических поверхностей. Мы специализируемся на этой технологии. Она очень перспективна и все шире используется при создании авиационных приборов, фото- и киноаппаратуры.

Гюнтер Трабезингер открыл плоскую коробочку и показал мне набор различных стекол, покрытых микроскопическими слоями металла:

— Вам мы продаем аппаратуру для тончайшего напыления и измерительные приборы. Фирма гарантирует высокое качество, и это помогает нам выдерживать самую жесткую конкуренцию.

Потом мы поговорили о жизни вообще.

— Скажите, а как вы проводите свободное время?

— Играю с детьми, у меня два сына — четырех и шести лет. Ездим с женой в магазин — это в 10 километрах отсюда, без машины здесь невозможно. Ну, ресторан еще...

— А театр, концерты?

— С этим в Лихтенштейне трудно. В Бальцерсе есть оперетта, но работает она 2—3 месяца в году. И еще в Шане — помещение для гастролей приезжих трупп. Вот и все.

Мой собеседник заговорщически понизил голос:

— Впрочем, для меня это не проблема. Я «набрасываюсь» на театры, когда живу в Москве. — И, помолчав, добавил: — Я читал «Блокаду» Чаковского, и знаете, что меня

там больше всего поразило? Как голодные ленинградцы в нетопленном зале филармонии слушали симфонию Бетховена. Здесь Бетховен имеет только товарную ценность. Его продают и покупают. Правда, диски с Бетховеном «не тянут» против битлов.

Мы вышли из заводского корпуса на свежий воздух. Моросил мелкий дождик. Трабесингер указал на островерхий средневековый замок на скале:

— Архитектурная достопримечательность, XIII век. Когда-то замок принадлежал трубадуру Генриху Гутенбергу. А теперь, говорят, его купила какая-то мексиканская актриса. Но точно никто не знает. Любопытство у нас — признак дурного тона.

— Ну а как насчет анштальтов? — спросил я и добавил: — Для журналиста любопытство не порок.

Гюнтер Трабесингер пожал плечами:

— Честно говоря, я не очень компетентен.

По пути к ресторану, где меня ожидал коллега из «Лихтенштейнер фолксблат», я обратился к шоферу:

— Вернер, если трудно объяснить, что такое анштальт, то хоть покажите мне его.

Тот взглянул на часы (было ровно двенадцать) и лаконично ответил:

— Можно.

Мы подъехали к серому трехэтажному зданию. Ничем не примечательному. Вернер остался ждать в машине, а я подошел к подъезду дома. По бокам от входных дверей — пятнадцать аккуратных металлических табличек. Но не с фамилиями жильцов, а с наименованием предприятий: «Кредит анш-

тальт», «Электрик энд Пасифик трейдинг корпорейшн», «Фэрго интернэшнл лимитед»... и тому подобное.

— Как же они здесь все умещаются? — недоумевал я. — Надо будет об этом спросить у герра Вилле из Приватбанка...

— Не надо никакого Вилле, я тебе все сейчас объясню. Во-первых, они там вовсе и не размещаются...

Журналисты во всем мире одинаковы. Не прошло и получаса с того момента, как мы познакомились, а Вальтер Вольвенд обращался ко мне на «ты», и со стороны могло показаться, что мы если и не закадычные друзья, то уж точно старинные приятели.

— Все эти «корпорейшн», которые ты видел на табличках, преспокойно благоденствуют в Париже, Мадриде, Милане и так далее. В Лихтенштейне у них просто бюро, а то и почтовый ящик или номер в телефонной книге. Существует около тридцати различных формул для основания здесь иностранных фирм. Зачем это им нужно? — Вальтер осушил свой бокал и поставил его на середину стола. — Ну вот. К примеру, стекольному предпринимателю из Вены надо продать партию таких стаканов в Берн. Даю тебе элементарную арифметическую задачку. Условие: этот тип продает стаканы по 2 франка за штуку (ему самому они обошлись по 1 франку), и с него берут налог, примерно 80 процентов прибыли. Вопрос: сколько ему останется после продажи?.. Молодец, правильно: 20 сантимов со стакана. Всего 20 сантимов! А в Лихтенштейне налога с прибыли анштальты не платят. Только налог с вложенно-

го капитала. Один процент. Со ста тысяч — тысячу франков. К тому же какой там у этого парня в Вене капитал, неизвестно. Верят на слово. Теперь тебе ясно?

— Значит, если предприятие нашего венского стекольщика зарегистрировано в Лихтенштейне, он может продать стаканы своему бернскому клиенту здесь на месте и получить всю прибыль сполна?

— Ему не надо их продавать здесь. Это, кстати, запрещено местным законодательством. Он их отправляет прямо из Вены в Берн, а здесь остаются только накладные на продажу. И главное, никто не знает, кому он продал эти стаканы. Известно только имя лихтенштейнца, представляющего анштальт, — это обязательное условие для регистрации иностранной фирмы. Таким представителем может быть кто угодно, ну хотя бы вот этот гарсон, — он кивнул на пробежавшего мимо официанта. — А кто за его спиной, «Дженерал моторс» или «Бритиш петролеум», никого не интересует. Ты, вероятно, уже обратил внимание, что мы не любопытны.

— И никто не выступал против подобных...

— Махинаций? Почему же не выступал? Выступали. Американцы, например. Но потом передумали.

— Почему?

— А потому, мой дорогой, что продают не только стаканчики, но, бывает, и пушечки. И далеко не всегда тому, кому разрешает конгресс. А гарсон из Вадуца — это отличное алиби.

Я вспомнил было об «интернэшнл граунд», но Вальтер остановил меня:

— Пардон, общие сведения — пожалуй-ста, точные данные — извини...

Он посмотрел на часы:

— Будем последовательны и отправимся в винные погреба, где нас ждет розовое, которое подается на стол нашего суверена.

— Но у меня встреча с Бертольдом Конрадом, директором бюро туризма.

— Не беспокойся, герр Конрад уже ждет нас в погребе.

Оказалось, что Вальтер и Бертольд — старые друзья и, кажется, даже сидели в школе чуть ли не за одной партой. Правда, сейчас они принадлежат к разным политическим партиям. Вальтер — член Прогрессивной бюргерской партии, а Бертольд состоит в Отечественном союзе.

В книге о Лихтенштейне, которую мне презентовал герр Кранц, сказано: «Нелегко объяснить иностранцу различие между нашими политическими партиями». Бертольд указал на Вальтера:

— Я на два сантиметра левее, чем он. — И отмерил эти два сантиметра на пальцах.

Поскольку разговор зашел о правых и левых, я спросил, есть ли в Лихтенштейне молодые бунтари — левые или правые экстремисты. Такие, как в других странах Запада. Ответил Вальтер:

— Нет. У нас слишком деловая атмосфера. Леваки, попадая сюда, правеют, а правые — левеют. И все вместе дружно делают деньги.

Об этом же поздно вечером мы беседовали

на вилле Вальтера Вольвенда. Когда я собирался уходить, он вышел проводить меня до машины. Прощаясь, сказал:

— Если бы ты знал, до чего все обрыдло. Вот я сегодня весь день посвятил только тебе. Прости меня, вовсе не по доброте душевной, просто отключился на день от рутины, пообщался с человеком с другой планеты. Иногда думаешь, для чего живешь на свете? Для чего человек? Ну ладно, чао.

РАБ ИЗ АНТАНАНАРИВУ

— Мсье позволит задать ему вопрос?

Я посмотрел на вопрошающего. Студент старшего курса или аспирант. Черное лицо лоснится от пота, но все пуговицы пиджака застегнуты и узел галстука затянут, брюки отглажены. По его тону и по всему виду было ясно, какой последует вопрос. Так оно и вышло. Я, разумеется, позволил ему задать. Для того я здесь и находился, чтобы отвечать на вопросы.

Здесь — это в государственном университете Антананариву, столице Мадагаскара. Нас, нескольких советских товарищей, пригласили выступить в университете. Речь шла о странах социалистической ориентации. Мадагаскар избрал такую ориентацию, и мы об-

суждали различные стороны этой сложной проблемы. Дебаты после наших выступлений носили деловой характер. И вот этот вопрос. Не то великовозрастный студент, не то аспирант поправил и без того аккуратный узел модного галстука:

— Вот вы тут говорили о сладостях социализма,— он так и сказал «сладостях»,— а сможете ли вы нам помочь построить социализм так, чтобы у нас не было трудностей, какие испытывают Куба, Ангола, Мозамбик? Если да, я — за социализм, если нет — против.

— То есть тогда вы за капитализм?

— И даже за колониализм. Французы нас одевали и кормили. Мы не хотим ждать, чтобы наши дети и внуки жили лучше, мы сами хотим жить без трудностей.— Он показал на группу молодых людей, сидящих рядом с ним, пояснил:— Я и мои друзья.— И добавил с вызовом:— Что вы на это можете ответить?

Что я мог ответить? В свое время Ленин уже ответил на этот вопрос. Коротко и ясно. Раб, который не осознает своего рабства, просто раб; раб, который сознает свое рабское положение и борется против него,— революционер. Раб, который восторгается прелестями рабской жизни,— холоп и хам, достойный презрения. Так я и ответил.

Не знаю, согласится ли со мной читатель, но я лично не вижу особой разницы между психологией профессора, который спекулирует на посуде, миллионера, подсчитывающего сантимы, или студента, мечтающего о сытой жизни в колониальном коконе.

Все они рабы дебета и кредита, их жизненный интерес сфокусирован на потребительстве. Этой психологией пропитана вся жизнь капиталистического общества. И в этом смысле трудно не согласиться с философом Гербертом Маркузе, который говорил об «одномерном» человеке Запада, интегрированном в систему, Маркузе ошибался в другом, в том, что он тенденцию возводил в абсолют.

Потребление (но не потребительство) представляет вполне реальную объективную ценность, которая служила и служит человечеству стимулом жизнедеятельности на протяжении сотен тысяч лет. И, конечно, будет еще служить. Все это вполне естественно. Что можно, например, возразить против стремления людей иметь хорошую квартиру, телевизор, магнитофон, хорошую книгу или модные джинсы? Вообще, против материальных благ, которые облегчают жизнь, делают ее удобней и красивей?

Другое дело, когда потребление переходит в потребительство, становится самоцелью, поглощает все жизненные силы человека. Именно эту цель и преследуют, используя всю мощь своего идеологического аппарата, западные монополии, цель — продлить ту ступень в жизни общества, которая, по мысли Маркса, замыкает интересы человека прежде всего рамками потребительства. Капитализм завершает предысторию человечества, подлинная же история начинается с приходом социализма, который ставит своей целью рост не только материального, но и духовного богатства общества. В высшей фазе коммуни-

стической формации развитие творческих потенций человека превратится в самоцель. Осуществить эту цель, или, говоря словами Маркса, предоставить каждому необходимый общественный простор для насущных жизненных проявлений, капитализму не дано.

Нашим поколениям довелось жить на стыке предыстории и истории человечества, и мы сами являемся свидетелями и участниками ожесточенной борьбы двух тенденций: потребительской и творческой. Буржуазия и ее идеологи вполне сознательно стремятся направить прогресс в русло потребительства, придать личности сугубо одномерный характер. Социалистическое государство ставит своей целью создание многогранной, содержательной личности, которая не ограничивает свои жизненные цели только удовлетворением материальных запросов, но стремится раскрыть и заложенный в ней творческий потенциал.

Здесь я опять хочу сослаться на Ленина, который предвидел указанную выше коллизию потребительской и творческой тенденций. В самом начале XX века, когда трудящиеся России страдали от голода и нищеты, когда главным революционным требованием масс был лозунг борьбы за достойное человека материальное существование, когда рабочим было не до творческого труда — практически такое требование еще и не маячило на горизонте, — Ленин не забывал о главной перспективе социализма, начертанной Марксом и Энгельсом. Плеханов, составляя проект программы Российской социал-демократиче-

ской партии, определил в качестве цели социализма планомерную организацию «общественного производительного процесса для удовлетворения нужд как всего общества, так и отдельных его членов». Ленин энергично протестовал: «Этого мало. Этакую-то организацию, пожалуй, еще и тресты дадут. Определеннее было бы сказать... не только для удовлетворения нужд членов, а для обеспечения *полного* благосостояния и *свободного всестороннего* развития *всех* членов общества»¹. Именно в этом он видел главный водораздел между капитализмом и социализмом. Предоставить возможность для свободного и всестороннего развития всем членам общества капитализм не способен, сколько бы он ни развивал свои производительные силы. Социализм же выдвигает эту задачу как основную, видит в ее решении цель всего общественного развития. И эту задачу предстоит решать не в отдаленном будущем, а уже сегодня; этот вопрос уже поставлен на повестку дня. Формирование гармоничной личности — объективная общественная потребность, однако она не может реализоваться сама по себе, без борьбы, без целенаправленной деятельности людей.

Мне неоднократно приходилось беседовать с западными социологами на эту тему. Многие из них были единодушны в признании серьезности наших экономических планов, не сомневались, что Советский Союз станет со временем страной высокого уровня жизни. А вот насчет возможности создания

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 232.

гармоничной личности у нас с ними согласия не получалось. Они утверждали, что рост потребительских тенденций, а вместе с ними и индивидуалистической стяжательской психологии — всеобщий закон исторического прогресса и не зависит от той или иной социальной системы. Ведь автомашина, телевизор, холодильник, стиральная машина и прочее, говорили они, представляют собой предметы личного пользования, и это уже само по себе обостряет личные интересы человека, усугубляет его индивидуалистические наклонности, усиливает тенденцию к уходу от общественных дел в сугубо личные интересы, в потребление.

Хочу пояснить. Мы не сторонники аскетизма, мы не проповедуем самоограничения, отказа от необходимых вещей и благ. Напротив, в последние годы особенно большой упор делается на поворот народного хозяйства к задачам, связанным с повышением благосостояния народа. А вместе с благосостоянием растут и потребности людей: то, что вчера казалось излишеством, даже роскошью, сегодня становится необходимым. XXVI съезд КПСС вновь подчеркнул: «Исходным пунктом партийного, политического подхода к экономике служило и служит неизменное программное требование — все во имя человека, все для блага человека»¹. Но против чего мы действительно боремся и против чего выступаем, так это «потребительство ради потребления», заслоняющее и заменяющее все прочие интересы, это сам дух потребительст-

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 31.

ва, обедняющий личность. Когда все равно, что покупать, лишь бы купить, когда покупается не нужное, а «престижное», не для того, чтобы создавать удобства и облегчать жизнь, а для того, чтобы вызывать удивление или зависть окружающих.

Пущенный на самотек подобный процесс может завести весьма далеко. Вот почему Ленин говорил, что мы будем бороться десятилетия, чтобы искоренить индивидуалистические наклонности людей. Бороться! А не ждать, когда объективные законы социализма все уладят к лучшему.

Вот почему задача борьбы с мещанством, стяжательством и прочими уродливыми проявлениями индивидуализма ставится сегодня нашей партией так остро. Все эти явления вступают в непримиримое противоречие с самой сущностью социалистического образа жизни. В то время как на Западе мещанин или хапуга логически вписываются в капиталистический образ жизни (ведь сам принцип прибавочной стоимости, основы основ капиталистического производства, представляет собой возведенную в закон спекуляцию на человеке, его творческих силах и потенциях), при социализме они своим поведением извращают коллективистские принципы, органически присущие социалистическому образу жизни.

Западные пропагандисты это отлично понимают и делают все возможное, чтобы «подсобить» нам в утверждении мещанских, потребительских тенденций. Причем делают это вполне сознательно и планомерно.

«ХИППИ» ИЗ СУХОГО ЛОГА

Как-то мне довелось вести любопытную дискуссию с читателями «Пионерской правды». К своему удивлению, я узнал, что эту газету читают очень многие старшие школьники. В редакции газеты меня познакомили с увесистой пачкой писем, авторы которых жаловались на свою «скучную жизнь», а некоторые даже завидовали западной молодежи, которая «имеет возможность» наслаждаться прелестями биг-бита и абстрактного искусства. Когда я читал такие письма, то вспоминал растерянного пожилого журналиста из швейцарской католической газеты «Круа». Говоря, он нервно пощипывал подбородок: «Нет, вы мне все-таки объясните, в чем тут дело. Прошлым летом мы с женой путешествовали по Балтийскому морю. Нас потряс контраст между молодежью Копенгагена и Ленинграда. В Копенгагене — порнография, наркотики и вялые, грустные молодые люди. В Ленинграде — никаких наркотиков. Жизнерадостные, общительные юноши и девушки. А ведь им еще далеко до материального уровня датчан, мы сами это видели. Так в чем же дело? Вы можете мне объяснить?»

И вот теперь я познакомился с нашими собственными «вялыми и грустными» молодыми людьми, которые завидовали своим

сверстникам на Западе. Для ответа в газете я выбрал письмо Алексея Серого (так он называл себя) из города Сухой Лог. Потому что оно было самым воинственным из всех. И самым откровенным.

Прежде всего Алексей заявил, что нынешняя молодежь должна иметь новые идеалы, соответствующие духу времени, они, эти идеалы, должны быть «ультрасовременными». Алексей спел гимн аполитичности и заключил, что молодежь «не интересуется политикой, ей нужно «что-то другое».

Что же? Оказывается, рок-музыка, которая «является настоящим искусством», олицетворением «стихийного протеста передовой молодежи Запада против мещанской психологии, единственным путем реализации личности». Наконец, автор письма сообщил, что ищет (увы, в киоске «Союзпечать» это не продается) портрет одного из лидеров поп-музыки Мика Джеггера. И что, вообще, он готов «отдать свои симпатии философии, выработанной западными хиппи».

Безусловно, подобное подражательство западной моде имеет свои причины. Процветает оно, как правило, там, где молодежи живет скучно, где учеба и труд воспринимаются еще как тягло, где нет увлеченности и в дело не вкладываются душа и чувства. Словом, там, где надо заполнить духовную и интеллектуальную пустоту. В этом повинны отнюдь не только молодые люди. Задача искоренения причин подобных явлений стоит у нас сейчас особенно остро. Но это особый разговор.

Другое дело — на Западе. Те формы, в ко-

торых, по мысли самой молодежи, выражается протест против традиционных буржуазных ценностей (та же рок-музыка, волосы до плеч, красочные лохмотья), охотно принимаются самими носителями этих ценностей из правящего класса, тиражируются, рекламируются: «Вот, дескать, какая свобода! Хочешь — протестуй. Никому не возбраняется». Почему грамзаписи Мика Джеггера, Джонни Холлидея и прочих идолов поп-музыки распространяются там в десятках миллионов экземпляров? Кто все это делает? Уж, конечно, не молодые люди, у них на это просто нет средств. Это делают взрослые. Они же создали в свое время и рекламу движению хиппи. Почему?

Я встречался со многими хиппи: американцами, французами, шведами, голландцами. Они брэнчали на гитарах, курили марихуану, славили любовь во всех ее проявлениях. Я спрашивал у них, чего они хотят. Они объясняли, чего *не* хотят, говорили, что протестуют против мещанства взрослых. Дома их заставляли мыться, стричься, учиться зарабатывать деньги. А хипповать — значит обрести полную свободу: можно не мыться и не учиться, носить волосы до джинсов и вдоволь до хрипоты говорить о революции. Они повторяли, что не хотят служить капитализму, как делают их родители, и поэтому решили уйти из общества совсем.

Сначала мне было интересно, потом стало скучно. Я все пытался узнать: ну вот ушли из общества, а что дальше-то делать собираются? Но так и не получил ответа.

Кстати, пользуюсь случаем, чтобы выпол-

нить просьбу моих читателей, которые интересуются судьбой движения хиппи, хотят узнать, в каком оно сейчас состоянии. В самом плачевном. Встретить сейчас настоящего хиппи очень трудно. Мне это удалось. Я его увидел на вокзале в Эдинбурге. При виде этого чудища даже у невозмутимых шотландцев отваливались челюсти, и, подбирая руками юбки, они старались обойти его стороной. Закутанный в вылинявшее мексиканское пончо, он притулился на пустой лавке, рядом с ним лежал большой вещевой мешок, к которому была пристегнута повидавшая виды гитара. И к ее деке приклепнута национальная эмблема Швейцарии: белый крестик на красном фоне. Я подошел к нему:

— Хиппи?

Он повернул ко мне физиономию, больше напоминавшую заросли в джунглях, сквозь которые продирались два настороженных глаза и кончик облупленного носа. Не дождавшись ответа, я спросил:

— Швиц? — И тут же повторил на французском: — Сюисс? Швейцарец?

Он неохотно кивнул, а я продолжал настырничать:

— Из Женевы? Нешателя? Мартини?

Еле слышно он буркнул:

— Из Далемона.

Все же кончилось тем, что я его разговаривал. Правда, словарный запас моего хиппи оказался крайне скудным. И немудрено, за те годы, что он не был дома, ему редко приходилось говорить по-французски. Жан-Батист, так звали моего нового знакомого, изрядно странствовал по белу свету. И в конце

концов прибился к группе таких же бродяг, с которыми попал в перуанские Анды, в город Куско, построенный на руинах древней столицы инков. Сколько их там было? Около тысячи. Что они делали? В основном скучали, тянули «паршивое чича» — местное пиво из майса, разглядывали туристов. Чем жили? Позировали за деньги тем же туристам, продавали им полудрагоценные камни «чакирас», выковыранные из могильников.

Наиболее часто в скудном наборе слов, которыми изъяснялся Жан-Батист, встречалось жаргонное слово «фрик», деньги. Если резюмировать его рассказ, то вся жизнь хиппи проходила в поисках денег. Чтобы утолить постоянный голод, купить гашиш, марихуану, героин, кокаин. Многие не выдерживали тягот такой жизни, некоторые погибали при утомительных переходах в горах, другие — от чрезмерного потребления наркотиков. Каким он видит будущее хиппи?

— Хиппи баста. Маразм. Занимаются любовью. В камнях храма Солнца. Один гринго вообразил себя орлом-кондором и спрыгнул в пропасть. Местные крестьяне нас презирают. Однажды полиция отобрала самых грязных. Их помыли, постригли и выгнали из страны. Меня не тронули, я считался чистым.

Из дальнейшего рассказа я узнал, что он продал свой фотоаппарат — все, что осталось у него от дома, и спустился в долину. Добрался до Лимы и первым самолетом — до Лондона. В Шотландии у него живет приятель — сын богатых родителей, с которым он подружился, когда они хипповали вместе,

приятель отказался от бродяжничества первым и вернулся домой.

И вот теперь Жан-Батист решил пока не торопиться домой, а оклематься в усадьбе приятеля. На вопрос, что он думает делать дальше, ответил коротко:

— Побреюсь, а там видно будет.

На том мы и расстались.

Вот так массовое движение хиппи, собиравшее порой до полумиллиона участников, как это было на фестивале в Вудстоке, вылилось в ручейки одиноких бродяг, не знающих, чем себя занять. Движение, которое с самого начала основывалось на пассивном протесте, с самого же начала было приговорено к умиранию. Сейчас этого движения больше не существует, оно изжило себя.

Чего нельзя сказать о рок-моде и ее идолах, которые продолжают протестовать против мещанского образа жизни средствами «гневной» музыки. Впрочем, не надо быть пророком, чтобы предсказать, что и рок-протесту не суждена долгая жизнь. Беседовал я как-то в Женеве с самим Миком Джеггером, портрет которого ищет Алексей Серый. В разговоре со мной он говорил то же, о чем поет в своих рок-куплетах, критиковал мещанство буржуазного общества и буржуазную молодежь. Он говорил, а я глядел ему в рот, где в одном из зубов идола сверкал настоящий бриллиант. Мик заметил мое любопытство и самодовольно пояснил:

— Сначала я вставил изумруд, но это слишком мертвый камень, потом — рубин, стало похоже на каплю крови, а вот бриллиант — то, что надо. Сверкает, правда?

Я согласился и подумал, что желание всех удивить, потрясти (хоть бриллиантом, вставленным в зуб), всех переплюнуть — это то же мещанство, вывернутое наизнанку. То самое, которое Мик гневно осуждает в песнях.

Надо отдать должное хозяевам Запада, они быстро сообразили, что громкие слова, даже самые воинственные, им ничем не угрожают и что, наоборот, оглушительную рок-музыку, как в свое время и тихую философию хиппи, можно использовать в качестве хорошего громоотвода.

Говорят, что на некоторых японских фабриках существуют специальные комнаты, где рабочие могут избивать резиновыми дубинками гуттаперчивые чучела своих хозяев. Чтобы излить свою злость и ненависть к эксплуатации. Только настоящим хозяевам не больно, ведь это все они сами придумали. Не выполняет ли иногда рок-музыка подобную функцию?

Возьмем того же Мика Джеккера. Западная реклама превратила его в идола молодежи и помогла этому парню из простой семьи стать миллионером. Просто так? За красивые глаза? Или за его музыку? Полноте. Конечно, на Мике Джеккере и на созданной ему популярности заработали дельцы. Как зарабатывали они и на других идолах рок-музыки: Стинге, Мэрли и прочих. Но не только это. Механизм создания и эксплуатации идола гораздо сложнее. Если присмотреться внимательнее, то пропаганда Запада, популяризируя того или иного эстрадного любимца публики, твердит не столько о его голосовых данных или танцевальных па, сколько о том,

что он носит, на чем ездит, где и как проводит время. О его виллах и яхтах, спортивных автомобилях и ярких подружках, короче говоря, о «сладкой жизни». Под воздействием этих незатейливых образов молодые люди, сознательно или нет, начинают стремиться не к тому, чтобы петь или танцевать, как Мик Джеггер, а чтобы иметь те же вещи, что и он. Журналы и телевидение подхватывают и закрепляют подобную тягу к вещам, искусственно и искусно подогревая ее. Вместо полноценного жизненного идеала подсовывается красивая иллюзия в образе эдакого богатого, развязного и свободного от всех обязательств перед обществом молодого героя.

Между прочим, сегодня на Западе появилось немало социологов, которые выступают за то, чтобы положить конец потребительской гонке, прекратить производство все новых и новых, зачастую никому не нужных товаров.

И не только потому, что это усиливает хаос в экономике, но и потому, что это представляет социальную опасность для господствующего класса. Ибо озлобляет людей (а таких миллионы), которые просто не в состоянии не только угнаться за рекламой, но купить самое необходимое. Так, в Соединенных Штатах потребительскими благами могут пользоваться в полной мере лишь те американцы, чей доход превышает 17 тысяч долларов в год, но они составляют очень небольшую часть населения. Средний потребитель — это миф. Есть такой анекдот: у одного пациента врачи диагностировали повышенное давление, у другого — пониженное. А в среднем получился один вполне здоровый человек.

Таким образом из крупного бизнесмена и рабочего в среднем получается вполне благополучный обыватель. А ведь даже в хорошие для экономики времена и даже прилично зарабатывающие рабочие (я не говорю уже о миллионах парий и о кризисных временах) не могут себе позволить потреблять даже самое необходимое: мясо, овощи, фрукты, молоко. Мне доводилось беседовать со многими такими рабочими, они имели автомобили, но не всегда вставали сытыми из-за стола. Все они твердили одно и то же: «А плата за квартиру?», «А оплата врачей и лекарств?», «А кто меня прокормит в старости?», «Если бы вы знали, сколько приходится откладывать в страховую кассу!», «А если останешься без работы?» И все эти «если» — повседневная реальность, а не миф о среднем потребителе.

И надо сказать, что многие молодые люди на Западе сами начинают сегодня понимать, что ни пассивный протест хиппи, ни рок-музыка, ни абстрактное искусство не способны существенно изменить реальную действительность.

И если уж говорить по существу, то западную молодежь по-настоящему волнует вовсе не рок-музыка и не абстрактное искусство. А то, что большинству молодых людей закрыт доступ к высшему образованию, к свободному выбору профессии. Что даже многие из тех, кто получает диплом об окончании университета, не могут найти работу.

Что же получается? Алексей Серый и те, кто разделяют его взгляды, протестуют во имя солидарности с молодежью Запада, против

того, к чему она сегодня стремится. И стремятся к тому, от чего она сама нередко хочет освободиться,— к западному образу жизни.

«Ответ Алексею Серому» вызвал оживленную дискуссию, в редакцию пришло много писем. Большинство молодых людей согласились с тем, что увлечение ультрасовременными ритмами не может и не должно служить жизненным ориентиром. Нашлись и воинствующие защитники поп-музыки, обвинившие меня в смешении искусства с политикой, в незнании современной музыки. Согласен, в музыке я дилетант. И хочу сразу предупредить читателя, поскольку речь впереди еще пойдет и о музыке, и о живописи, я не знаток искусства и оставляю эту область профессионалам-искусствоведам. Я говорю об искусстве с точки зрения его использования. И во все не рок-музыку как таковую я взялся развенчивать. Не принимая ее ни умом, ни сердцем, я допускаю, что другим она может нравиться. И лично не имею ничего против того же Мика Джеггера и прочих кумиров этого жанра. Среди них есть искренние, честные люди, и дело тут, конечно, не в личностях, а в том, как их используют. И нередко в определенных социальных и политических целях.

Когда тот или иной западный «голос» предлагает послушать «по заявке Пети из Краснодара или Саши из Одессы» любимые ими рок-ансамбли, дело здесь вовсе не в ублажении музыкальных вкусов вымышленных, как правило, Петь и Саш. В «Руководстве для радиостанции «Свобода», которая работает под эгидой Центрального разведыватель-

ного управления Соединенных Штатов и вещает на Советский Союз, черным по белому записано, что основная задача передач — «размывание социализма изнутри». Искусство играет в этих планах далеко не последнюю роль. Сначала — бездумное опьянение ритмами, потом — интерес к «суперзвездам» и даже поклонение им с их сказочным везением и кажущейся независимостью. И, наконец, принятие их философии. Ведь это и есть программа «размывания» в действии. Хотя она и не всегда заметна простому глазу.

Трудно сочувствовать наивности тех, кто в своих письмах восклицает: «Что же здесь плохого, если мне нравится хипповать и гоняться за портретом своего кумира?» Хочу ответить строками из письма московского школьника Валентина Агаджанова: «Серость и убогость этих интересов граничит с серьезной опасностью. Хорошо, что таких «серых» не так уж много. Думаю, жизнь еще научит их ценить настоящее, любить прекрасное. И не только любить, но и бороться за него».

Я тоже так думаю. Потому, что вся наша жизнь, в отличие от западной, пропитана стремлением к знаниям, творческому, свободному труду. Что касается искусства, то никому не запрещено любить музыку или живопись по своему вкусу. На здоровье! Важно не быть серыми в политике, уметь отделить наносное и «приносное» от своего кровного, главного.

Неумение сделать это приводит иногда к трагическим ошибкам, исправить которые бывает очень нелегко.

ИСПОВЕДЬ ГРАЖДАНИНА С.

Однажды в Женеве ко мне пришел уже немолодой человек, представился гражданином С. и попросил выслушать его.

Говорил долго. В 1967 году он покинул свою родину, Советский Союз, и уехал в Израиль, куда его настойчиво приглашал дальний родственник. Сначала С. отказывался, но потом, не сработавшись с деканом института, где он преподавал английский язык, в сердцах махнул рукой и согласился. С. усмехнулся: «Уехал на поиски счастья». И вот спустя несколько лет он сидит в бюро АПН и говорит: «Теперь-то я понял, насколько были ничтожны мои обиды в сравнении с тем, что я потерял». Спрашиваю: «А как насчет счастья?» С. снова безрадостно усмехнулся и предложил: «Соберите журналистов, и я им подробно расскажу о том, как живет советским людям в Израиле, об этом сейчас пишут много ерунды. Пусть знают правду».

Что ж, идея была неплоха, тем более что в то время в Швейцарии, да и не только в ней, свирепствовала очередная эпидемия сионистской пропаганды. Я снял помещение кафе дю Солей на площади Пети-Саконе, неподалеку от Дворца Наций, отпечатал в типографии пригласительные карточки и разослал их журналистам: швейцарским и иностран-

ным, аккредитованным при Европейском отделе ООН. В карточках было сказано, что они приглашаются принять участие в пресс-конференции, на которой выступит и ответит на вопросы господин С., бывший советский гражданин, эмигрировавший в Израиль и проживающий в настоящее время в Швейцарии.

К назначенному часу кафе дю Солей было набито до отказа. Не обошлось без инцидента. Когда я представил журналистам С., встал худощавый человек в плаще и заявил, что пресс-конференция незаконна, поскольку бюро АПН не заявило о ней заранее в отдел печати женеvской полиции, как это предусмотрено правилами кантона. И показал свое полицейское удостоверение. Журналисты зашумели, а мне стало не по себе. Я спросил полицейского: «Значит, вы запрещаете проведение пресс-конференции?» Он ответил: «Ни в коем случае, но я буду присутствовать на ней».

У меня немного отлегло от сердца. Но тут встал корреспондент «Фигаро» Лоран Масю, тот самый, с которым мы были на Сицилии, и заявил, что присутствие полиции будет стеснять журналистов — они не смогут свободно высказываться — и что он лично в таких условиях работать не согласен. В гробовой тишине Масю вышел из кафе. Его примеру последовал Иван Шемла, корреспондент Франс Пресс, а представительница «Голоса Америки» — мадемуазель Зильберштейн призвала всех журналистов бойкотировать пресс-конференцию. И тоже покинула кафе. Но этими тремя дело и ограничилось, остальные журна-

листы не двинулись с места, и пресс-конференция началась. Я предупредил С., чтобы он не предавался эмоциям, не бранил правительство Израиля и, разумеется, был лоялен к Швейцарии.

С. начал с того, что поблагодарил власти Швейцарской конфедерации, выдавшей ему вид на жительство, а потом перешел к описанию своих мытарств. Как я уже упоминал, у С. диплом преподавателя английского языка. В Женеве он подметал вокзал, в других городах выполнял случайные работы, что подворачивалось под руку, пока наконец не устроился ночным портье, а попросту говоря, ночным сторожем в одной из гостиниц Сен-Морица.

Но все это было раем по сравнению с его жизнью в Израиле. Дальний родственник свое дело сделал — зазвал его — и никакой помощи ему не оказал, обычное явление. В Тель-Авиве ему буквально смеялись в лицо, когда он заводил разговор о работе по специальности. А один крупный чиновник министерства просвещения, у которого С. добился свидания, сказал ему: «Скоро начнется война с Египтом, и если во время боев кого-нибудь из учителей английского языка убьют, то не исключено, что вы займете освободившееся место». Все же в конце концов С. удалось устроиться в школу профессионального обучения в Яффе, однако проработал он там всего лишь около месяца: родители не желали, чтобы их детям преподавал бывший советский, к тому же не владеющий в совершенстве древнееврейским языком. И С. снова оказался на улице. Некоторое время работал

грузчиком, потом разносил почту. И снова — без работы.

По истечении восьми месяцев такой жизни С. обратился к израильским властям с просьбой отпустить его ненадолго в нейтральную Швейцарию, чтобы оттуда добиться выезда жены и детей из Советского Союза в Израиль. Приехав в Берн, он действительно сразу же обратился в посольство СССР, но только с другой просьбой: просил вернуть его к жене и детям в Советский Союз.

Закончив свое выступление, С. тяжело опустился на стул и вытер пот с лица, хотя в кафе было скорее прохладно. Журналисты начали задавать вопросы. Корреспондент тель-авивской газеты Дрюкман сказал, что С. просто не повезло, есть немало советских евреев, которые отлично устроились и довольны жизнью. С. ответил, что такие есть, но их значительно меньше, чем парий вроде него.

— А потом, что значит быть довольным жизнью? Разве человек может угадать, где найдет, где потеряет? Когда в доме есть водопровод, вы мне можете сказать, что человек доволен? Неправда, он его просто не замечает. А когда попадает в пустыню, вот тогда только начинает ценить водопровод, понимает ему цену. В Советском Союзе мы просто много не замечали, считали обычным, а потому не заслуживающим внимания: бесплатные больницы, дешевые лекарства, бесплатное обучение. Всего этого мы не замечали. А вот в Яффе мы собирались вечерами и долго говорили, какие же мы были слепые. И были среди нас и такие, кто преуспел. Зубной врач был. Хорошо зарабатывал. К нему много на-

роду ходило. Он тоже древнееврейским не владел, но, когда зуб болит, клиенту не до языковых тонкостей. Он нам помогал, чем мог. И тоже говорил, что был слепец. А потом, что деньги? То они есть, то их нет. И не в этом счастье. Это я понял теперь крепко. Важно, как дышится — легко или трудно. Вот тут один журналист меня спрашивал, есть ли в Советском Союзе антисемиты? Есть они. Темные люди есть и в Советском Союзе. И со мной в институте работал один такой, образованный был, языки иностранные знал, а все равно оставался темным. А вот попал я как-то в беду, тяжелый был период в жизни, так люди мне помогли, позаботились, чтобы легче было. Даже те помогали, которых я до этого не знал. И тот, «темный», тоже помогал. Вот я и говорю: важен воздух, как дышится — легко или трудно. А вот здесь (С. быстро взглянул на худощавого полицейского), прошу прощения, я хочу сказать, там, в Израиле, вроде бы все с тобой вежливо, услужливо, только глаза у всех какие-то... Без искорки, что ли? И подыхай ты на шумном перекрестке — никому ты не нужен. Каждый сам по себе. Отчуждение, одним словом.

Сейчас С. живет в Советском Союзе, работает по специальности. А тогда, я помню, его выступление заставило меня о многом подумать. Особенно вот об этом, очень емком понятии «отчуждение». Оно часто встречается в работах западных социологов. Американский философ Эрих Фромм считает самой характерной чертой современной эпохи «смерть личности». Рассуждая о будущем обществе, он пишет, что это будет «общество, где насе-

ление хорошо накормлено, отлично одето, где все желания людей удовлетворены, а желаний, которых нельзя удовлетворить, не возникает. Это автоматы, которые следуют куда угодно без помощи насилия, ими можно руководить без вождей, они создают машины, действующие подобно людям, и людей, действующих как машины... Это отчуждение ведет ко все возрастающему безумию. Жизнь не имеет смысла, нет ни радости, ни веры, ни реальности. Каждый «счастлив», если не считать, что он не чувствует, не рассуждает, не любит». Французский социолог Жеральд Мессадье еще более категоричен. Рассуждая о «неопределенном, угрожающем, бесчеловечном мире», он задает вопрос: «Не ведет ли прогресс к тому, что человек становится лишним?»

Когда луддиты в XVIII столетии разбивали машины, которые отнимали у них работу, это было следствием их темноты, неумения выразить свой протест иначе. Когда против прогресса выступают образованные люди в последней четверти XX века, это свидетельствует о глубоком кризисе общества, в котором они живут, а не о кризисе всего человечества, как они пытаются представить дело. Прав был Монтень, когда говорил: «Кого град бьет по голове, тому мерещится, что на всем земном шаре буря».

Феномен отчуждения, оторванный от своей исторической основы, превращается в нонсенс, в бессмыслицу. А его исторической основой служит капитализм, частная собственность. Эрих Фромм говорит о «смерти личности». Но убить личность — значит,

прежде всего, создать конфликт между человеком и трудом, благодаря которому он и сформировался как личность, превратить труд в нечто чуждое и враждебное человеку.

Американский писатель Гарвей Свадос нанялся на один из заводов Форда, чтобы лучше понять жизнь рабочего в Соединенных Штатах. И вот к какому он пришел заключению: «Грубая правда состоит в том, что работа на заводе оупляет людей. Она оупляет и оглушает любого, кто мечтает совершить в жизни что-нибудь стоящее. А не только приобрести автомобиль или коттедж. И это пора, наконец, открыто признать... Люди, с которыми я работал, за редким исключением, чувствуют себя животными, попавшими в капкан. В зависимости от возраста и обстоятельств они либо покоряются судьбе, оставаясь вечно недовольными своей работой, либо делают отчаянные усилия найти другое занятие. Им опротивело состояние загнанных лошадей, опротивело, что их жизнь зависит от бессмысленно устроенного мира, где все основано на купле-продаже».

Маркс научно объяснил феномен отчуждения. В черновом наброске «К критике политической экономии» он показал, что основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим способом присвоения — порождает не только кризисы экономические, но и кризис духовный. Извращая характер труда, капитал выдвигает на первый план его стоимостное выражение — деньги. И сама личность оценивается прежде всего не по творческим способ-

ностям или по какому-либо иному индивидуальному признаку — красоте, силе, ловкости, уму, — а по количеству наличных денег. Маркс очень выразительно показывает, как этот рыночный подход извращает все человеческие связи: «Сколь велика сила денег, столь велика и моя сила... Я *уродлив*, но я могу купить себе *красивейшую* женщину. Значит, я не *уродлив*, ибо действие *уродства*, его отпугивающая сила, сводится на нет деньгами. Пусть я — по своей индивидуальности — *хромой*, но деньги добывают мне 24 ноги; значит я не хромой. Я плохой, нечестный, бессовестный, скудоумный человек, но деньги в почете, а значит в почете и их владелец»¹. Господство частной собственности — вот основа отчуждения. Покончить с отчуждением, ликвидировать его, не затрагивая социально-экономических условий, его породивших, — невозможно.

При социализме еще остаются определенные следы отчуждения: мы уже говорили о потребительстве, мещанстве, вещизме. Выяснить причины этих явлений, найти пути для борьбы с ними, искоренить их — задача большой важности. Нет никакого сомнения, что с дальнейшим развитием механизации и автоматизации труда, которое открывает новые возможности для развития и расцвета личности, с совершенствованием системы хозяйствования и управления, с ростом политического и нравственного сознания людей элементы отчуждения при социализме неизбежно отомрут.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 148.

В мире существуют две противоположные системы с двумя противоположными образами жизни, но существуют они вместе и связаны между собой не только международными авиалиниями. Они оказывают друг на друга воздействие, как политическое, так и духовное. Увы, передовое, прогрессивное не только влияет на отсталое, но и испытывает на себе серьезное влияние этого последнего.

Дело, конечно, кончится победой одной из противоположностей, мы уверены — победой социализма и коммунизма. И победа будет достигнута революционным путем, путем разрешения социального конфликта между трудом и капиталом внутри самой капиталистической системы.

Я прекрасно понимаю, что проблема отчуждения конечно же не может быть исчерпана вот так, походя; о ней пишутся целые книги. Поэтому изложение этих и других теоретических вопросов, с которыми читателю еще придется встретиться по ходу рассмотрения темы, никоим образом не претендует на глубокий и всесторонний теоретический анализ. Оно служит скорее объяснением того живого конкретного материала, с которым читатель знакомится на страницах этой книги. Что касается отчуждения, то его преодоление — процесс трудный, неоднозначный.

«Ошибочно было бы думать, что революционные классы всегда обладают достаточной силой для совершения переворота, когда этот переворот вполне назрел в силу условий общественно-экономического развития. Нет, общество человеческое устроено не так разумно и не так «удобно» для передовых элемен-

тов. Переворот может назреть, а силы у революционных творцов этого переворота может оказаться недостаточно для его совершения,— тогда общество гниет, и это гниение затягивается иногда на целые десятилетия»¹. Вот как ставил вопрос Ленин. Даже в моменты бурного подъема революционного движения он предвидел не одну, а многие возможности его исхода, которые зависят от самых различных объективных и субъективных причин. После поражения революции 1905 года многие революционеры пали духом, ударились в пессимизм, а бывшие попутчики отшатнулись от социал-демократической партии, к которой примкнули в период революционного подъема. Позднее Горький писал, что к нему на Капри в то время приезжали русские революционеры, и были они какие-то усталые, потерянные, сломленные. А Ленин не терял исторического оптимизма. Выпущенный вернуться в эмиграцию, он снова собирал силы для будущей победы, в которой никогда не сомневался.

Сегодня тоже существует немало «прогрессистов», которые, устав от ожидания революции на Западе, потеряли веру в саму возможность такой революции и пытаются оправдать свой исторический пессимизм изменившимися объективными условиями.

Нет спору, объективные условия постоянно изменяются и вносят серьезные коррективы в развитие истории. Усложняются процессы, казавшиеся когда-то простыми и доступными для понимания. Так, рабочие на

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 366—367.

Западе сегодня имеют все больше дело не с отдельными «заводчиками», как это было во времена Маркса, а с огромными трестами и монополиями, владельцев которых они могут всю жизнь и в глаза не увидеть. Так создается иллюзия, что трудящихся эксплуатируют не отдельные люди, а какие-то абстрактные институты: завод или учреждение, превращающие человека в нечто безликое; государство, замораживающее заработную плату; техника, грозящая отнять работу. Один из лидеров западногерманских социал-демократов — Вольдемар фон Кнеринген так прямо и заявил, что человек на Западе служит ныне объектом эксплуатации со стороны неких «анонимных сил».

Государственно-монополистический капитализм, затушевывая истинный характер эксплуатации, придал ей вместе с тем универсальный характер, распространил на все сферы общественных отношений: политику, культуру, мораль. Таким образом, иллюзия безликого насилия закрепляется еще больше. Стоит поддаться этой иллюзии, забыть, что оно порождено живыми людьми и сложилось из вполне конкретных отношений между ними, что оно исчезнет вместе с этими отношениями, как придется признать, что в будущем «анонимные силы» задавят людей. Именно к этому выводу, сознательно или нет, приходят многие западные философы и социологи, которые, подобно Эриху Фромму, предвещают человечеству безрадостное будущее.

Марксистская наука считает, что объективные условия развития общества при всей их нынешней сложности по-прежнему и даже

в значительно большей степени, чем прежде, требуют коренной ломки капиталистических отношений, замены их социалистическими. Но сложность процессов нашей эпохи позволяет буржуазным идеологам в определенной степени сдерживать становление революционного сознания, то есть основного субъективного фактора революции. На это делает сегодня основной упор идеологическая пропаганда монополий. Главная ее цель — не допустить развития сознания масс до того уровня, на котором оно неизбежно подводит к революционному взрыву. Сознание, таким образом, стало на Западе основной мишенью сил, противостоящих революции.

„МОЖЕТ БЫТЬ, ВАМ ЭТО
ПОКАЖЕТСЯ СТРАННЫМ,
НО МЫ — МЕНЕДЖЕРЫ — ТОЖЕ
ЧТО-ТО ВРОДЕ СПОРТСМЕНОВ.
ВСЕ ВРЕМЯ ТАКОЕ ЧУВСТВО,
ЧТО НАДО ВЫИГРАТЬ,

„НОВЫЕ ПРАВЫЕ”!

КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

УЙТИ ОТ СОПЕРНИКА, И ВСЕ ВРЕМЯ ОЩУЩАЕШЬ

ЕГО ДЫХАНИЕ ПОЗАДИ СЕБЯ —

ВОТ-ВОТ ДОГОНИТ”.

«Я НЕ МАРКС, Я — МАРКУЗЕ...»

Западные философы не отрицают чувства неудовлетворенности жизнью, которые испытывают трудящиеся их стран. Они констатируют это и многое другое: неуверенность в завтрашнем дне, опасение остаться без работы, нервное перенапряжение на производстве, пустое времяпрепровождение в часы досуга. Тем не менее они считают, что рабочие Запада не осмелятся на революционные действия, так как дорожат достигнутым материальным благополучием и не хотят терять его. «Массы на Западе,— пишет французский социолог и публицист Раймон Арон в книге «Исследование свобод»,— с одной стороны, не удовлетворены своим положением, а с другой — нереволюционны. Слишком многие могут кое-что потерять, если их недовольство выльется в революцию». И заключает, что западное общество будет постоянно испытывать мелкие конфликты, брожение, но не революции. Если даже кто-то и не доволен, он надеется на лучшее: «Я имею шанс приобрести завтра то, чего не имею сегодня, а нет, так это получают мои дети».

Типичное рассуждение человека, до кончиков ногтей интегрированного буржуазным образом жизни. Мне с Раймоном Ароном доводилось встречаться дважды: на Всемирном

конгрессе социологов в Эвиане в 1966 году и на Международной встрече философов в Женеве в 1969 году. И оба раза меня поражало в нем сочетание ума и здравого смысла с мещанским образом мышления.

Майские события 1968 года в Париже вызвали серьезное смятение в рядах социологов, мыслящих подобно Арону. Это был взрыв протеста против западного образа жизни, против мещанства. Исходил этот протест от молодежи, которая, вопреки схемам Раймона Арона, заявила, что хочет иметь не больше, чем отцы, а жить иначе. В мае 1968 года молодые люди возводили в Париже баррикады, жгли автомобили, осыпали полицейских булыжниками. Точно так, как это делали в свое время их предки, не имевшие куска хлеба. Для тех хлеб был свободой. Эти обвиняли холодильники, телевизоры, стиральные машины в том, что они убивают свободу. И с ненавистью швыряли свои сберегательные книжки в лицо недоумевавшим родителям.

При всей своей стихийности и идеологической ограниченности майский протест молодежи был велик тем, что он свидетельствовал об осознании молодежью необходимости иных, более высоких ценностей, чем те, что может предложить капитализм. Этот протест был ударом по потребительскому образу жизни, по потребительской психологии.

Беседуя в сентябре 1969 года с Раймоном Ароном, я, между прочим, спросил его, не изменил ли он своих взглядов на жизнь после недавних майских событий. Он посмотрел на меня с откровенной жалостью, как смотрит мэтр на несмышленного ученика. Впрочем, я

успел заметить, что и на других журналистов — а нашей братии в холле конференц-зала было немало — он смотрел так же полужалостливо, полупрезрительно. Все же я удостоился ответа. Нет, он вовсе не менял своих взглядов, напротив, он убежден, что «майский бунт» имеет и положительные стороны. Во-первых, он показал, что молодежь сама не может разобраться, где добро, где зло; во-вторых, это послужит идеологам либеральной буржуазии хорошим уроком, они должны более серьезно заняться проблемой мировоззрения подрастающего поколения.

Раймон Арон погладил лысину:

— Мы должны проявить внимание к университетскому кризису. В свое время социалистическая критика способствовала прогрессу либерального общества, нынешние «новые левые» тоже помогают оживлению либерализма, который в последнее время стал уж очень инертным. Нынешние социальные волнения заставят осуществить необходимые экономические и социальные реформы. Наша буржуазия стала удивительно инертной, я бы даже сказал, она страдает своего рода мазохизмом. Ей говорят, что общество загнивает, а она отвечает: да, спасибо. Думаю, что теперь ей придется проявить больше твердости и гибкости.

Один из журналистов поинтересовался, что думает Раймон Арон насчет перспектив революции. Тот ответил сразу, не задумываясь, видно было, что для себя он этот вопрос решил раз и навсегда:

— Я убежден, что эпоха революций осталась позади нас. Будущее — незаполненная

страница, и я не пророк, чтобы разгадывать ненаписанные еще иероглифы. Знаю только, что оно принадлежит реформам, а не революциям. Не исключаю, что бунты, подобные студенческому, могут охватить со временем и другие слои населения: рабочих, коммерсантов, крестьян, но все они будут интегрированы обществом. Как будут интегрированы и бунтующие ныне молодые люди. Можете передать мое мнение своим читателям.

Тут же в холле мы беседовали с Гербертом Маркузе, который был в те годы кумиром молодых бунтарей. Он тоже участвовал в жевневской встрече философов. И хотя жена торопила его, он был с нами гораздо более любезен, чем Арон. За все время беседы он скорчил презрительную мину один лишь только раз. А именно когда мы ему задали вопрос, что он думает о книгах Раймона Арона:

— Я этого писателя не читаю.

Было очевидно, что он испытывает откровенную неприязнь к Арону, справедливо считая его добровольным защитником репрессивного общества, против которого он, Маркузе, выступал с открытым забралом. Думаю, что он его обличал действительно вполне искренне. Особый акцент Маркузе делал на проблеме отчуждения, на проблеме ликвидации духовного начала в человеке, ссылаясь при этом на Маркса. Я попросил Маркузе в двух словах уточнить, как он сам понимает этот феномен.

Он ответил:

— Видите ли, неокapитализм, направляя интересы людей в русло потребительства, полностью изменяет их сознание. Рост материального уровня жизни порождает потребно-

сти, удовлетворение которых воспроизводит систему угнетения и эксплуатации. И в этом плане я рассматриваю материальное благосостояние как репрессивное. Мы должны пропагандировать «великий отказ» от ценностей репрессивного капиталистического общества, и прежде всего от стремления к материальному обогащению, которое служит обуржуазиванию рабочего класса и интегрирует его в господствующую систему, основанную на все возрастающем производственном потенциале, который вновь увеличивает те же материальные ценности, а с ними воспроизводит и отчуждение... Не знаю, понятно ли я говорю?

Маркузе говорил на очень правильном французском языке с небольшим немецким акцентом. Журналисты кивали и записывали в блокноты мысли мэтра, наиболее, пожалуй, популярного в те годы. А я смотрел на его белую голову, медный от загара лоб, испещренный морщинами, из-под которого глядели глубоко посаженные глаза, и ловил себя на мысли: чем больше слушаю, тем меньше понимаю. Не слова, а мысли.

Маркузе переспросил, понятно ли он объясняет.

Я воспользовался этим:

— Если я правильно понял, то развитие производительных сил, техники вы вообще считаете явлением регрессивным?

Маркузе утвердительно кивнул головой.

— Да, считаю. То есть я, безусловно, понимаю, что остановить прогресс в экономике невозможно, это утопия, и именно в этом состоит трагизм положения. Здесь я расхожусь с Марксом. Хотя, как вы знаете, считаю себя

марксистом. Я полагал и полагаю сегодня, что Маркс недооценивал субъективный фактор и переоценивал экономику. Думаю, что сегодня он сам бы скорректировал свои взгляды.

— Значит, вы полагаете, что субъективный фактор должен предварять революционную практику?

— Именно так. Одним из предварительных условий революции должен быть радикальный сдвиг в сознании и даже скорее в подсознании личности, в ее психологии, потребностях и жизненной ориентации. Иначе развитие капиталистических производительных сил будет постоянно воспроизводить репрессивное общество с одномерными, нацеленными только на потребление людьми. Вот почему главной является проблема радикального изменения самого человека еще до изменения социальных и политических структур.

— А возможно ли такое?

— Я убежден, что новые потребности, отрицающие навязанную капитализмом культуру, могут возникнуть внутри самой системы. Недовольство капитализмом, которое постоянно присутствует в сознании массового человека, может в конечном итоге разрушить маниакальную устремленность к материальным благам.

— Вы говорите: человека. Кого именно? Рабочего, студента, люмпен-пролетария?

— Понимаю. Тут в отношении моих взглядов наслόилось много путаницы и вы, журналисты, нередко тому виной. Да, я утверждаю, что студенчество, люмпен-пролетариат, добавлю, массы в «третьем мире» революционны, поскольку они не интегрированы окончательно

но капитализмом и не утратили самобытного сознания. Чего нельзя сказать о рабочем классе, который за последние десятилетия обуржуазился и не представляет уже той монолитной пролетаризованной массы, что при Марксе. Ныне он расслоился и разбавился средними слоями. Количественный рост забастовок не свидетельствует о его революционности, это тред-юнионистская борьба за сохранение достигнутого материального статус-кво. Тем не менее я не отрицаю революционного потенциала рабочего класса и считаю, что никакая революция невозможна без его участия.

— Что же получается? С одной стороны, без рабочих нет революции, а с другой — рабочие неревolutionонны. Где же выход из этого порочного круга?

— Я надеюсь, что в сознании рабочего класса обязательно произойдет сдвиг и он отторгнет буржуазные ценности. Только не спрашивайте меня, когда и каким образом это произойдет, я сам себя об этом спрашиваю и не могу дать ответа. Думаю, что здесь может помочь Зигмунд Фрейд, его мысли о подсознательном. Прозрение может начаться с области подсознательного, инстинктивного, с активизации либидонального эротического начала. Но это все еще следует тщательно обдумать.

— Но Маркс считал, что изменение сознания и потребностей рабочего класса происходит по мере развития самой капиталистической системы, в результате созревания ее внутренних противоречий, а главное, в процессе революционной деятельности.

— Я уже сказал, что здесь мы с Марксом расходимся. И повторяю, что Маркс сегодня, вероятно, изменил бы свое мнение, обратился бы к биологическим аспектам личности. Я, во всяком случае, не вижу, как рабочие могут освободиться от все возрастающего давления буржуазной идеологии. Вот так.

Кто-то из нас пытался задать ему еще вопрос, но стоявшая рядом супруга, которая уже предприняла несколько попыток оторвать от нас своего мужа, на сей раз была решительна:

— Извините, но мы должны быть на приеме и успеть перед этим немного отдохнуть.

На приеме в женевском Пети-Пале мне удалось перекинуться с Гербертом Маркузе лишь несколькими фразами. Я поинтересовался, чем он сам объясняет свою популярность у западной молодежи. Он отделался шутливым ответом.

— Реклама. Истеблишмент способен интегрировать любую теорию. Вы видите, он интегрировал и меня самого.

Я возразил, что Маркса, однако, капитализму интегрировать так и не удалось. Он пожал плечами: «Я не Маркс, я — Маркузе».

Да, это верно. Маркс строил свою теорию на анализе реальных, строго научных фактов. Он был твердо уверен в истинности своих взглядов и возможности их воплощения в жизнь, убежден в великой потенциальной силе пролетариата, в будущем его торжестве над буржуазией, хотя рабочий класс в то время еще и идейно и организационно оставался слабым перед лицом мощного капитала.

Концепция «великого отказа» Марку-

зе — это концепция либерала, запуганного капитализмом. И это в то время, когда рабочий класс во многих странах мира доказал свое превосходство над буржуазией. В манипулятивных способностях империалистической идеологии и пропаганды временно запутать сознание части пролетариата Маркузе увидел опасность интеграции рабочего класса в капиталистическую систему, опасность его превращения в дезорганизованную массу потребителей, утративших прошлые революционные качества. Истинными революционерами, по его мнению, стали люмпен-пролетарии, хиппи, члены молодежных коммун и вообще бунтующая молодежь, которая «выражает отказ участвовать в благах, которые ей предлагает общество, и в то же время является носителем сексуального, морального, интеллектуального и политического протеста против системы». Подобные высказывания снискали Маркузе огромную популярность среди молодежи, особенно в период эйфории мая 1968 года. Когда же молодежное движение пошло на убыль, Маркузе растерялся. У него, правда, нашлось мужество признать, что теория «великого отказа», к сожалению, «не обладает концепциями, которые позволили бы указать путь от настоящего к будущему... она не дает обещаний и остается негативной».

Дальнейшие теоретические метания Маркузе только подтвердили утопический характер «великого отказа». По существу, это был отказ от борьбы против господства капитала. Упование Маркузе на чудо, на самопроизвольный переворот в сознании трудящихся не подтвердилось, чуда не произошло. И не про-

изойдет, если ежечасно не бороться за сознание людей, если не формировать его в постоянной революционной борьбе за свои права, за право быть личностью. А пока те, кто придерживается точки зрения Маркузе, ждут, когда «трудящиеся сами отторгнут буржуазные ценности», Раймон Арон не бездействует и делает все, чтобы навязать эти ценности рабочему классу. Он твердо стоит на земле и откровенно защищает империализм, дает ученые советы своим хозяевам, которые щедро вознаграждают его за это. Впрочем, после майского взрыва 1968 года сами хозяева — банкиры, владельцы трестов, президенты крупных корпораций — тоже активно включились в идеологическую деятельность — они размышляют о жизни, о будущем, не дожидаясь советов ученых. И это, безусловно, новое явление в практике капитализма.

СЕДЬМОЙ РАУНД ДИТМАРА РАШКЕ

26 декабря 1971 года. Зал цюрихского «Халленштадиона», вмещающий 12 тысяч зрителей, был заполнен до отказа, несмотря на то, что цены билетов — от 10 до 110 долларов — побили все прежние рекорды Швейцарии. Интерес публики был объясним: в этот вечер на ринг «Халленштадиона» поднялся Мухаммед Али. Всех интересовало тогда, сумеет ли бок-

сер вернуть свою былую форму. После поражения от Джо Фрэзера он, правда, выиграл затем у Эллиса и Матиса, но не очень убедительно, выглядел на ринге тяжеловатым и малоподвижным.

Интерес подогревался еще и тем, что противник Али — западногерманский тяжеловес Юрген Блин очень напоминал Джо Фрэзера, выступал крайне агрессивно и делал ставку на атаку. А тот факт, что в 43 боях, проведенных на профессиональном ринге, он ни разу не побывал в нокдауне, говорил сам за себя. «Это шанс моей жизни, — сказал Блин накануне боя. — Я надеюсь на успех, нынешний Мухаммед Али — это далеко не прежний Кассиус Клей».

После нескольких любительских боев, которые обычно предшествуют главному, профессиональному, свет в зале погас и луч мощного прожектора выхватил из темноты свиту Юргена Блина. Впереди шел знаменосец с национальным флагом ФРГ, за ним — сам боксер в бордовом атласном халате, менеджер, секундант с полотенцем, врач, массажист, кто-то из близких друзей. Через несколько минут церемония повторилась, на этот раз флаг был американский, звездный, Мухаммед Али вышагивал в белом атласном халате, за ним — свита. Впечатляющее зрелище.

Гонг. Али отказался от своей обычной словесной перепалки с противником и за весь поединок ни разу его не обругал. Был собран и очень внимателен, продемонстрировал хорошую технику и реакцию. Впервые после трехлетнего перерыва он, кажется, начал обретать былую форму. Юрген Блин, верный своей так-

тике, сразу же набросился на Али, стараясь зацепить его. Время от времени ему это удавалось, однако в большинстве случаев Али встречал его прямым ударом левой, его левая рука работала как пружина. Западногерманский боксер беспрерывно натывался на перчатку противника, его удары чаще всего пересекали воздух. Поединок очень напоминал корриду, где разъяренный бык слепо бросается на человека, а тот играет с ним, ловко увертываясь и вонзая в его загривок одну бандерилью за другой, подготавливая завершающий удар. Так продолжалось шесть раундов (по контракту матч предусматривал 12 раундов). Блин израсходовал колоссальное количество энергии. Али выглядел свежее.

Обстановка в зале накалилась до предела. Гул голосов, клубы табачного дыма. Вспышки блицев, жужжание кинокамер. Так получилось, что я оказался в самой гуще бомонда, самого, что ни на есть настоящего, примерно такого, каким его описал Лев Толстой в сцене скачек в «Анне Карениной». Модернизированного, разумеется, бомонда. Мужчины в костюмах спортивного покроя, сшитых у самых дорогих портных, дамы в голубых песках и отливающих серебром норках. Золотые портсигары, бриллиантовые подвески, кольца, браслеты, колье. Терпкий запах дорогих сигар вперемишку с ароматами духов от Диора и Елены Рубинштейн. И даже лорнеты. Чувствовалось, что бомонд вышел не столько посмотреть на Мухаммеда Али, сколько показать себя.

Но Дитмар Рашке пришел сюда ради бокса. Огненная шевелюра, конопатая физионо-

мия, строгий скромный костюм-тройка. Дитмар Рашке, президент — генеральный директор процветающей корпорации. Я его узнал сразу. Он меня — не сразу. Это я заметил по его глазам, сначала вопросительно-ищущим, потом откровенно удивленным (журналист в ложе!) и, наконец, безразлично-вежливым.

Мы церемонно поздоровались и за весь вечер больше не обменялись ни словом. Хотя я поглядывал на него и время от времени ловил ответный взгляд.

Впервые я его встретил в курортном швейцарском городке Давосе, где в течение двух недель проходил международный семинар по проблемам «постиндустриального общества». Туда съехалось более 500 менеджеров, руководителей промышленных компаний из 32 стран мира. Они слушали выступления знаменитых американских социологов, специально приглашенных по этому случаю: Германа Кана, который одним из первых пустил в обращение термин «постиндустриальное общество», и Джона Гэлбрейта.

Это не был обычный семинар, где между зваными обедами и знакомством с местными достопримечательностями полуделегаты-полутуристы обмениваются мнениями о том о сем. Для того чтобы 500 крупных президентов и управляющих оторвались на 15 дней от текущих дел, нужен был очень серьезный повод. Таким поводом были: возрастающая инфляция, безработица, финансовые затруднения — симптомы надвигающегося кризиса. Назрела необходимость срочно посоветоваться, что делать дальше. Вот менеджеры и взяли двухнедельный тайм-аут.

Герман Кан — он в то время уже пользовался авторитетом «великого футуролога» — выступал, прохаживаясь по сцене. Толстый, добродушного вида, в очках.

Он прочел дифирамбы собравшимся менеджерам и заявил, что будущее принадлежит им.

— Главной примечательной чертой эволюции «постиндустриального общества» будет полная модификация шкалы ценностей, движущих экономику. Погоня за прибылью, которая пока еще остается основным мотивом «общества потребления», перестанет служить доминантой прогресса. Каковы будут новые ценности и доминанта? Этого я сейчас сказать точно не берусь, да это и не входит в задачи футуролога, цель которого дать общее видение будущего, сумму данных, руководствуясь которыми можно вырабатывать нужные решения.

Джон Кеннет Гэлбрейт, несколько напоминающий американского актера Грегори Пека, попытался развить поставленный Каном вопрос. По его мнению, главной заботой «постиндустриального общества» будет сдерживание дальнейшего роста техноструктур, грозящих капитализму вырождением в тотальную бюрократию, а окружающей среде — гибелью.

— Необходимо срочно выработать законодательство, которое наметило бы точные границы развития техники.

Еще один известный социолог Говард Перлмутер прогнозировал, что к концу нынешнего столетия 300 крупнейших мультинациональных компаний окончательно поделят

между собой все производство товаров потребления на Западе, оставив мелким предприятиям промежуточные, еще не занятые, зоны.

— Вероятно, эти 300 и позаботятся о защите окружающей среды, именно они смогут учредить законодательство, сдерживающее рост техники, о котором здесь говорил уважаемый Джон Гэлбрейт.

Вот тут-то сидевший рядом со мной бизнесмен — огненная шевелюра, синий, в искристую полоску, блейзер, на лацкане — плашка с именем «Дитмар Рашке» — проронил вполголоса, ни к кому не обращаясь:

— Профессора предполагают, а бизнесмены располагают.

Действительно, когда в последующие дни на семинаре начали выступать сами менеджеры, профессорские рассуждения-догадки как-то сразу поблекли. Я впервые присутствовал на собрании крупных бизнесменов, и меня поразила их деловитость, несмотря на то, что я о ней был наслышан и раньше. Знание предмета, четкие мысли, сжатые фразы. Было видно, что эти люди и впрямь не привыкли терять время даром. К тому же они были предельно откровенны и говорили то, что думали, не стараясь прикрыть цинизм округлыми фразами.

Особенно мне запомнилось выступление моего соседа Дитмара Рашке. Он начал с того, что извинился перед знаменитыми футурологами за то, что не очень ясно представляет себе, каким образом дальнейшая концентрация производства может сочетаться с процессом сдерживания технического прогресса, который служит основой этой концентрации и

монополизации основных отраслей экономики. Что касается лично его, Дитмара Рашке, то он скорее склонен рассматривать будущее «постиндустриального общества» не в плане сдерживания роста технотруктуры, а в плане сдерживания социальных конфликтов. Отношения с социальным партнером не менее важны, чем отношения с окружающей средой. Ведь судьба либеральной системы зависит в первую очередь от того, как долго и успешно руководителям экономики удастся проводить политику «консенсуса», социального мира. А это, в свою очередь, зависит от того, насколько либеральной идеологии удастся противостоять теории Маркса. Рашке сделал небольшую паузу и оглядел притихший зал:

— Я не согласен с теми, кто преждевременно хоронит марксизм, это политика страуса; врага надо знать, и знать хорошо. Может быть, это прозвучит парадоксально, но я призываю своих коллег поближе познакомиться с этой теорией. Маркс считал, что положение рабочего класса служит основой и исходным пунктом социального движения в целом, и я во многом с этим согласен. От того, насколько хорошо мы будем знать действительное положение, потребности и настроения нашего социального партнера, насколько сможем адаптироваться к этим потребностям и адаптировать их, зависит в конечном счете судьба всей системы свободного предпринимательства.

Дитмар Рашке снова внимательно оглядел зал:

— Возьмите хотя бы крах «Роллс-Ройса», который произошел в эти дни на наших глазах. Вы, надеюсь, не будете возражать, что

одна из главных причин этого — отсутствие полной информации о жизни рабочих и служащих фирмы и, как следствие, неудачно составленный контракт, не учитывающий их нужды. Неправильно принятое решение может оказаться чреватым тяжелыми последствиями для десятков тысяч персонала, а следовательно, и для всей корпорации. Не спору, компетентность и деловитость по-прежнему составляют главные черты управляющих, но они должны сочетаться с гуманизмом в самом широком смысле слова. Гуманизм ныне окупается. Время менеджеров — деловых роботов, как их описывал Золя, безвозвратно ушло. Как минула и пора примитивной теории пирога: чем больше пирог, тем большая его доля достанется каждому. Во-первых, куски пирога приходится уже сейчас урезать, а во-вторых, рабочие все в большей массе уже не довольствуются только пирогом, они сами хотят активно участвовать в экономической политике предприятия, в его решениях. Таковы факты, и мы ничего не можем против них поделать. Помните, еще не столь давно хозяева предприятий не могли себе представить, как можно допустить к управлению их собственностью кого-то постороннего, будь он даже крупным специалистом. Джеймс Ротшильд высказал однажды мысль, что имеется три способа разориться: азартная игра, женщины и инженеры. Причем первые два — наиболее приятные, а третий — наиболее верный. А сегодня, как видите, мы, инженеры (разумеется, пока что самые крупные), обсуждаем здесь судьбы огромных фирм, которые нам не принадлежат, но управление которыми мы

считаем своим кровным делом. Я уверен, что процесс демократизации управления будет продолжаться и расширяться. Хотя многие мои коллеги в этом со мной не согласны...

Рашке сделал многозначительную паузу:

— Пока что! Пока не согласны. Профессор Герман Кан говорил здесь, что мы вступаем в пору новых жизненных ценностей, новой экономической политики. Децентрализация выработки решений — единственная, на мой взгляд, альтернатива прежним методам управления. Необходимо, чтобы в управлении участвовали все.

В зале поднялся сначала небольшой шумок, а затем — настоящий гвалт. Кто-то начал робко аплодировать, кто-то — выкрикивать возражения: мол, отказ от единоличного и централизованного управления предприятием равносителен смерти всей системы капитализма. Рашке поднял палец:

— Пардон, прошу не путать две вещи: участие в управлении и управление — это далеко не одно и то же. Привлекая персонал к управлению, мы отнюдь не отдаем ему бразды правления, да он по своей компетенции и не способен разобраться в проблемах организации или финансирования производства, ему не хватит для этого знаний, и его участие в конечном счете сведется к вопросам, касающимся лично каждого: к обсуждению с профсоюзом проблем заработной платы, занятости, нормирования рабочего дня, создания столовых, детских учреждений.

По лицу Дитмара Рашке скользнуло подобие улыбки, впервые за все время его выступления:

— И вместе с тем на предприятии будет создан психологический климат всеобщей заинтересованности и взаимной зависимости. Трудности перестанут рассматриваться как следствие злых намерений патрона или управляющего, напротив, каждый почувствует свою личную ответственность и готовность идти на определенные жертвы ради этого. Все будут сознавать себя экипажем одного судна, а потому постараются поддерживать его на плаву.

В зале снова слышались реплики. Особенно любопытна была одна, смысл которой заключался примерно в следующем: русские рабочие тоже не очень разбирались в вопросах организации или финансирования предприятий, тем не менее они экспроприировали их и после этого начали формироваться в инженеров и директоров; кто помешает западному рабочему проделать то же самое?

Дитмара Рашке вопрос не смутил, казалось даже, что он ждал его. Он отрицательно покачал головой.

— Не думаю, вся соль состоит в том, что, привлекая персонал к участию, мы привязываем его к себе и формируем по своему образу и подобию. Включаясь в сферу интересов предприятия, он неизбежно освобождается от различных внешних влияний, прежде всего от наиболее опасного марксистского идеологического воздействия. Конечно, было бы фантазией предполагать, что мы способны устранить социальные конфликты. Их невозможно избежать даже в образцовой стране «консенсуса» — Швейцарии, где вот уже 30 лет не было забастовок и где само слово «забастов-

ка» наводит ужас. И здесь есть конфликты с профсоюзами, и будут. Но вот что возможно, так это узаконение социального конфликта, включение его в правила игры. Однако это опять-таки зависит от того, насколько нам удастся влиять на формирование мыслей нашего социального партнера.

Рашке развел руками, как бы извиняясь перед аудиторией:

— Тяга людей к культуре — процесс закономерный. А раз так, мы не должны оставаться безразличными к их вкусам. Между прочим, студенческие бунты — это в чистом виде результат отрыва университета от экономики и ее потребностей. И это должно послужить нам хорошим уроком на будущее. Конечно, мы уже упустили много времени, но уверен, что еще не поздно поправить положение.

Дитмар Рашке посмотрел на часы:

— Прошу прощения, я несколько злоупотребил вниманием присутствующих, но думается, что именно здесь место и время обменяться мыслями, которые порождены богатыми событиями последних лет. А главное, надо срочно выработать необходимые рекомендации. И действовать. Наше высокое положение обязывает к этому.

На этот раз аплодисменты в зале были более дружными. А мне подумалось: есть еще у капитализма резервы для маневра.

Так случилось, что мы снова встретились с Дитмаром Рашке в тот же вечер. На катке, где проходили международные соревнования по скоростному бегу на коньках. Я подошел к нему и поздоровался. Спросил, за кого он

болеет. В это время в паре бежали америка-нец и норвежец. Рашке показал на норвежца, ушедшего от своего соперника метров на пят-надцать.

— За него. Сейчас. А вообще — за побе-дителя, которого еще не знаю. Победитель всегда вызывает у меня симпатию.

Я поинтересовался, какой вид спорта он предпочитает. Он ответил, что любит все виды спорта, а потом вдруг добавил:

— Может быть, вам это покажется стран-ным, но мы — менеджеры — тоже что-то вро-де спортсменов. Все время такое чувство, что надо выиграть, уйти от соперника, и все вре-мя ощущаешь его дыхание позади себя — вот-вот догонит. Управление стало для меня лич-но азартной страстью, спортом. Пожалуй, из всех видов спорта бокс особенно похож на наш бизнес. Бойцы стремятся к пьедесталу в своей весовой категории, а достигнув его, бьются за абсолютное первенство во всех ка-тегориях. Я даже мысленно представляю себе этот последний бой. Противник — на полу. Ре-фери отсчитывает секунды. И...

Дитмар Рашке резким движением ладони рассек воздух: нокаут!

— Значит, вы не согласны с Говардом Перлмутером насчет 300 концернов, которые поделят все рынки и договорятся между со-бой о мире?

Рашке задумался, сказал, растягивая слова:

— Я не вижу, как можно остановиться. Но до этого еще далеко, трудно сказать, что будет через 30 лет. Я не футуролог.

— Вы говорите, что управление стало для

вас чем-то вроде спорта, главным интересом. Ну а деньги?

— Деньги для меня значат много. Но не в том смысле, который придавали деньгам герои Домье. Опять-таки хочу вернуться к спорту. Автогонщики получают огромные гонорары. За риск. Между гонками они должны предаться полной релаксации, не утруждать себя никакими заботами. А это могут дать только деньги. То же самое у менеджеров, хотя периоды отдыха у нас очень короткие, в основном — гонки.

Он кивнул в сторону ледяного поля, посмотрел на меня с любопытством.

— Я даю вам интервью на морозе и не знаю, с кем имею честь?

Я назвал себя, он не удивился, только чуть пожал плечами.

— Вы, конечно, не согласны с моим выступлением на семинаре, не правда ли? И считаете, что наша система долго не протянет. Сколько же вы нам даете сроку? Примерно?

— Я тоже не футуролог, но думаю, что многое зависит от того, как отнесутся к вашим гонкам рабочие.

...Гонг. Седьмой раунд начался очередным наскоком Юргена Блина. Мухаммед Али продолжал танцевать вокруг него, отвечая все тем же прямым левой. И вдруг взорвался. Провел короткую серию ударов обеими перчатками. И, не дожидаясь обычного требования судьи, отправился в свой угол ринга. Блин медленно опустился на пол. В полной тишине рефери начал отсчитывать секунды. При счете «восемь» западногерманский боксер сделал попытку подняться, ноги у него

подкосились, и он повис на канатах. Нокаут.

Я посмотрел в сторону Дитмара Рашке. Пока судья считал, он стоял, впившись взглядом в ринг. При счете «десять» рассек ладонью воздух, как тогда, в Давосе. Публика потянулась к выходу.

Сегодня, спустя более 10 лет, можно сказать, что карьера Юргена Блина в том бою закончилась. А Мухаммед Али продолжал восхождение к титулу чемпиона мира. Всем памятна история матч-реванша Фрэзер — Али, который называли «матчем века». Будучи в жизни друзьями, оба боксера задолго до этой встречи организовали рекламную комедию, инсценировав непримиримую вражду. Али даже начертал на своем автомобиле угрозу в адрес Фрэйзера: «Я убью тебя, Джо». «Артисты» достигли цели, матч-реванш оказался самым дорогим в истории профессионального бокса, оба получили за него миллионы долларов. А Али еще и титул чемпиона. «Я самый красивый и самый великий!» — заявил он после того боя. К сожалению, время показало, что доллары для Али оказались выше чести действительно большого спортсмена. Включившись в 1980 году в пропагандистскую кампанию против проведения Олимпийских игр в Москве, он заслужил признательность американских антикоммунистов. И конечно же круглую сумму долларов. Зато он много потерял в глазах десятков миллионов людей. И этого не возместить никакими миллионами долларов.

Но это так, к слову. Что же касается более интересного для нас героя, Дитмара Рашке, то не могу сказать, нокаутировал ли он кого

или его нокаутировали, с тех пор я его больше не встречал. Хотя часто вспоминаю. Особенно когда слушаю или читаю выступления нынешних политических деятелей, социологов, деловых людей Запада. То, что тогда, в Давосе, прозвучало как откровение, ныне становится нормой.

Но для того, чтобы необходимость политики «участия» стала очевидна, понадобились серьезные жизненные конфликты, такие, как социальный взрыв 1968 года и экономический кризис 1974—1975 годов. Короче, жизнь заставила.

АНТИФИЛОСОФЫ

...Жильбер Гренье действительно оказался прелюбопытнейшим экземпляром. Так мне его охарактеризовал один из наших общих знакомых. Этнограф по специальности, Жильбер преподавал историю в одном из лицеев Браззавиля. До Конго он работал в Камеруне и Габоне, он вообще большой приверженец всего африканского. «Это, — говорил он сам, — реакция на Европу, от которой меня тошнит». Внешне Жильбер представляет собой очень колоритный типаж: невысокого роста, коренастый, с густым ежиком волос, с черной бородой, пронизанной нитями седины, с синими глазами; он может сойти и за молодого, и за

пожилого, — на самом деле, когда мы познакомились, ему было 33 года. Жильбер участвовал в баррикадных боях в Латинском квартале Парижа в мае 1968 года, примыкал к «новым левым», потом стал активным последователем «новых философов» и вот теперь начал симпатизировать «новым правым», хотя и не без оговорок. Мне он был интересен, поскольку проделал путь, типичный для многих своих сверстников. По-моему, и я ему был интересен, поскольку он интересовался нашей жизнью, хотя к социализму относился с непониманием, сознание его было захламлено антисоветскими стереотипами. Как бы там ни было, но мы неоднократно встречались, быстро перешли на «ты» и подолгу беседовали, спорили. Мне особенно запомнилась одна наша беседа в октябре 1979 года, когда он вернулся из Франции, где провел летние каникулы и где «задышался», по его выражению, от «буржуазной атмосферы» и с нетерпением ожидал дня, когда снова окажется в Африке.

Мы сидели на террасе кафе «У папы Кло» в черном квартале Браззавиля Пото-Пото. Несмотря на довольно поздний час, было душно. Что, впрочем, не смущало конголезцев, которые танцевали как заведенные под надрывные магнитофонные записи. На обочине улицы светились красные языки мангалов, на которых жарились и тут же продавались со специями сочные куски мяса. Воздух был насыщен прогорклым дымом, пощипывающим глаза. Пахло жареным мясом и чесноком.

Жильбер откровенно наслаждался всем этим. Он вздохнул всей грудью:

— Как чудесно, ты не находишь? Вольно

здесь. В Париже не то. Ты знаешь, у меня там было такое впечатление, что все чего-то боятся. Вроде бы нечего бояться и вместе с тем... Как мертвая зыбь — на поверхности гладко, а под водой бурлит. И все растерянны. Начиная с президента Жискара д'Эстена. Взять хотя бы это его интервью «Пари-матч». Ругает «общество потребления», говорит о тупике, в который мы зашли, об утрате духовного единства нации. По его мнению, «общество потребления» убивает Францию. Призывает к отказу от потребительских идеалов, к замене их новыми ценностями, духовными, эстетическими.

Жильбер посмотрел на меня пытливо:

— Каково, а? Ведь мы предлагали то же самое в мае 68-го. И тогда, может быть, не все еще было потеряно. Но с тех пор прошло 10 лет, и все это время нам вдалбливали в головы, что высшая прелесть жизни — это жратва и барахло. А теперь, видите ли, эстетика. Не выйдет, мсье Жискара. Обещали барахло, гоните барахло, платите по векселям. А ведь и этого не могут. Захотели духовного единства. Смейся или плачь! Я и авиационный король Марсель Дассо! А? Мы оба — французская нация, согласен. А вот насчет нашего с ним единства духа, тут я попрошу. Мсье Дассо имеет 24 миллиона франков годового дохода. В 1000 раз больше меня. Когда мсье спросили, как он относится к социальным различиям, он ответил: се ля ви, такова жизнь. Вот и попробуй установить с таким духовную общность.

— Согласен. Но и у нас в России такое было. И как видишь...

— Ты опять о революции. Только вот что:

во-первых, меня лично ваша революция не очень устраивает. Во-вторых, на революцию мы уже не способны: отравлены потреблением, боимся потерять кости, которые нам швыряют.

— Начал ты свои рассуждения, Жильбер, почти как марксист, а закончил как заправский либерал. Раймон Арон с удовольствием пожал бы тебе руку.

Жильбер засмеялся: не лови на слове. Потом посерьезнел.

— На меня трудно навесить какую-нибудь этикетку. В чем-то я действительно согласен с Ароном, в чем-то с теми, кто считает, что западная цивилизация — это несчастная случайность истории, которой могло бы и не быть. Я считаю, что капитализма можно было бы избежать, если бы нравственный идеал не разрушило наглое вторжение законов чистогана.

Я слушал его и думал: «До чего странно: в свое время русские пародники проповедовали соединение нравственного идеала с общинной формой жизни, с крестьянским социализмом, что, по их мнению, должно было помочь России пойти своим путем, избегая всех отрицательных сторон индустриального прогресса. Но ведь это было специфично именно для страны, относительно поздно вставшей на путь буржуазно-демократических преобразований. И вот теперь ту же теорию проповедуют люди, живущие в условиях перезревшего капитализма, и ищут спасения все в тех же мелкобуржуазных идеалах примитивного равенства. И бранят научный прогресс, который-де виноват во всем».

Именно его бранил сейчас и Жильбер Гренье. Бранил горячо и убежденно. Ссылаясь на авторитеты, прошлые и настоящие.

— Послушай, Эдди, ты ведь не считаешь дурачками, например, Свифта, Ницше? Но ведь они и многие другие говорили о том, что наука принижает человека, обедняет воображение, уничтожает индивидуальность, нивелирует все думающее, мыслящее. Ты не согласен?

— Нет, Жильбер, не согласен. Я могу привести тебе имена не менее почтенных и мыслящих людей, которые прославляли науку. Да ты и сам их знаешь, и не в авторитетах дело. Будь логичен: коль ты отрицаешь науку, отрицай и разум вообще. Нонсенс? Но ведь именно до этого договорились твои друзья — «новые философы» — Бернар-Анри Леви и другие. Философы, отрицающие разум, мудрость! В то время как само слово «философия» переводится как «любовь к мудрости». Что же остается тогда от философии?

Жильбер слушал меня и улыбался, а потом вдруг расхохотался. Я даже обиделся, вроде бы ничего смешного не говорил.

— Не сердись, ты сейчас тоже будешь смеяться. Помнишь, когда я уезжал в отпуск, ты просил поинтересоваться, как обстоят у нас дела с философией. Так вот, приехал я в Париж, и буквально через неделю друзья затащили меня в Сорбонну, где проходили «Генеральные штаты» философов, так звучно называли собрание, на котором преподаватели-философы решили провозгласить, что философия — это дело серьезное и что ее, а вместе с ней и философов следует уважать. Наш цо-

чтенный профессор Владимир Янкелевич, ты, конечно, слышал о нем,— он уже не первый год дерется за философию, которую обижают, ругал университетскую реформу второго цикла, которая за последние семь лет сократила 70 процентов ставок преподавателей, а в 1980 году будет сокращено еще 130 преподавателей философии. Янкелевич говорил в связи с этим, что философам, вероятно, придется переквалифицироваться в учителей бриджа, поскольку для рыцарей электронно-вычислительной техники они стали нерентабельными. К слову, с историками происходит то же самое. Другие тоже выступали в том же духе, кое-кто даже иронизировал и предлагал отменить само слово «философия». Все смеялись, а потом на трибуну вышел студент, я не помню его имени, и сказал примерно так: «Не смешно, господа! Вы тут говорите, что власти вас ущемляют, потому что боятся вас. Полноте, вас никто не боится, потому что вы сами, профессора, превратили философию в пустышку».

Жильбер отхлебнул пива.

— Вот так-то обстоят дела у нас с философией. С мудростью. Чего же ты не смеешься?

— Потому что «не смешно, господа», как сказал тот студент.

Я допускаю, что дебаты в Сорбонне проходили именно так, как их живописал Жильбер, но ведь собрались философы неспроста, их действительно волнуют судьбы философии, которая все больше превращается во Францию, да и не только в ней, в бедную падчерицу. И это в стране, имеющей великие фило-

софские традиции. Вероятно, кто-то в этом заинтересован. Мне представился рыжий Дитмар Рашке, ратовавший в Давосе за приобщение трудящихся к управлению, но так, чтобы эти трудящиеся были предварительно воспитаны в деидеологизированном духе. Лучший способ для этого — отбить у них охоту к философии и философствованию вообще. И вот как бы в унисон с этим в учебных заведениях сокращаются философские программы, увольняются преподаватели социальных наук. А между тем опросы, проведенные под эгидой ЮНЕСКО, свидетельствуют о росте у молодежи западных стран интереса к политике, идеологии и культуре, которые самым тесным образом связаны с философией. Ущемить философию в этих условиях — значит задержать развитие политического сознания молодежи, и вернее всего это можно сделать, разрушив фундамент философской науки в самых ее массовых центрах — в лицеях и университете. Увеличение доли чисто технических и непосредственно рентабельных дисциплин за счет философии как раз и имеет своей целью создание слоя технически грамотных, но аполитичных работников.

Так, чтобы физики занимались только физикой, химики — химией, математики — математикой. Физика отвечает на вопросы, касающиеся механики, электричества, света, дает на них точные ответы, это рентабельно. Химия выводит точные формулы всевозможных соединений элементов, их реакций, и это рентабельно. Математика позволяет выразить все эти процессы в точных величинах, и это тоже

рентабельно. А философия задается вопросом, для чего, собственно говоря, они нужны — физика, химия, математика? И для кого? Для чего человек ими занимается, и для чего он вообще живет? Почему на свете существуют богатство и нищета, откуда берется безработица? Это не только не рентабельно, но и опасно. Дитмару Рашке нужно, чтобы физики занимались только физикой, таких не страшно привлекать к управлению.

И вместе с тем на Западе, как никогда раньше, сегодня распространяется «философствование» по каналам радио, телевидения, прессы. Разумеется, под контролем корпораций и правительственных органов. И доступ к трибуне массовых коммуникаций предоставляется не философам, любящим и уважающим свой предмет, а своего рода эксцентрикам от философии, вроде уже названных выше «новых философов». Используя свой ореол «революционеров», заработанный во время майских событий 1968 года, участниками которых они были, «новые философы» обвиняют теперь во всех грехах и бедах человечества не только Маркса и Энгельса, но даже Вольтера, Руссо и прочих идейных предшественников буржуазной революции.

Основой «новой философии» служит мысль о том, что все власти плохи: и власть рабовладельческой аристократии, и власть капитала, и власть социалистического государства. А поскольку в основе всякой власти лежит та или иная идеологическая концепция, то долой идеологию и вообще всякий философский рационализм и социальный детерми-

низм, и, прежде всего, долой философию диалектического и исторического материализма.

Что же вместо нее? На позитивное решение у «новых философов» сил уже не остается, вся энергия ушла на отрицание. Поэтому позитивные идеалы они заимствуют у религии, говорят о любви к ближнему и к народу, но не к конкретному народу, пролетариату или трудовому крестьянству, а к людям вообще, к расплывчатому конгломерату, который они именуют «плебсом». И, естественно, конкретный путь воплощения подобной абстрактной любви они видят не в «идеологической революции, которую провозгласил Маркс», а в абстрактной же «культурной христианской революции», которая, по утверждению бывших маоистов, а теперь «новых философов» Жамбе и Лярдро, должна начаться с «приходом Ангела». Поди разберись, что это такое, «приход Ангела», и с какой стороны его ждать.

«Новые философы» получили шумную рекламу в прессе, на радио, телевидении. Один из французских социологов, Морис Клавель, даже заявил, что появление «повой философии», которую он сам интуитивно предугадал еще в мае 1968 года, будет началом новой эры, ибо эта философия отбрасывает с дороги тот «отравленный рационализмом Разум, который выступает в роли Люцифера». Он пояснил, что «новая философия» означает возврат к «чистому трансцендентному мышлению, мышлению без концепций». И закончил тем, что «новая философия» — это культурная революция, означающая окончательный разрыв с марксизмом».

Это уж точно. В симпатии к марксизму «новых философов» обвинить трудно. Они охотно принимают все, что есть антимарксистского, а заодно и антисоветского в современных теориях, бытующих на Западе. Так, они разделяют позицию «еврокоммунистов», пытающихся представить нарушения ленинских норм демократии как принципиальное социальное явление — «сталинизм», якобы неотделимое от любого социализма типа «советской модели». И не только разделяют эту точку зрения, но и идут дальше, так сказать, «творчески развивают», соединяя «сталинизм» с ленинизмом и нападая уже и на то, и на другое одновременно. При этом не мудрят, не умствуют: знание истории, глубокий анализ, доказательства «новым философам» ни к чему. Жан-Мари Бенуа, один из них, просто взял известную цитату Ленина из «Детской болезни «левизны» в коммунизме» о том, что большевики не смогли бы удержать власть и два с половиной месяца без железной дисциплины в партии, и сделал вывод: вот видите, «сталинизм вовсе не отклонение от нормы, он целиком включен в слово и мысль Ленина». Но, сказав «а», надо сказать и «б».

Уже упомянутый Морис Клавель, которого именуют «дядей «новых философов», поаплодировал Жану-Мари Бенуа, но заметил потешно строго, что надо глядеть в корень, то есть покончить заодно и с Марксом. «Маркс как мыслитель революции, будь он диалектическим материалистом, структуралистом или феноменологом, исчерпал себя и больше не существует». И Клавель заключает: кто порывает с Марксом, освобождает свой разум! Но

как мы видели, «новые философы» сами используют свой «освобожденный разум» для того, чтобы покончить с самим же разумом.

Как и следовало ожидать, пророчества Клавеля, предвещавшего долгую и славную жизнь «новым философам», оказались скороспелыми, как и сама «новая философия». Экстравагантность новых мыслителей не могла долго скрывать их философскую несостоятельность. Если они и внесли в философию что-то новое, так это разве лишь то, что превратили ее, как точно отметил в газете «Монд» Жиль Делез, «в разменную монету торговцев от прессы, телевидения и литературы. Вместо того чтобы утвердить и открыть в философии новую школу, они открыли философский базар». А поскольку никакая теория, построенная на голом отрицании, не может продержаться долго, уже с самого начала было очевидно, что «новая философия» должна уступить место какой-нибудь еще более новой и модной теории.

«НОВЫЕ ПРАВЫЕ»! КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

И она вскоре появилась. Точнее, ее вывезли очередным модным товаром на тот же «философский базар». Речь идет о «новых правых». Можно без всякой натяжки сказать, что появление «новых правых» было закономер-

ной реакцией на бесплодность идеологических концепций «новых левых», которые, отбросив марксизм, лишили левое движение его души, ничего не предложив взамен. Идеология не терпит вакуума.

Что касается самой теории «новых правых», то в ней, так же как и в теориях «новых философов», трудно обнаружить что-либо существенно новое. Чтобы соткать ткань своей идеологии, «новые правые» кое-что взяли у социал-дарвинистов, кое-что у антропосоциологов, кое-что у мальтузианцев. В результате получилась лоскутная теория, скрепленная, однако, единой идеей — идеей борьбы против демократии. Один из идеологов «новых правых», Ален де Бенуа, главный редактор парижского журнала «Новая школа», не нападает прямо на демократию, он говорит лишь о том, что «новые правые» враждебны «редукционизму» или теории сведения всех людей к единому знаменателю. И весьма красочно рисует процесс обеднения и нивелирования многообразной человеческой культуры с помощью средств массовой коммуникации, сводящих моральные ценности к ценностям сугубо потребительским. И в будущем он не видит ничего отрадного.

Спасение человечества, если это еще возможно, Ален де Бенуа усматривает в свободном развитии генетического кода, заложенного от рождения в каждом индивиде. А развитие этого кода, по его словам, зависит прежде всего от индивидуальной воли каждого. «Человек не свободен от того, какими пульсациями и в каком количестве он наделен от природы. Но он свободен избрать свой собственный

путь реализации этих пульсаций. Человек создает себя сам. Если схемы его поведения определены изначально, то само поведение зависит исключительно от его свободного выбора».

Удивительно схоже с размышлениями Фридриха Ницше о неизбежном, природой определенном неравенстве волей, а следовательно, и о разделении людей на лишенных воли рабов и обладающих свободной волей господ («мораль рабов» — «мораль господ»). Однако если Ницше не скрывал того, что все его помыслы были направлены на то, чтобы «сдерживать поток по-видимому неизбежной революции», то Ален де Бенуа только скромно «констатирует», что разнообразие индивидуальных волей, хотим мы того или нет, с неизбежностью порождает неравенство культур, что само по себе является фактором вполне положительным, поскольку сдерживает процесс усреднения и опрощения человечества. Подобное различие в терминологии можно понять, ведь между Ницше и Аленом де Бенуа был Гитлер и были печи Освенцима. Вот почему, кстати, «новые правые» спешат успокоить общественность и клянутся в своей приверженности республиканскому режиму. «Мы — республиканцы», — провозглашает Бенуа. На что ему резонно возражают: допустим, но если вы, республиканцы, отвергаете идею равенства, то что остается от демократии?

Впрочем, суть самой концепции «новых правых» не меняется от тех или иных нюансов в терминологии. Бенуа и его друзья тоже хотят сдерживать поток неизбежной революции.

Поэтому они поносят всяких либералов, в том числе и «новых философов» с их болтовней о всеобъемлющей любви, равенстве, ангелах и братстве во Христе.

Но вот что любопытно: при всей своей неприязни к либералам «новые правые» полностью солидарны с ними в общей неприязни к идее исторического прогресса и вообще исторического детерминизма, то есть в отрицании принципа поступательного развития истории от низших общественно-экономических формаций к высшим. И тут они становятся под знамя отрицателей марксизма-ленинизма.

В этом, собственно, и заключается квинт-эссенция концепции «новых правых», благодаря которой они вышли на авансцену. Их поддержали правые всех оттенков, а газета «Матэн» даже назвала 1979 год годом «новых правых». Все логично. Поскольку «деидеологизированный» ответ «новых левых» и «новых философов» марксизму не получился, в ход был пущен и поддержан «идеологизированный» ответ «новых правых». «Мы отрицаем,— говорит Бенуа,— все формы детерминизма... все доктрины, утверждающие, будто социальные структуры и сама история могут быть объяснены в свете какой-либо единой детерминанты». И далее: «Мы отрицаем, что человек является игрушкой объективного процесса, детерминированного в конечном счете экономическим фактором».

А раз так, то человек действительно волен создавать свою культуру сообразно своей собственной доброй воле. Бенуа провозглашает именно это: «В противовес сторонникам теории историзма, согласно которой история раз-

вивается по восходящей линии от садов Эдема, или примитивного коммунизма, к установлению царства божьего на земле, или общества без классов, «новые правые» рассматривают историю как лишенную какого-либо смысла, как нонсенс». Для Бенуа история представляется сферой, где прошлое, настоящее и будущее могут пересматриваться, меняться местами в зависимости от желания тех, кто придает ей соответствующие формы.

Но и это не ново. В свое время Освальд Шпенглер тоже отвергал закономерное единство всемирно-исторического развития и тоже разобщал исторический процесс на ряд замкнутых циклических «культур», не связанных друг с другом. Можно при желании найти и других философов и социологов прошлого, чьи мысли послужили цементированию концепций «новых правых». Однако у них есть и более свежие источники. Я имею в виду книгу «Кризис демократии», которая вышла в 1975 году в результате кропотливого труда так называемой «Триединой комиссии», включившей в свой состав «частных лиц» из Западной Европы, Соединенных Штатов и Японии. И не просто «частных лиц», а хозяев и генеральных директоров крупнейших западных банков и промышленных предприятий. Почтенные господа из «Триединой комиссии» собрались вместе, чтобы обсудить перспективы капитализма, найти выход из кризисной полосы, в которую прочно попал Запад, а также подыскать ответ на усилившуюся активность рабочего класса, молодежи, трудящейся интеллигенции. И пришли к выводу о необходимости положить «предел росту по-

литической демократии». Так они и заявили, не стесняясь. «Мы пришли к выводу, что имеются потенциально желательные пределы экономического роста. Такие же пределы заключает в себе и рост политической демократии».

А степень политической демократии «частные лица» из «Уэллс Фэрго бэнк», «Роял датч шелл», «Ниппон стил корпорейшн» и прочих связывают с активностью масс, ростом их культуры и образованности: «Эффективное функционирование политической системы демократии предполагает обычно определенную меру апатии и неучастия со стороны определенного числа индивидов и групп. В прошлом каждое демократическое общество имело более или менее значительные по количеству маргинальные слои, не принимавшие активного участия в политической жизни... «Уязвимость» демократических правительств заключена главным образом во внутренней динамике самой демократии в обществе высокой школьной образованности, мобильности и участия». И далее следовали приведенный выше вывод о нежелательности дальнейшего развития политической демократии, а заодно и нападки на «интеллектуалов», которые «выказывают отвращение к коррупции» и слишком много болтают о «подчинении демократических правительств монополистическому капиталу».

И вот нашлись некоторые интеллигенты, которые решили в срочном порядке обелить в глазах великих мира сего звание «интеллектуала», и выдвинули «научную теорию» о вреде демократии, не брезгуя доводами ста-

рых правых. Ее тут же подхватили и пустили в оборот. Те самые индивиды, которые, по Алену де Бенуа, имеют хорошую генетическую наследственность. Именно им и служит эта теория. Если все способности заложены в индивиде от природы, то те, у кого они были, их уже и развили. А те, у кого их нет, пусть себе работают на заводах и в конторах, обслуживая генетически выдающихся. И нечего тратить средства на обучение в школе их детей какой-то там философии, пусть лучше учатся хорошо обслуживать тех, кому дано. Цинично, но логично.

Вот и получается, что «новые» философские идеи, идут ли они слева или справа, лишь пытаются подновить, подправить отживающую свой век систему. Что касается постоянной чехарды «нового»: бесконечной вереницы «новых левых» и «новых правых», «новых философов» и «новых историков», «новых экономистов» и «новых социологов», «новых политиков» и «новых федералистов», то это только лишний раз свидетельствует о нищете старого.

Любопытен в этом плане конфиденциальный доклад директора службы социальных опросов Соединенных Штатов Америки Патрика Г. Каделла, направленный им лично тогдашнему президенту Картеру. Суть доклада состоит в том, что Западу необходимо в срочном порядке «сфабриковать новую идеологию», отвечающую нынешнему состоянию вещей в мире. Вот видите, опять «новое». «У людей создается впечатление,— говорится в докладе,— что президент бессилен разрешить стоящие перед страной проблемы. Пси-

хологически народ не привязан более к той или иной политической партии и интеллектуально не удовлетворен существующей идеологией». Каделл жалуется, что «классические идеологии больше не вызывают доверия», а «старые дефиниции больше не убеждают». «К сожалению,— честно признается директор службы социальных опросов,— ваш покорный слуга не в силах дать четкое и ясное определение необходимой новой идеологии, для этого требуется новый анализ и синтез идей. Заимствуя словарь философии познания, могу только сказать, что мы отчаянно нуждаемся в идеологической парадигме для замены модели капитализма, которая никого уже не устраивает». Если правительству и удастся еще защищать «старые формы демократии», то это, по мнению Каделла, происходит лишь благодаря тотальной манипуляции общественным мнением, но такое не может, по словам того же Каделла, «продолжаться бесконечно».

В Соединенных Штатах происходят те же идеологические процессы, что и в Западной Европе. Так, скажем, идеи европейских «новых правых» были с пониманием встречены за океаном, подхвачены и разрекламированы американской прессой. Большой популярностью пользуются в США и так называемые «новые социологи» Ирвин Кристол, Эдвард Бэнфилд и другие. Их идеи очень смахивают на те, с которыми мы уже познакомились. Так, Эдвард Бэнфилд утверждает, что «человек из низших классов живет только настоящим и не может контролировать свои инстинкты. Неспособный предвидеть будущее, а

потому безответственный, он имеет все шансы стать квалифицированным рабочим, постоянно менять место работы и вести семейную жизнь посредством отца». И по природе своей, считает Бэнфилд, люди из низших сословий с самого молодого возраста склонны к недовольству и бунтарству. «Юноши и девушки из низших классов будут продолжать бунты даже в том случае, если им предоставить равные шансы, приличную работу, жилище, образование». С Бэнфилдом солидаризируется Ирвин Кристолю, который тоже полагает, что неравенство людей закодировано в самой человеческой природе. «Таланты и способности распределяются согласно кривой, которая совпадает с распределением доходов». А профессора Ричард Эрнштейн и Артур Енсен даже вывели определенную причинную связь между наследственным уровнем культуры, школьными успехами и уровнем богатства. Поскольку различия в интеллектуальных способностях закодированы природой, а жизненный успех прямо зависит от способностей и, в свою очередь, определяет уровень зажиточности индивида, то, следовательно, и социальный статус базируется в значительной степени на различиях в наследственных данных.

Как бы подытоживая все эти творческие искания «новых социологов», еще один писатель из их плеяды Сэмюэл Хантингтон дает практические советы правительству США. Он рекомендует вернуться к старым ценностям и восстановить авторитет властей на традиционных принципах, таких, как «иерархия, знание, богатство». Но чтобы это стало возмож-

ным, Хантингтон опять-таки рекомендует «ограничить демократию». А это может быть достигнуто посредством все той же «манипуляции общественным мнением».

В свое время Герберт Маркузе назвал подобные идеи «гуманным фашизмом, логическим итогом законченного капитализма». Однако «частных лиц» из «Триединой комиссии» такими словами не испугаешь.

Совпадение взглядов «новых» в Западной Европе и Соединенных Штатах очевидно. Это и не удивительно: произрастают они в сходных социально-экономических условиях, почва у них одна. Дай им волю, они быстро превратят человечество в подопытную лабораторию монополий. На манер американского магната Роберта Грэма, основавшего банк спермы лауреатов Нобелевской премии и убежденного, что получаемые таким способом беби будут высокоорганизованными индивидами, ушедшими в своей генетической структуре далеко вперед в сравнении с ущербными массами.

Чтобы закончить разговор о «новых», мне хотелось бы привлечь внимание читателей к одной интересной детали. При всем разнообразии «новых» идей всем им присущ иррационализм. Их авторы дружно отрицают философский детерминизм, а нередко впадают в пессимизм, мистику, пророчат человечеству бесславный конец. Причины этого в конечном счете в самой социальной действительности, толкающей людей на то, чтобы искать объяснение будущего у представителей оккультизма, активно поддерживаемых и рекламируемых. В одной Франции оккультизм практи-

кует более 10 миллионов человек. И это в век массового распространения знаний!

В течение долгих десятилетий интеллигенция, традиционная носительница знаний, занимала в социальной иерархии Запада привилегированное положение. Ныне же технические кадры, ученые, врачи, актеры все больше пролетаризируются и превращаются в анонимные винтики механизма монополий. Не находя подлинных причин подобной социальной деградации, они нередко разочаровываются в ценности самих знаний и обращаются к иррационализму. «Основой нынешнего иррационализма,— говорит французский социолог А.-К. Декуфле,— служит извращение политической роли гражданина, прежде всего то, что он лишен всякой возможности участвовать в выработке своих собственных жизненных целей, а также — в практической деятельности. Больше того, он вообще не знает, кто и что за него решает. Что же ему остается? Одно: обратиться за ответом к ясно-видцу».

Давно установлено, что людям, запутавшимся в противоречиях, свойственно бросаться из одной крайности в другую. Не являются исключением из этого правила и «новые». Так, «новый правый» Ален де Бенуа, признав, что не видит спасения для человечества, тут же неожиданно добавляет, что такое спасение все же еще может прийти от культуры стран «третьего мира». Вот так: от генетически избранной элиты к «аутсайдерам» истории!

Именно этот тезис «новых правых» и привлек к ним симпатии моего браззавильского

приятеля Жильбера Гренье. Впрочем, он, этот тезис, заслуживает того, чтобы о нем поговорить подробнее, ибо в последнее время он получил на Западе широкое распространение. И, как будет видно из дальнейшего изложения, между ставкой «новых правых» на элиту Запада и на некоторые элементы культуры развивающихся стран не такая уж большая пропасть, как это может показаться на первый взгляд.

„У НАС ЕСТЬ ХОРОШАЯ
ПОСЛОВИЦА: „ЗМЕЯ МЕНЯЕТ КОЖУ,
НО НЕ ПРАВ”.
СНАЧАЛА КОЛОНИЗАТОРЫ УБЕЖДАЛИ НАС,
ЧТО МЫ ПО СВОЕЙ
ПРИРОДЕ НЕ СПОСОБНЫ СОЗДАТЬ НАЦИОНАЛЬНУЮ

ТАМ ТАМЫ

СПАСАЮТ ЕВРОПУ

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ,
ПРИБЛИЖИТЬСЯ К НАУЧНЫМ И ТЕХНИЧЕСКИМ ДОСТИЖЕНИЯМ.
ТЕПЕРЬ, КОГДА ЖИЗНЬ ОПРОВЕРГАЕТ ПОДОБНЫЕ РАСИСТСКИЕ
ИЗМЫШЛЕНИЯ, ОНИ ГОВОРЯТ,
ЧТО СИЛА НАША — В НАШИХ ДРЕВНИХ ТРАДИЦИЯХ
И ЧТО НАМ ВОВСЕ НЕ СЛЕДУЕТ
ДОГОНЯТЬ ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ СТРАНЫ, ЧТО,
НАОБОРОТ, ЭТИ ПОСЛЕДНИЕ ДОЛЖНЫ
ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ПРОГРЕССА
И ВЕРНУТЬСЯ НАЗАД К ПРИРОДЕ”.

ТАМТАМЫ СПАСАЮТ ЕВРОПУ

— Посмотри на нее!— Жильбер Гренье кивнул в сторону молодой статной конголезки.— Ты обратил внимание, она танцует весь вечер, почти без перерыва. Приглядишься к ней внимательнее, видишь, она вся в движении, каждая мышца ее играет.

Зрелище было и в самом деле красиво. Плотное обтянутое пестрой тканью тело женщины ритмично следовало музыкальному сопровождению, как бы переводя его на язык танца. Некоторое время мы молча следили за ней, потом Жильбер сказал:

— А теперь присмотришься к ее лицу. Маска, ни один мускул не дрогнет. Ты не прочитаешь на нем ни одной мысли. Такова Африка: это душа, страсть, трепет, только не разум. Противоположность нашей Европе, рациональной и бездушной.

Мы снова вернулись к теме старушки Европы.

Жильбер Гренье разделял мнение тех, кто спасение цивилизации видел в обращении к простым истинам человеческого существования. Мы неоднократно обсуждали с ним эту проблему. Он ссылался на авторитеты, высказывал кое-что и свое, доморощенное, плод долгих раздумий. Все это его очень волновало. Жильбер вспомнил о книге Гароди «Про-

танцевать жизнь», где проводится мысль о том, что туземные танцы с их первозданной наивностью и искренностью могут вернуть душу погрязшему в бездушной технологии Западу.

Жильбер в который раз ссылаясь на Гароди. Впрочем, за последние годы Гароди столько понаписал, что его можно действительно использовать на все случаи жизни. В 1977 году он издал книгу «За диалог между цивилизациями», а в 1979-м — «Обращение к живым», которая получила литературную премию, суть их сводится к необходимости положить конец гегемонистской концепции индустриальной культуры и заменить ее «симфонической концепцией», обратясь к «мудрому духу» нецивилизованных наций.

«Если я еще не окончательно разуверился в будущем, то только потому, что не теряю надежды на способность человека изменить свою судьбу». Из этого заявления Гароди можно было бы заключить, что он еще верит в человека. Если бы он тут же не уточнил, что сам человек вырваться из капкана индустриальной цивилизации уже не способен: «Верить в будущее человечества сегодня можно, только обратившись к богу, живущему в каждом из нас».

Не столь давно Гароди был марксистом и верил в способность человека изменить свою судьбу, не прибегая к посредничеству бога. Теперь он говорит об извечной борьбе Добра со Злом, о всепрощающей любви, достичь которой можно, только «порвав с любой системой социальных отношений». Правда, и теперь еще Гароди называет себя марксистом.

стом, притом единственным, который правильно понимает марксизм. Вот послушайте: «Главное в наследии Маркса,— говорит он,— это не марксизм, а перспектива. Наука и искусство воображать будущее, а не каталоги экономических законов, философских принципов или диалектических категорий, которые представляют догматическое и позитивистское извращение этого наследства». Освободить марксово наследство от марксовой диалектики! Гароди рассчитывает на наивных. Таких, которые не знают, что марксизм — это наука о законах развития природы и общества, а развитие, будучи непрерывным, никак не может быть отделено от перспективы и всунуто в «каталоги». Но Гароди поставил себе цель — разминировать марксово оружие, вынуть из него детонатор, его научную основу, и превратить его в безобидное искусство досужего разглагольствования о будущем. При этом он спекулирует на законном стремлении людей вырваться из тисков всепоглощающего потребительства и вернуть жизни ее творческое начало.

Как? Гароди предлагает свое решение: «Все предстоит переделать. Взять проблемы в том виде, в котором нам их оставили люди, выходявшие из неолита». «Новые философы» мечут стрелы в просветителей XVIII века, Гароди копает гораздо глубже. Вот, оказывается, еще откуда история пошла не в ту сторону, шиворот-навыворот. И все же, как переделать?

Изобретя новый, неизвестный доселе образ жизни! «Я хочу идти своим путем, а не теми путями, которые были сделаны до

меня и без меня». Ну да, взять эстафетную палочку у людей неолита и придумать свой образ жизни. С помощью бога в себе и творческого воображения, очищенного от груза накопленных за 6 тысяч лет знаний. Наиболее подходящим материалом для лепки новой истории Гароди считает Африку.

Здесь, в Африке, говорит он, 3 миллиона лет назад началась история человечества, отсюда же сегодня может прийти спасение. «Африка, мать всех рас, сохранила еще прежние отношения между человеком и природой, между человеком и общностью, между видимой и скрытой реальностью... В то время как западный человек не уставал со времен эпохи Возрождения покорять природу и подчинять себе подобных, подчиняясь сам все растущему дуализму между душой и телом, африканцы остались верны единству с окружающим миром и с другими людьми... Жить для африканца — это значит творить, быть творцом, превращать хаос в высшую гармонию». И все это потому, что он еще живет чувствами, а не разумом, погубившим Запад. «Ритмичная вибрация играет центральную роль во всей деятельности африканца, будь то ритмы там-тама, танца или слова колдуна... Африканский танец выражает динамизм жизни, ее расцвет. Он славит синтез человека с природой, коллективом и Богом». И сам вопрос, быть человечеству или не быть, зависит от того, сумеет ли африканская культура сохранить пронизанную «искрой божьей» душу или же не устоит под ударами европейской цивилизации в любых ее проявлениях.

И африканский социализм — явление совершенно особое. Он порожден не борьбой классов, а духом «божественного пророчества». «Быть революционером — это участвовать в жизни общества... Там, где марксизм служит импортным товаром, он не может пустить глубоких корней. Африканский социализм ставит под сомнение основу западной модели прогресса и отбрасывает прочь наши модели революции».

Вот он, заключительный аккорд «симфонической концепции» Роже Гароди. Самое страшное для бывших марксистов — это марксизм.

Справедливости ради следует сказать, что у подобной антицивилизаторской концепции много сторонников, которые — каждый на свой лад — чествуют индустриальную цивилизацию, «убивающую» мораль и человечность. Английский писатель-социолог Джон Байрем, который раньше служил в британской разведке Интеллидженс сервис, написал книгу «Технозис — смерть человечества», пожалуй, одно из наиболее пессимистических произведений такого рода. В общем-то описанная им картина Запада довольно точна. Он говорит об измельчании и вырождении человеческих потенций, которые бессмысленно растрачиваются на потребительскую гонку, о превращении искусства в индустрию зрелищ и порнографии, о сведении революционного духа к бессмысленному терроризму. В какой-то мере с этим можно согласиться. В самом деле, антикапиталистический протест, например, нередко оборачивается шумными эксцессами, террористическими актами, просто дра-

кой с ветряными мельницами, что мы неоднократно наблюдали в последние десятилетия в ряде стран развитого капитализма.

Только при чем тут наука и техника? Тезис о том, что научный прогресс может приносить и пользу и вред, служить гуманизму и фашизму, уже не нов. Однако он не теряет своей остроты и актуальности. В 1980 году Всемирная организация здравоохранения рекомендовала всем странам прекратить вакцинацию населения против оспы. Страшная эпидемическая болезнь, угрожавшая человечеству на протяжении всей его истории, больше не существует! И в то же время милитаристы планируют искусственное размножение бациллы оспы для ведения бактериологической войны! Вот они контрасты науки. Только сама наука здесь ни при чем, вопрос в том, кому она служит. Следовательно, судьбы науки тесно связаны с судьбами политики, экономики, морали. В конечном счете с судьбами классовой борьбы в мировом масштабе.

Байрем же сводит все дело к психологическому фактору. Он утверждает, что все беды Запада проистекают от так называемого «технотического расстройства» — состояния, подобного психическому расстройству и вызванного научно-техническим прогрессом и его последствиями. Выход из подобного «технотического» состояния Байрем видит в полной деиндустриализации общества, демеханизации производства и в возвращении человека к простым и гуманным истинам естественной природной жизни. Короче, к состоянию «доброго дикаря» Руссо. И опять-таки

путь к этому он усматривает в приобщении Запада к цивилизации афро-азиатских народов.

Подобные размышления постепенно оформились в теоретические концепции, которые, в свою очередь, превратились в своеобразный идеологический миф, пользующийся сочувствием у многих людей на Западе, уставших от потребительской гонки за рекламным стандартом.

Немаловажную роль играет здесь и волна иррационализма, захлестнувшая Запад, о чем уже говорилось. Европейские фетишисты все чаще обращаются к фетишам Востока (нет пророка в своем отечестве), ищут в них ответа на свои нужды. Жанна Фавре, французская специалистка в области этнологии (а также сторонница «окультурных наук»), пишет: «Убежденность в силе фетишей служит укреплению веры в существование далеких народов и стран, чистых и бескорыстных, которые могут послужить для нас образцом. От них к нам придет заря новой жизни».

Жильбер Гренье — один из тех, кто верит, подобно Жанне Фавре, в мессианское предназначение Африки. Но в отличие от многих других он прекрасно знает Африку; и таких, как он, в Африке работает немало. Наезжая в отпуск или возвращаясь окончательно во Францию, Англию, Италию и другие страны Запада, они своими колоритными рассказами об африканской экзотике, простоте нравов, душевности и непосредственности африканцев подкрепляют этот идеологический миф, содействуют росту его популярности.

...Жильбер оторвал взгляд от танцующих и повернулся ко мне.

— Послушай легенду, которую мне рассказали в Камеруне. Так вот, у бога было два сына, старший — с черной кожей и младший — с белой. Подросли сыновья, и однажды бог-отец призвал их к себе, сказал: «Вот вам два топора: один металлический, другой из камня, выбирайте». Старший взял себе каменный топор, он был легче, младший забрал оставшийся, из металла. Бог предложил им срубить по дереву, кто быстрее. Ну конечно же белый сын победил в этом соревновании. Отец утешил старшего: ничего еще не потеряно, ты можешь догнать своего брата. Сделайте вот что: завтра на рассвете вы оба должны переправиться через реку, что орошает нашу землю, на противоположный берег, посмотрим, кто сделает это первый. Старший брат пел и танцевал всю ночь, а младший в это время подыскал дерево, что повыше, и когда первые лучи солнца зажгли небо, срубил его. Оно упало поперек реки, и верхушка его легла на другом берегу. Перевалился белый сын со своей семьей через реку, а старший только начал просыпаться после утомительной ночи. Хотел было и он рубить дерево, да противоположный берег вместе с младшим братом и его семьей вдруг начал быстро удаляться и исчез за горизонтом, река превратилась в океан.

Жильбер замолчал, задумался.

— Ну и что же было дальше?

— Что было дальше? А дальше прошло много времени. Манговые деревья плодоносили и умирали, ливни умывали джунгли, а

солнце сушило землю. И вот однажды отец и его черный сын увидели далеко в море белые паруса, много кораблей шло к берегу. Это был младший сын, который привез отцу и брату множество всяких подарков. Как положено в семье, он поделился ими с родственниками. Но оставаться с ними жить он уже не мог, за морем он приобщился к «знанию», источнику колдовства. Да, не улыбайся, традиционные африканцы считают белых колдунами.

— И в чем же мораль сей басни?

— Не дошло? А между тем все просто: человеку издавна было дано выбирать: оставаться дома и жить в гармонии с природой или покинуть дом ради авантюры и обогащения, но отказаться от естественных радостей жизни. Одним словом, стать цивилизованным или сохранить культуру. Культуру я понимаю как единство индивидуальности и разнообразия в отличие от конформизма нашей цивилизации. Отсюда все различия: с одной стороны, машинное производство, с другой — природа, с одной — эксплуатация, с другой — узы родства, с одной — идеология, с другой — поэзия. Понятно?

— Теперь да. Иначе говоря, перед человеком выбор: сохранить или потерять душу. Так?

— Именно. Кстати, многие традиционно живущие африканцы полагают, что белые обитают где-то в царстве мертвых; для них человек, потерявший душу, — мертв. Белый цвет — это цвет смерти. Только что родившийся негритенок остается в течение нескольких дней белым, он еще выходит в этот

момент из другого мира, кожа его начинает темнеть позже. А когда африканец умирает, кожа его быстро бледнеет, выбеливается. Это подтверждает, что белые и черные произошли от одного отца — бога, но потом безвозвратно разошлись. И хотя они встречаются друг с другом, понять один другого не могут.

— Прямо по Кипплингу: Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись.

— Между прочим, до Кипплинга ту же мысль, но более точно высказал Эдвард Блайден с Антильских островов, африканцы его чтят как своего философа. Так вот он сказал, что белая и черная расы живут в разных мирах, и хотя оба эти мира существуют вместе, они бесконечно далеки друг от друга.

— Кипплинг, Блайден. Наверное, можно найти и другие авторитеты, но сам-то ты, Жильбер Гренье, что думаешь обо всем этом?

— Я думаю, что во всем этом есть рациональное зерно. Видишь, я подхожу к вопросу с точки зрения «рацио», разума, научно, и этим я отличаюсь от африканца, живущего в мире чувств и образов. Я не могу уже отказаться от магнитофона или пишущей машинки, хотя понимаю, что все эти продукты цивилизации убивают данное мне от природы. Африканца окружают лес, вода, солнце, он слит воедино с космосом, чувства его не раздвоены. В этом соль, он целен, не раздроблен. И хотя он живет миром чувств, его не терзают страсти. А мы, белые, живем разумом, и он разрывает нашу психику и чувст-

венный мир, мы все во власти чудовищных страстей. Если хочешь, у нас разные идеологии, белая и черная, разные методы познания действительности: аналитический и интуитивный. Послушай, как образно сказал об этом Эме Сезер:

Честь тому, кто ничего не создал в своей
жизни,

Тому, кто ничего не выдумал
И никого не усмирил,
Но кто жил в самой сущности каждой вещи,
Не зная ее, но следуя самому ее движенью,
Не думая о сегодняшнем дне, но живя им.
Истинные старшие сыновья природы
С душой, открытой ветрам всех частей
света,

С телом трепещущего мира.

Я слушал стихи мартиникского поэта Эме Сезера и вспоминал Леопольда Сенгора, тогдашнего президента Сенегала и философа «негритюда», теории африканской исключительности. Именно Сенгор особенно настойчиво проповедует концепцию чувств и эмоций как высшую форму познания. То, что чувства, психика человека вообще играют очень важную роль в процессе познания, помогают разуму, окрашивают его в живые тона,— все это бесспорно. Но идеи Сенгора предполагают достижение «высшей формы познания» путем «вторжения в сферу разума иррационального, магического». Иначе говоря, чувства не подкрепляют разум, а противопоставляются ему. Сенгор пишет: «Африканец, кожей своей подобный первозданной ночи, не видит предмета, он его чувствует... Мир открывается ему в обнаженном нерве его чувств... Перефразируя формулу Декарта

«Я мыслю, значит, существую», он мог бы сказать: «Я чувствую, я танцую, следовательно, я существую». Танцевать — это создавать, и это, безусловно, лучшая форма познания реального мира». Как видите, Роже Гароди далеко не оригинален в своих хореографических сентенциях.

Я поделился с Жильбером своими мыслями.

Он ответил, что во многом согласен с философией Сенгора. И гордится его мужеством. Ибо, несмотря на все нападки детерминистов, тот остается непреклонным в своих убеждениях и отстаивает их.

— Уверен, что, если бы белые вникли по-настоящему в суть сенгоровского мировоззрения, многое бы изменилось к лучшему в этом лучшем из миров.

— Что, стали бы танцевать под тамтам?

— Это лучше, чем враждовать друг с другом и с самим собой. Не согласен?

— Категорически. Кстати, теперь мне понятно, почему «новые правые» рекомендуют Европе культуру стран Востока. Тем самым они подталкивают к сенгоровщине, отвлекающей от сколько-нибудь серьезного научного анализа действительности. Ведь сколько ни танцуй под сенью традиционных фетишей, эксплуатация от этого не исчезнет. И элита согласна с тем, чтобы люди танцевали, а не думали. Сенгор для нее — находка. Нет, Жильбер, не согласен я ни с тобой, ни с Сенгором. А согласен я с другим африканским философом, который сказал: «Когда горит твоя хижина, тамтамы беде не помогут».

— Кабрал. Фанатик.

— Он самый. Только никакой не фанатик. Фанатики отдаются игре чувств и воображения. А Кабрал мыслил трезво, головой. И считал, что главный недостаток освободительного движения в Африке — это то, что ему зачастую не хватает ясного идеологического сознания, понимания необходимости классовой борьбы. То есть как раз того, что Сенгор провозглашает его главным достоинством.

— И он прав. Классовая борьба погубит Африку. А Европа потеряет последний шанс на спасение.

— Это ты так считаешь. А империалисты, прости мне громкие слова, знали, что прав Кабрал, а не Сенгор. Потому они и убили Кабрала, боялись его и его правды. А Сенгор благоденствует. Бывает в Париже, пожалуй, почаще, чем ты. Вот и подумай теперь, чьим мужеством следует гордиться, Сенгора или Кабрала.

Мы еще долго сидели с Жильбером на террасе кафе «У папы Кло». Спорили. Он говорил, что все мои заблуждения оттого, что я слишком глубоко пропитан «белой идеологией» и очень плохо знаю настоящую африканскую действительность. И что знания ее у меня книжные. «Европу ты знаешь лучше, и мышление у тебя европейское». К согласию мы, конечно, не пришли. Однако в глубине души я признавал: Жильбер был прав в том, что африканскую действительность он знал лучше. И я решил тоже познакомиться с ней поближе. Лучше один раз увидеть, чем сто раз прочесть. Это уж точно.

СТАРЫЙ ОБЕМБА ИЗ «ЗОЛОТОГО ВЕКА»

Три часа мы летели маленьким самолетиком от Браззавиля до административного центра Макуа. И еще два часа добирались от Макуа на вездеходе. Ехали вдоль реки Ликуала, точно по оси экватора, по нулевому градусу северной и южной широты. Стоял короткий период дождей, и дорога кое-где утопала в воде, тогда приходилось двигаться почти шагом, чтобы не угодить в глубокую рытвину, их по пути было предостаточно. Зато солнце скрывалось за маревом, и, хотя парило, жара была вполне терпимая. От Макуа меня сопровождал Ги Нганга, бывший мой ученик по Высшей партийной школе при ЦК Конголезской партии труда. Нганга и другие молодые конголезцы, с которыми мне довелось работать, были, как правило, очень прилежны в изучении социальных наук: философии, политэкономии, научного коммунизма. Занимались с удовольствием и своим примером опровергали миф об африканской душе, якобы закрытой для идеологии. Сначала с трудом, затем все более осмысленно и творчески они овладевали принципами диалектики и материализма. Не обходилось без горячих дискуссий, особенно вокруг проблем религии, мистики, трайбализма. Головы их были изрядно засорены идеалистической буржу-

азной философией, которую им преподавали в выпускных классах лицеев. Но, с другой стороны, в этом был и свой плюс: изучая марксизм, они сопоставляли его с буржуазным идеализмом, не уступали без боя, требовали, чтобы их убедили в том, что они не правы. Поэтому занятия проходили интересно, неформально, и было отраднo наблюдать, как постепенно они оставляли одну за другой свои старые позиции. К концу учебного года многие из них самостоятельно пытались разобраться в процессах конголезской революции, ее противоречиях, анализировали расстановку классовых сил в стране.

Они начали все яснее осознавать, что помощь социалистических государств развивающимся странам не имеет ничего общего с легендой о белом брате, приехавшем из-за моря, чтобы облагодетельствовать, напоить, накормить, одеть своего черного брата, который способен только танцевать и петь. Они поняли, что помощь помощи рознь, а главное, что никто им не сможет помочь, если они не помогут себе сами. Прежде всего самоотверженным производительным трудом, готовностью к самопожертвованию во имя полного экономического и политического освобождения от засилья международного империализма. Были, конечно, и такие, кто не хотел согласиться с этим, кто предпочел иждивенческие концепции сиюминутных выгод идеалам борьбы против рабства во всех его проявлениях. Все же таких было меньше.

Теперь выпускники ВПШ сами преподают марксистско-ленинскую философию в лицеях Браззавиля, Пуэнт-Нуара, Лубомо, Уандо,

других городов страны. Нганга стал одним из них. Но сейчас мы ехали с ним в глубинку, туда, где еще царили традиции и обычаи, столь дорогие сердцу Жильбера Гренье.

...И вот первый день, проведенный в гостях у племени аква. Мне казалось, что я попал в раннее детство с его яркими красками. Старый Обемба (ему за шестьдесят, по конголезским понятиям это уже глубокая старость) курил длинную изогнутую трубку и рассказывал сказку. Про братца кролика и тетку пантеру. Рассказывал не спеша, с паузами. Сидевшие рядом детишки глядели, не мигая, в его морщинистое лицо, на котором играли красные блики костра. Время от времени близкие джунгли выпускали пронзительные тоскливые вопли. И тогда старый Обемба прерывал свой рассказ и молчал дольше обычного. Как бы соблюдая минуту молчания в память о душе, отлетевшей только что в мир иной. Иногда джунгли взрывались гомерическим хохотом. Там разыгрывались свои трагедии и комедии.

А в моей памяти оживали картинки из книжки «Сказки дядюшки Римуса», с истрепанной бордовой обложкой и замусоленными от постоянного листания страницами, которую я когда-то читал по слогам. Теперь я снова видел те же картинки, только наяву.

...День этот вообще казался нескончаемым. Накануне ночью я долго не мог заснуть, ворочаясь на жесткой, неудобной постели. Хотя мне, как гостю, предоставили высокую честь спать на деревянной кровати — одной из немногих, стоявших в канзе, просторной хижине, которая принадлежала удачливому

охотнику Мбамбе, другу Нганги. Кровать была застелена покрывалами, что считалось признаком достатка. Эти покрывала служили и матрасом. На рассвете меня разбудил Нганга. Мы наскоро перекусили — кусок холодного мяса, маниок со сладковатым привкусом подмороженной картошки, чай из термоса — и присоединились к группе охотников племени аква, гостями которых мы были. Увидев меня, они оживленно заговорили, зажестикуюлировали. Из всего я понял только слово «мондоле», белый. Речь шла явно обо мне и явно не в дружеских тонах. Но Мбамбе сказал им что-то резкое, и все смолкли. Он жестом пригласил меня следовать за ними.

Мы шли гуськом по узкой тропе. Я вздрагивал и шарахался от каждого шороха в высокой траве, мне все мерещились змеи и скорпионы. Потом, устав от напряжения, расслабился и перестал прислушиваться к живому дыханию леса. Стало легче идти. А они шли легким пружинистым шагом, большинством босиком, безбоязненно ступая дубленой подошвой по земле. Фаталисты от природы, они не думали о змеях и скорпионах; коль укусят, значит, так хотят недобрые силы, и ничего тут не поделаешь.

Лес оглушили три пронзительных крика. Охотники ускорили шаг, и вскоре мы вышли к небольшой полянке, на которой возвышалось огромное дерево, охотники аква называли его оценги. Там нас ждали еще трое аква. И они тоже посмотрели на меня неодобрительно. Но вскоре обо мне забыли, началась охота. Накануне молодые охотники обнаружили обезьян, которые лакомились сладкими

плодами оценги, и сообщили об этом в деревню. Мбамбе собрал короткий совет, и назавтра было решено устроить охоту, несмотря на то что по традиционному календарю племени аква этот день был цоно, вроде нашего воскресенья, когда работать и охотиться строго воспрещалось. Но календарь этот соблюдался теперь только стариками, к тому же Нганга сказал Мбамбе, что мне очень хочется участвовать в охоте. Где-то в три часа утра небольшая группа ушла в лес к дереву оценги. Охотники выбрали большую, выдающуюся наружу ветвь оценги, и один из них вскарабкался по дереву, привязал к ней длинную лиану, ниспадавшую до земли. Потом охотники притаились в зарослях неподалеку и стали ждать. Когда взошло солнце, появились обезьяны, сначала разведчики, а за ними и все стадо. Они пристроились в кроне дерева и принялись за лакомство. Тогда охотники и подали знак, три пронзительных крика, которые мы слышали.

Теперь предстояло главное. Мужчины воткнули в землю вокруг оценги несколько шестов и натянули на них сети. После этого наиболее ловкие вскарабкались на соседние деревья и оттуда начали кидать в обезьян ветки и куски коры, сопровождая свои действия громкими криками. К ним присоединились и оставшиеся внизу. «Э-э, э-э, э-э», — неслось отовсюду. Перепуганные обезьяны обратились в бегство, пружинисто перескакивая с ветки на ветку и на соседние деревья. Многие прыгали на ветвь-ловушку, к которой была привязана лиана. В тот момент, когда летящая обезьяна должна была коснуться

этой ветви, стоявшие внизу охотники резко дергали за лиану. Бедное животное промахи-валось и летело вниз на свою гибель. Некоторым обезьянам все же удавалось спружинить от ветви на соседнее дерево. Тогда она была спасена. Зато громкие проклятия обрушивались на голову охотников, работавших на лиане. Падавшие на землю обезьяны теряли на несколько секунд сознание, затем, очнувшись, бросались бежать, но запутывались в ячейках сети, и охотники беспощадно добивали их короткими копьями.

Охота была удачной. И тут мне Нганга сказал, что аква очень суеверны, присутствие постороннего на охоте может, по их убеждению, отпугнуть животных или даже принести несчастье. У них на этот счет есть даже пословица: «О, иностранец! Участвуя в охоте с жителями деревни, остерегайся! Бросая копье, ты рискуешь убить деревенскую собаку». Смысл ее в том, что несчастный случай на охоте приписывается чужаку. Даже если он только наблюдает за охотой и не носит оружия. Ранение от копья, ножа или зубов хищника, змеи, просто по неосторожности или случайности, приписывается на счет постороннего. Очевидно, он не пришелся по душе все тем же мистическим силам. И никто не имеет права свидетельствовать в пользу иностранца или защищать его в этом случае.

Как бы там ни было, охота прошла удачно и без инцидентов. Отношение ко мне сразу изменилось к лучшему. К тому же Нганга рассказал им, что меня в свое время в Мали укусила муха цеце, было такое. Аква испытывают перед мухой цеце панический страх и

считают, что, если укушенный ею остается в живых, значит ему покровительствуют духи леса. На меня смотрели с уважением и симпатией. Только никак не могли понять, почему иностранец отказывается есть вкусное обезьянье мясо, хотя ему предлагают самые аппетитные куски. А я вспоминал глаза несчастных животных, в которых был чисто человеческий осмысленный ужас перед смертью, и знал точно, что кусок застрянет в горле. Но вот от летающих термитов отказаться уже не мог, боялся обидеть гостеприимных жителей деревни. Впрочем, хорошо подсушенные и со специями из душистых трав, они оказались вовсе не дурны.

Традиционный танец бэга был естественным продолжением трапезы. Танцоры образовали круг и, притопывая, медленно передвигались, следуя ритмичным ударам тамтама. Один из них отделялся от группы и исполнял сольные па внутри круга, потом уступал место другому, который исполнял свой номер. На головах у некоторых танцующих возвышался парик кема из обезьяньих шкур. Нганга объяснил мне, что носить такой парик имеют право только торе, наиболее знатные члены племени. Им же при разделе добычи достаются лучшие куски мяса. А игуану иногда даже называют «животным торе»; дело в том, что мясо игуаны очень вкусно, лакомиться им достойны лишь избранные. Если кто-нибудь из опомбо, простонародья, тайно охотясь на игуану, застигался врасплох, его строго наказывали. Торе имеют право обругать опомбо, последним же это категорически запрещено. У торе наибольшее число жен,

иногда до тридцати. Разумеется, все важные решения племени принимаются на собрании торе, которые из своей среды выделяют еще более высокое сословие мбаре. Ниже торе, но выше опомбо находятся отури. Вся жизнь аква регламентируется строжайшими правилами, предписывающими тому или иному слою то или иное поведение. В результате опомбо оказываются самыми бесправными, обязанными прислуживать всем остальным членам племени. Но еще более бесправна женщина аква. Она не имеет права входить в канзу мужа, есть вместе с ним. Зачастую она не имеет права употреблять в пищу того, что можно мужчине. Женщине, например, строжайше запрещено мясо гориллы, шимпанзе, антилопы, дикого кабана и ряда других животных. Долгое время ей было заказано даже танцевать вместе с мужчинами.

Так что при ближайшем рассмотрении традиционное африканское племя представляет собой далеко не такую идиллическую картину, как рисуют апологеты примитивного общества и его морали. Причем указанное социальное расслоение началось и развивалось задолго до прихода колонизаторов.

...Старый Обемба закончил сказку про братца кролика и тетку пантеру. Детишки начали просить у него, чтобы он загадал им загадку. Старик подумал немного, прищурился:

— Разбойник убил сто аква, а я не могу наказать его. Кто он?

— Огонь!

— Ну идите поиграйте немного.

Обемба потрепал всю в мелких жестких завитках голову девочки, прислонившейся к

его колену, и начал выбивать пепел из давно погасшей трубки. Детишки разбежались с громкими криками, давая выход застоявшейся энергии. Они затеяли игру, в которой я узнал наши «салочки». А старый Обемба, закончив вытряхивать пепел, не спеша набил трубку новым зарядом табака. Нганга протянул ему зажигалку, но старик вынул из костра дымящийся прутик и прикурил от него. Сделал несколько долгих затяжек. Посмотрел на меня слезящимися от дыма глазами:

— Нганга сказал, что иностранец наш друг. Я верю Нганге, что наш гость не из тех белых, кто привез нам бумагу, деньги и ружья.

Я попросил Нгангу узнать у старика, что это значит. Обемба говорил отрывистыми гортанными фразами. Главными врагами аква и вообще африканцев он считает дьявольские изобретения белых, прежде всего бумагу, деньги и ружье. Бумага разъединяет людей, раньше люди разговаривали, а теперь бумага заменила понятные слова. На ней можно издавать письменные законы, из-за которых совсем незнакомые люди могут чего-то требовать от тебя. Обемба убежден, что племенное неравенство, подчинение опомбо торе вполне естественно, ибо основано на договорном общении между людьми, прекрасно знающими друг друга, а потому имеющими возможность оценить личные качества друг друга, достоинства и недостатки каждого. Когда же какой-то незнакомец, которого именуют правителем или губернатором, утверждает свое превосходство с помощью письменных предписаний, это неестественно. Не исключе-

но, что сам он в жизни трусливый охотник, трепещущий от одного рыка пантеры. Опять-таки понятно, когда люди верят могущественной силе гри-гри — особых амулетов, вымоченных в священных родниках и обожженных в огне, упавшем с неба. Обемба хорошо помнит, как признанный знаток фетишей Ндзомбе вылечил с помощью гри-гри его сына, изгнав из него окуэ, поселившийся в нем дух умершего близнеца. Но когда аква подчиняются каким-то бумагам, сделанным такими же людьми, как они сами, это непонятно. И уже совсем непонятно, как это взамен жалких бумажек, именуемых франками, можно отдать ценные бивни слона или змеиную кожу.

Так, по-своему, старый Обемба выразил свое понимание отчуждения, отнимающего у человека его человеческие качества, подменяющего их искусственными предметами, против которых восставала его душа.

А ружье? Нет, он не мог отнять у него его достоинств. Лук со стрелами, копье, топор не выдерживали сравнения с ружьем. Ружье помогает охоте, делает ее более легкой. Раньше племя нередко голодало; мяса, шкур не хватало. Бессильных стариков приходилось уводить в отдаленный лес и оставлять их там, прокормить нетрудоспособных было сложно. Все это так. Ружье помогло избавиться от голода. Но лук и копье имеют свои достоинства, которые Обемба ценит гораздо выше сугубо технических данных ружья. Они объединяли людей племени, делали их необходимыми друг другу, сохраняли традиционные душевные отношения. Попробуй

выйти на пантеру один на один с копьем! Был у них в племени когда-то воин-гордец Окебе, которому непомерная жажда славы затмила разум. Пятнистая пантера унесла из его загона свинью. Охотники пошли по ее следу, это было несложно сделать, кровь свиньи отчетливо проступала на росистой траве. Но еще раньше пошел по следу Окебе. Охотники нашли незадачливого героя с распоротым животом и выпущенными наружу сизыми кишками, над ним роились тучи мух. Совсем недалеко от трупа в зарослях бамбука затаилась пантера, отяжелевшая от обильной трапезы. Охотники окружили островок зарослей сначала сетью аонга, с крупными ячейками, а затем для предосторожности еще одной сетью, с более мелкими ячейками магна. Потом исполнили охотничий танец иканго, сначала медленный, затем искрометный. И только после этого, распалив свою решимость, выгнали пантеру на открытую площадку. Она пыталась ускользнуть, но наткнулась на сети. И пришлось ей принять бой. И тут один из смельчаков, опьяненный танцем, первый с воинственным криком бросился на пантеру и вонзил в нее ндуле, копье с зазубренным наконечником. Раненый зверь, зарывав от боли, присел для прыжка, но сзади в него вонзилось еще одно ндуле. И еще, и еще. Потом охотники снова танцевали иканго вокруг мертвой пантеры. И кричали ей: «Очнись, попробуй еще задрать кого-нибудь из нас! Это тебе, проклятая, за Окебе, за наших свиней и собак, которыми ты полакомилась».

Опасная охота с сетями и копьями спла-

чивала людей, они видели, что друг без друга бессильны. И поэтому помогали друг другу. Не только на охоте. Кормили соседей, когда те заболели, помогали им толочь маис, готовили пищу, ухаживали за детьми. Дух солидарности царил в племени. Правда, случалось, что на охоте кто-нибудь из аква незаметно метал ндуле в спину другому аква. Но то была месть врагу, который с помощью коварного колдовства напускал порчу на его жену, делал ее бесплодной и позорил семью перед всем племенем. И хуже того, подговаривал колдуна призвать на голову своего недруга тяжелую болезнь. Но все это происходило внутри племени и обсуждалось самими аква. Виновные строго карались.

А теперь? Молодой, совсем еще глупый охотник может взять ружье с зарядом крупной картечи, уйти один в лес, убить пантеру и продать втайне от других ее шкуру белым. Отсюда все беды. Развились эгоизм, подозрительность, замкнутость. Люди перестали уважать общие правила. Многим нравится жизнь белых. Они расхваливают их многоэтажные дома, не понимают, глупые, что белые строят верхние этажи, чтобы возвыситься над теми, кто живет внизу. (Обемба не имел представления о таком понятии, как плотность населения, сами аква живут в местах, где она составляет всего несколько человек на квадратный километр.) А есть даже и такие, что с гордостью носят медали, которые им дали белые за участие в их войнах. Ходят как клейменные быки нгоя. Тьфу на них. Старый Обемба жалел, что дожил до этого. То ли дело, старое доброе время!

Конечно же старый аква Обемба никогда не слышал про Руссо с его «добрым дикарем», но рассуждал об ушедшем «золотом веке» точно так же. Лишнее доказательство того, что психология традиционного африканца — никакая не особая, исключительная, а отражает вполне определенный уровень производственных отношений и быта. Точно таким же образом, как это было в свое время и у европейцев, и у американцев. Однако сегодня находятся идеологи, которые призывают к духу традиционной культуры, очищенной от «грехов» цивилизации. А на деле тормозят тем самым развитие политического сознания африканцев.

Сам я сохраняю теплые воспоминания о старом Обембе, молодом Мбамбе и других аква, которые встретили меня с открытой душой. И желаю им, хотя это, может быть, не всегда совпадает с их собственными взглядами, побыстрее «цивилизироваться», избавиться от традиционной отсталости. Не заразившись при этом традиционными болезнями капиталистической цивилизации.

К сожалению, такие заразившиеся есть. Знал я одного африканского боксера. В грамоте он силен не был, но ему очень удавались апперкоты и свинги. Он обязательно хотел иметь белую жену и черную машину, такую же, на какой ездит сам Мухаммед Али. И не мог понять тех белых, которые довольствуются блохами-малолитражками. Этот боксер жаловался на свою племенную родню, которая досаждала просьбами, и на традиции, согласно которым он обязан ей помогать. И он помогал дядьям, теткам, племянникам. При этом

костил их на чем свет стоит. Вместе с их «свинской» деревенской жизнью. Но помогал. А вдруг покаутируют, придется идти к ним же. Боялся и осуждения общественным мнением. «Эх, вот бы пробиться в боксе повыше. Бросил бы все и укатил в Европу».

...Когда я покидал деревню аква, самые красивые женщины племени выплюнули в мою сторону кашицу из разжеванных веточек дерева оцацако. Это большая честь. Аква удостаивают ею тех, кому они желают добра и успехов в жизни. Дерево оцацако приносит счастье, это известно любому конголезцу.

ТАК ГОВОРИЛ ОКАНЗА

Джакоб Оканза тоже из племени аква. Когда-то юный Джакоб тоже танцевал иканго, верил в фетиши. Но потом закончил школу, лицей, много читал, активно участвовал в революционной деятельности. Был сподвижником прославленного героя конголезского народа Мариана Нгуаби. Защитил диссертацию. Сейчас он посол НРК в Советском Союзе.

Мы не раз беседовали с ним о традициях народа, о жизни страны, стоящих перед ней проблемах. Он выражал свои мысли четко и просто;

— Я не думаю, чтобы идеологи Запада не были в курсе нашей действительности. Правильнее будет сказать, что им не по вкусу те процессы, что происходят сегодня в Африке. Поэтому они умышленно пытаются запутать людей и задержать логический ход событий, ведущий к реальной деколонизации континента. Еще недавно в моде была теория традиционной неприспособленности африканца к сознательной и рациональной деятельности, к творческому труду. Если в этом и есть доля истины, то традиции тут ни при чем. Африканцы всегда трудились с удовольствием, будь то охота, рыболовство, обработка земли. Я хорошо помню чувство удовлетворения, охватывавшее нас после удачно выполненной работы, даже самой тяжелой. Что касается танцев, которые, по мнению некоторых европейцев, свидетельствуют о праздности нашего народа, так это чепуха. Танцы у нас всегда были неотделимы от процесса труда, мы как бы протанцовывали заранее все фазы охоты или сбора маниока. И завершали дело танцем торжества, победы над силами природы.

Джакоб Оканза кивнул в сторону телевизора:

— Смотрю я иногда передачи. Есть там, конечно, и традиционные танцы. Но часто показывают такие, которые позаимствованы на Западе. А кино? Сплошные вестерны, детективы, эротика. Массовое западное искусство все больше вторгается в нашу жизнь, разрушает африканскую культуру, развращает африканца. Прививает ему вкус к сладкой жизни и отвращение к труду. Это не так сложно сделать, поскольку в сознании африканцев

труд давно уже стал утрачивать свою традиционную ценность. Беспощадная эксплуатация периода колониализма, работа на империалистов превратили труд в тяжелейшее наказание и обузу. И пресловутая африканская лень служит зачастую проявлением пассивного сопротивления колониальному господству. Выбить эту лень сейчас нелегко, даже в странах, которые, подобно моей, избрали некапиталистический путь развития. Понадобится еще немало времени для того, чтобы вновь изменить отношение людей к труду, убедить их, что они трудятся теперь для себя. Даже когда они работают на предприятиях частного сектора. Ибо в конечном итоге это содействует развитию производительных сил, росту рабочего класса, что объективно ускоряет процесс революции. Ленин в свое время очень понятно объяснил подобный процесс на примере новой экономической политики. Перед нашей пропагандой тоже стоит задача разъяснения диалектики развития с учетом всех имеющихся противоречий. Но, повторяю, сделать это крайне трудно. Особенно если иметь в виду слабое политическое самосознание основной массы конголезцев. Есть еще одна важная деталь, которая затрудняет обретение ясного сознания. Дело в том, что конголезцы с самого начала не поняли, не осознали французскую колонизацию как нечто разрушающее их жизнь. Именно французскую. Пьер Саворнен де Бразза, придя во главе экспедиции французов в Конго, сделал ловкий жест: он на глазах у аборигенов закопал свое ружье в землю. Показывая тем самым миролюбивый характер своей миссии. Ему удалось до-

биться мирным путем согласия правителя Элло I на протекторат Франции над землями в бассейне реки Конго. И хотя последующее завоевание севера страны было жестоким и кровопролитным, Бразза, первый француз, остался в глазах конголезцев «добрым белым». В отличие от «злого белого», Стенли, подчинившего огнем и мечом соседний Заир Бельгии. Колониальная школа закрепила в умах конголезцев эти мифы. До такой степени, что столица наша по-прежнему носит имя завоевателя. Так что, как видите, Конго находится не только в экономической и финансовой зависимости от Франции, но и в духовной. Значительная часть населения в известной степени адаптировалась к этой зависимости, находит ее как бы в порядке вещей. С другой стороны, есть и такие, кто считает, что освободить Конго от неокolonиального статуса обязан Советский Союз и другие социалистические страны, которые, согласно этой иждивенческой теории, должны нас обучить, накормить, одеть. Все это делает процесс реального освобождения страны крайне сложным. Без ясного понимания того, что внешние факторы способны только облегчить или затруднить процесс освобождения, но никак не подменить его, что каждая революция — результат деятельности определенных сил внутри страны, деятельности, основанной на творческом исследовании международного революционного опыта, никакое реальное освобождение немислимо.

Вот и получается, что «деидеологизация» в развивающихся странах на самом деле выступает одним из основных пороков, ослаб-

ляющих национально-освободительную борьбу и уводящих на путь, безобидный для империализма. Надо понять, что без жесткой классовой борьбы тут ничего не сделаешь. Империализм добровольно свои позиции не сдаст. Это прописная истина, но ее надо осознать. Конечно же империалисты делают все, чтобы запутать, затуманить мозги людей. И надо признать, что делают они это довольно ловко и умело. Вот вы говорили о том, что некоторые философы и психологи воспевают сейчас традиции наших предков. Утверждают даже, что спасение Запада — в обращении к истинам и традициям Востока. Это один из ловких ходов неокOLONиализма, за которым скрывается то же стремление затормозить национально-освободительное движение.

У нас есть хорошая пословица: «Змея меняет кожу, но не нрав». Сначала колонизаторы убеждали нас, что мы по своей природе не способны создать национальную промышленность, приобщиться к научным и техническим достижениям. Теперь, когда жизнь опровергает подобные расистские измышления, они говорят, что сила наша — в наших древних традициях и что нам вовсе не следует догонять индустриальные страны, что, наоборот, эти последние должны отказаться от прогресса и вернуться назад к природе. Мотивы — разные, цель — все та же: задержать наше развитие, сохранить Африку в качестве сырьевого придатка Запада. Они понимают, что без наших рынков им придется туго. И с точки зрения логики империализма их можно понять.

Джакоб Оканза вытер пот с крупного выпуклого лба, развел руками:

— Я бывал на Западе и могу понять людей, которые, устав от постоянных забот и погони за жизненным стандартом, от борьбы в одиночку за место под солнцем потребительского общества, завидуют духу альтруизма и солидарности традиционной племенной жизни африканца, его вере в спасительную силу фетишей. Только, увы, никакие фетиши не помогли африканцам противостоять индивидуализму, эгоизму, насилию, которые капитализм принес доколониальному африканскому обществу, разрушив при этом в значительной степени его позитивные традиционные ценности и насадив взамен коррупцию, бюрократизм, проституцию и прочие «ценности» западного образа жизни. Так что разговоры о спасении человечества путем его приобщения к примитивным фетишам не больше чем маскарад дурного толка. Ну а если говорить о самих фетишах, то мы, конголезцы, не жадные, готовы ими поделиться. Я бы лично отдал с удовольствием любому, кто хочет, и сохранившиеся до сих пор верования в людей-андзимба, которые якобы могут превращаться в невидимок, и в людей-кайманов, которые умеют-де дышать под водой, и в заклинания колдунов, нагоняющих и прогоняющих порчу, и многое другое из того же ассортимента.

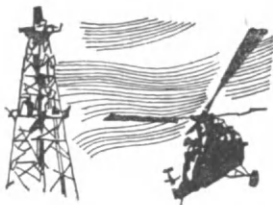
Оканза лукаво улыбнулся:

— Только надо ли им все это? У них сегодня предостаточно своих собственных фетишей. Возьмите хотя бы те же летающие тарелки, небылицы Бермудского треугольни-

ка, гороскопы и прочий хлам. А колдуны? Идешь по Парижу и на каждом шагу натыкаешься на кабинеты гадалок, астрологов, хиромантов и прочих интерпретаторов черной магии. Так что Западу вовсе и не нужно искать примитивы в традиционной Африке, у него есть свои, доморощенные. Удивительно все же, как это люди, создавшие здесь, на земле, с помощью разума техническую цивилизацию, могут искать истину по ту сторону разума. Это, вне всякого сомнения, признак социального регресса и упадка культуры. Я не отделяю социального от культурного. Искать социальное спасение в приобщении к чужой культуре, мягко говоря, неразумно. Потому что каждая культура имеет свои социально-политические корни. Чтобы иметь достойную человека культуру, надо иметь достойную его социальную систему. Капитализм сегодня не может служить такой системой. Вот почему мы в Конго и обратились к ценностям социализма, избрали путь социалистической ориентации. Мы знаем, что нам будет очень и очень нелегко, что неизбежны трудности и неудачи. Не исключено, что в отдельные моменты верх может одержать реакция. И все же мы уверены, что в конце концов добьемся своего. Сознание африканцев растет, пусть не так быстро, как хотелось бы, но растет. У нас уже немало грамотных, убежденных в правоте своего дела людей, которые не отступят перед трудностями, доведут дело до полной победы.

Так говорил Джакоб Оканза, конголезец из племени аква.

ЧЕРНАЯ ТОЧКА

Пуэнт-Нуар в переводе означает «черная точка». Когда-то это была точка на карте Африки, откуда в Новый Свет вывозили живой товар. Черных рабов. Согласно статистике, отсюда вывезено больше миллиона человек. Видимо, действительная цифра значительно выше, ведь статистику делали те же работорговцы. В то время португальские. И город в те годы назывался Пуэнт-Негро.

С Шарлоттой Сузой меня познакомила хозяйка гостиницы, в которой я остановился в Пуэнт-Нуаре. Хозяйка пригласила меня поужинать вместе, пообещала, что придет ее подруга, профсоюзная активистка франко-конголезской нефтяной компании «Эльф-Конго», «интересный человек, к мнению которого прислушиваются даже мужчины».

Вечером я поднялся на второй этаж к хозяйке. Меня остановил властный голос, потребовавший на чистом русском языке: «Деньги давай!». Из подвешенной к потолку клетки, не мигая, смотрел выцветший от времени попугай. Смотрел нагло и требовательно. Я опешил от неожиданности, а он, видимо довольный произведенным эффектом, сказал примирительно: «Проходи, нахал».

Хозяйка рассмеялась: «Это ваши рыбаки мне его подарили, очень потешная птица, го-

ворит по-французски и по-испански, но предпочтение отдает русскому». По лексикону попугая было видно, что рыбаки, воспитавшие его, тоже были потешными. Вскоре пришла Шарлотта Суза, и попугай повторил свой репертуар. А когда мы сели за стол и пожелали друг другу приятного аппетита, он не преминул встрянуть снова: «Жора, рубай компот, он жирный».

Я не пожалел, что пришел: и ужин был вкусный, и собеседница — интересной. Активная участница августовской революции 1963 года, свергнувшей неокOLONиалистский режим диктатора Ф. Юлу и провозгласившей путь некапиталистического развития Конго, Шарлотта Суза некоторое время жила затем во Франции. Училась там на заочных курсах народного университета, куда ей помогли устроиться друзья мужа, коммунисты, посещала публичные лекции, много читала сама. Вернувшись в Конго, вступила в Конголезскую партию труда. Именно к этому времени в Пуэнт-Нуаре были обнаружены большие запасы нефти.

С первых дней существования компании «Эльф-Конго» Шарлотта включилась в работу профсоюза этого предприятия. И тут по-настоящему поняла, что провозгласить политическую независимость — это еще совсем не значит стать действительно независимым.

— Мы, конечно, понимали, что сами не в силах ни в технологическом, ни в финансовом плане поднять найденные богатства. Понимали также, что компаньоны, взявшиеся за разработку шельфа, поставят нас в тяжелые условия, это была неизбежная плата за

отсталость. Но мы надеялись, что доходы от продажи нефти помогут стране выйти из затянувшегося кризиса. И, надо сказать, поначалу все шло нормально, только за период с 1972 по 1974 год добыча возросла в 175 раз, с 14 тысяч до 2,5 миллиона тонн. По соглашению с французской компанией «Эльф», доля каждого партнера определяется количеством добытой нефти: при добыче до 3 миллионов тонн в год доля Конго составляет 20 процентов, добыча от 3 до 10 миллионов тонн увеличивает нашу долю до 25 процентов, а при 15 миллионах и выше мы получаем уже 40 процентов.

Шарлотта помолчала, задумчиво помешивая ложечкой кофе, и попугай немедленно заполнил паузу, заявив безапелляционно, что будет дождь. На сей раз по-французски. И добавил по-испански, что дон Вася (так его зовут) желает спать. Хозяйка накрыла клетку легкой тканью. Вася свистнул пару раз и затих.

Шарлотта Суза продолжала свой рассказ: — Вопросами нефтяной промышленности занимался лично президент Мариан Нгуаби, он часто приезжал в Пуэнт-Нуар. Ему принадлежит и идея строительства здесь завода по рафинированию нефти. С тем чтобы продавать ее производные, это значительно выгоднее по сравнению с продажей чистого сырья. Кроме того, предприятие давало возможность занять солидное число безработных. Завод был построен по технологии, разработанной за рубежом. Вы сами были на нем и видели его. Не правда ли, солидное предприятие?

— Впечатляющее. Только почему оно не работает? Я наблюдал, как служащие, не зная, чем себя занять, сажали цветы во дворе.

— Все очень просто. Технология оказалась порочной.

— Ошибка в расчетах?

— Если бы ошибка!

— Саботаж?

— Вне всякого сомнения. Эксперты по нефти изучили документацию и обнаружили, что в ней пропущено несколько важных звеньев процесса переработки, таких, скажем, как извлечение из нефти примесей морских солей. В довершение всего оказалось, что вся технология была рассчитана на нефть другой структуры, например на ту, что добывают в Саудовской Аравии.

— Может быть, все-таки ошибка в расчетах?

— Исключено. Ведь завод, построенный в Габоне, работает. А наш за все эти годы не переработал и килограмма нефти. Великолепная иллюстрация для учебника по неокOLONIALИЗМУ, не правда ли?

— Вы, конечно, протестовали?

— Больше того, подали апелляцию с требованием судебного разбирательства. Тем временем против нашего президента был организован заговор, к которому приложили руку и монополии. Убили Мариана Нгуаби.

— А как вообще с добычей нефти? Растет?

— Как бы не так. Я уже говорила, что в начале 70-х годов добыча пошла, но с тех пор топчемся на месте. Где-то в пределах двух с лишним миллионов тонн ежегодно.

— Другими словами, Конго получает свои прежние 20 процентов?

— Да, но дело не только в этом. Думаю, что проблема здесь не экономическая, а политическая. Откажись мы от избранного пути, от ориентации на социализм, — и добыча бы возросла. Ну а пока мы не можем твердо стать на собственные ноги, приходится лавировать, использовать противоречия между империалистами. Сейчас за разработку шельфа в Пуэнт-Нуаре серьезно взялась итальянская компания «Аджип». Это, думаю, подстегнет и наш «Эльф».

Забегая вперед, скажу, что действительно в последние годы добыча нефти начала расти. Конголезской нефтью заинтересовались помимо итальянцев еще и американцы.

Когда мы расставались, Шарлотта вдруг спросила, а не хотел бы я сам побывать на нефтяных платформах. Я сказал, что, конечно, хотел бы, но завтра мне надо возвращаться в Браззавиль.

— Тогда отложим до следующего раза. Как приедете, сразу позвоните мне.

В следующий раз в Пуэнт-Нуар я приехал с московскими преподавателями Олегом Цукановым и Юрием Косилкиным. Мы выступали с докладами перед рабочими. Численно рабочий класс Конго, хотя и медленно, но неуклонно растет. Особенно в Пуэнт-Нуаре, который называют экономической столицей страны. И пролетарское сознание тоже растет. В этом мы убедились, беседуя с рабочими.

Шарлотта Суза сдержала слово, и в один из дней рано утром мы встретились на ма-

леньком аэродроме компании «Эльф-Конго». Оказалось, что добиться разрешения на наш визит было не так просто, нашлись люди, которым это было не по душе, они слушали наши выступления по радио, и многое из сказанного им явно не понравилось. Однако они не могли не считаться с просьбой профсоюза и уступили скрепя сердце. Встретили нас на аэродроме довольно холодно. Шарлотта сказала, чтобы мы не обращали на это внимания. Перед тем как сесть в вертолет, нас попросили написать завещание, на случай непредвиденного. Олег Цуканов очень серьезно спросил у сопровождающего нас в поездке конголезца Андре Онганья, есть ли у него дети. Узнав, что у него дочь Урсула, записал в завещании, что оставляет все свое добро Урсуле. Мишель, пилот вертолета, который следил за этой процедурой со скепсисом, не выдержал и расхохотался.

Наконец с формальностями было покончено, мы заняли места в вертолете, надели спасательные жилеты, полетели. Мишель, молодой француз из Бордо, вел машину уверенно, даже несколько лихо. Один раз ткнул рукой вниз, коротко бросил: «Дельфины». Большая стая дельфинов играла в зеленых волнах. Мишель снизился и погнался за ними, они выпрыгивали из воды и шлепались обратно, поднимая брызги. Потом мы снова легли на курс — в простор океана и минут через двадцать увидели впереди светлые вертикальные штрихи, это были языки пламени над нефтяными вышками. Еще через несколько минут вертолет приземлился на круглой площадке, возвышавшейся над одной из платформ.

Встретивший нас представитель компании, тоже француз, поводил по платформе, рассказал историю «Эльф-Конго». Потом он отвечал на наши вопросы. Я спросил, чем он объясняет относительно небольшой объем добычи нефти, а главное, почему добыча не растет, хотя запасы вроде бы вполне позволяют это. Он подумал немного:

— Видите ли, мы рассчитывали в этом году увеличить добычу, но лопнула труба, образовалась течь в ее нижней части. Вот и приходится гнать нефть пополам с водой, нефть легче воды, и она идет поверху. Вы сами понимаете, нефть из-за этого гоним гораздо медленнее, почти вдвое медленнее. Отсюда и меньший объем добычи.

— А что, трубу починить нельзя?

— Можно, но это работа для специалистов. Вот уже несколько месяцев ждем, когда приедут из Франции.

Но специалистов из Франции посылать не торопились. Думается, все по той же причине: зачем торопиться с помощью бывшей колонии в обретении экономической независимости? Мне доводилось слышать рассуждения некоторых иностранцев, работающих в Конго, о том, что главное — не торопиться и спокойно выжидать, плод созреет и сам упадет в руки, поговорят о демократии, о социализме, а как нужда прижмет — вернутся в лоно матери-метрополии. Своеобразная стратегия вызывает к жизни и соответствующую тактику.

С одной стороны, не бросать бывшую колонию на произвол судьбы, не оставлять своими заботами, напоминать о себе время от

времени кредитами, предоставляемыми, естественно, на условиях, выгодных метрополии: ставить условием, например, чтобы значительная часть предоставляемой «помощи» шла на закупку товаров того же кредитора. Таким образом монополии могут обеспечить себе постоянный рынок сбыта и прибыль в виде надбавки на цены. И летят из Парижа самолеты, везут в Браззавиль сыры, колбасы, кур и индеек, яблоки и персики, рыбу и консервы. Это в страну сельского хозяйства, которая вполне способна прокормить себя сама и еще поделиться с другими! Но везут из Западной Европы. По ценам, вдвое превышающим цены подобных же продуктов, поступающих из социалистических стран.

С другой стороны, тормозить всячески развитие в стране производительных сил, сдерживать рост ее собственной промышленности, не давать колонии встать уверенно на ноги. С одной стороны, якобы помощь, с другой — помеха. Но цель одна — играя на отсталости страны, привязать ее к себе как можно крепче, теснее; потеряв политическую власть, подчинить страну экономически и в финансовом отношении. И в конечном счете перевести ее на капиталистический путь развития.

К этому сводится и политика империалистов в области идеологии. Реальная борьба буржуазной и социалистической идеологий подменяется вымыслом о борьбе «белой» и «черной» культур.

На этой позиции стоят, по существу, и те, кто уповает лишь на цивилизаторскую миссию Запада, и те, кто призывает обратиться

к «мудрости и духу» Востока и отряхнуть со своих ног прах «индустриальной цивилизации». Кстати, об этих последних. Это сейчас, когда я вспоминаю поездку к аква, она представляется мне красивой экзотикой: огромная луна над черными джунглями, мелодии леса, живописный Обемба, сказки про тетку пантеру, сушеные термиты. Таково, наверное, свойство памяти. А тогда, помню, проводился всю ночь на жестком ложе, прислушивался к писку комаров, которые прорывались сквозь защитную сетку мустикара и жалили нещадно. Кусали еще какие-то насекомые, в нос шибала затхлая вонь. Так вот, пришла мне в голову тогда забавная мысль: вот бы сюда всех славящих культуру нецивилизованной жизни. Из мягких европейских кресел — на жесткую подстилку из кокосовых волокон. Когда читаешь страстные призывы опроститься, отказаться от всех благ цивилизации, невольно вспоминаешь, как Маркс одергивал своих оппонентов. Он приводил притчу о хвастуне, который рассказывал всем, как высоко он прыгал на острове Родос. Ему отвечали: «Здесь Родос, здесь прыгай», имея в виду, что доказать это надо здесь, сейчас. При всем том обращение некоторых западных социологов к «мудрости нецивилизованных народов» весьма показательно. И свидетельствует оно о том, что ничего своего, по сути дела, у них нет. И хотя в теории они даже не очень возражают против социализма, однако, лишь только дело доходит до конкретных шагов в сторону социализма, тут они делают все, чтобы опорочить его, воздействуя соответствующим образом на сознание

масс. Причем главная ставка нередко делается на «массовую культуру», уводящую в сторону от важнейших вопросов жизни.

Лицемерие болтовни о спасительной миссии нецивилизованного Востока становится особенно очевидным, когда наблюдаешь, как «цивилизованная» культура Запада затопляет книжные и зрелищные рынки молодых стран, убивая на своем пути все непосредственное, живое и творческое.

Впрочем, это верно не только в отношении молодых, развивающихся стран. Проблема «массовой культуры» приобрела ныне глобальный характер. И она заслуживает самого серьезного разговора. Этот разговор нам предстоит еще впереди.

О ГОНКЕ ВООРУЖЕНИЙ И МУХЕ ЦЕЦЕ

Конечно же Запад тесно связан с Востоком, у них много общих интересов, и киплинговская формула о том, что им никогда не сойтись, давно устарела. Но есть проблемы надуманные, вроде взаимодействия «традиционного духа Востока» с западной культурой, что якобы несет Европе высвобождение из-под гнетущей зависимости от потребительства, и проблемы реальные, затрагивающие коренные интересы народов, оказывающие

самое серьезное влияние на судьбы целых континентов.

Одна из таких проблем — разоружение. Гонка вооружений и милитаризация особенно контрастны в сопоставлении с нищетой и болезнями, царящими в развивающихся странах. Именно развивающиеся страны страдают от них больше всех.

В газетах и журналах постоянно встречаешь впечатляющие цифры, показывающие, насколько выиграли бы народы Азии или Африки, если бы военные бюджеты развитых стран сократились на столько-то процентов или даже на столько-то десятых процента. Скольких людей эти средства помогли бы вылечить, накормить, скольких смертей можно было бы избежать!.. Но, как известно, миллионы смертей — это статистика, а одна смерть — это трагедия. В тропической Африке люди живут в атмосфере постоянных трагедий, и сами трагедии здесь становятся повседневной и привычной нормой. Не было, пожалуй, дня, чтобы кто-то из слушателей Высшей партийной школы в Браззавиле не пропускал лекций. Мне объясняли: у такого-то умерли отец или мать, тяжело заболели сын или дочь. Болезни, от которых страдают африканцы, не перечислить. Как-то в одном научном журнале мне довелось читать о том, что в Африке самый низкий процент заболеваемости раком. И делались глубокомысленные выводы о том, что, очевидно, африканский климат неблагоприятен для рака. Но ведь известно, что злокачественные опухоли особенно распространены в возрасте за сорок лет. А в Конго, скажем, средняя продол-

жительность жизни составляет как раз 40 лет. Здесь гибнут в основном от паразитов, бацилл и прочей мелкой твари. Утверждают, что на каждого жителя земли приходится что-то около 250 миллионов насекомых. Это — в среднем. А если не в среднем, то, вероятно, для африканца эта цифра составляет не менее миллиарда. А главное, в Африке сосредоточились наиболее вредные и опасные бациллоносители. Тропическая лихорадка, филяриатоз, трипаносомоз и многие другие тяжелые болезни — все это от кровососущих.

Для людей, живущих в Европе, африканские страны порой представляются кишацими зубастыми крокодилами и ядовитыми змеями. В самой Африке крокодилы и змеи стараются держаться подальше от людей, африканцы из них делают кошельки и дамские сумочки. И чучела, за которые хорошо платят в Европе. А вот кровососущим в Африке раздолье.

Как-то я напросился у врачей-французов из Центра эндемических заболеваний взять меня с собой в места, где свирепствует муха цеце. К этой мухе, которая по научному зовется красивым именем глосина, я был равнодушен давно. Наверное, с четвертого класса школы, после того, как прочел в учебнике по географии, что в тропиках водится муха, укус которой смертелен. Змея, паук, даже оса — это еще куда ни шло, но чтобы муха! Короче, я напросился, и меня взяли. Правда, после того, как я дал подписку, что еду в очаг эпидемии сонной болезни, которая по научному зовется трипаносомоз, в здоровом

уме и по собственной инициативе и что никаких претензий в случае чего к эндемическому центру иметь не буду. Я уже говорил, что до этого был знаком с глосиной. Она меня укусила в Мали. Но оказалась незараженной. Вообще, кем-то подсчитано, что на тысячу мух цеце только три несут в себе трипаномы, паразитов сонной болезни. Так что степень риска была невысока. Вряд ли за три дня, проведенных в опасной зоне, тебя укусит как раз одна из трех зараженных мух, приходящихся на тысячу безвредных.

Это все равно, что верить в выигрыш по лотерее. Я лично никогда еще не выигрывал. Пьер-Ив Жинукс, капитан медицинской службы французской армии, который возглавлял нашу экспедицию, тоже говорил мне, что риск совсем невелик, не надо только лезть на рожон, то есть в самые очаги, которые располагаются, как правило, в полузатененных местах на опушках леса, вблизи от небольших речушек или озерца.

И все-таки мы посетили одно из таких мест, правда после захода солнца, когда муха укладывается спать, поставили там ловушку — матерчатый мешочек из темной ткани в основании и светлой марли вверху. Муха, попавшая в эту ловушку, летит вверх, к свету, и бьется о марлю, как о стекло. Таким образом мы выловили несколько мух, парочку я привез в Москву для коллекции. Муха цеце не очень отличается от обычной, только крылышки у нее не расходятся врозь, а сложены одно на другом, да хоботок вытянут вперед. Но все это экзотика. Реальность — куда мрачнее.

Более 15 миллионов африканцев живет в постоянном страхе перед сонной болезнью. Ежегодно регистрируется более 10 тысяч новых случаев заболевания трипаносомозом. А сколько не регистрируется! Но это опять-таки статистика. Я разговаривал с пожилым конголезцем, который «клевал носом» и через каждые несколько фраз засыпал. Дни его были сочтены. Беседовал с мальчиком 11 лет, он тоже был неизлечим, болезнь зашла слишком далеко. Она вылечивается на стадии, когда трипаносомы еще находятся в крови, тогда серия инъекций ломидина спасает. Иначе болезнь прогрессирует и поражает центральную нервную систему, именно на этой стадии в мозгу наступают процессы заторможенности, человека клонит в сон, отсюда и название болезни. На этой стадии ломидин уже бесполезен, тут может спасти арсобаль, очень сильный препарат, изготовленный на базе мышьяка; далеко не все выдерживают курс лечения, нередко он сам служит причиной гибели. Но и арсобаль может спасти только на определенной стадии заболевания, запущенная болезнь ведет к неизбежной смерти. К сожалению, многие обращаются к врачам, когда бывает уже поздно. Многих спасают врачи, которые сами едут в очаги заболевания.

Пьер-Ив Жинукс — из их числа. Директор Центра эндемических заболеваний, Франсуа Манони, — тоже. Я взирал на них с восхищением, ведь профессия их связана с постоянным риском. А они посмеивались: профессия как профессия. Манони постарше Пьер-Ива и в звании повыше, он медик-полковник. Оба они закончили факультет воен-

ной медицины в Бордо и институт тропической медицины в Марселе, оба любят путешествовать. У обоих в характере присутствует авантюристическая струнка. С обоими я подробно беседовал, бывал у них дома. Они далеко не сентиментальны, чувств сострадания к африканцам, которые были присущи доктору Швейцеру, я у них не обнаружил. Это профессионалы, которые любят свое дело. Далеко не последнюю роль в этом играет и то, что их профессия щедро оплачивается.

Оба аполитичны, особенно Пьер-Ив. По-спортивному подтянутый, он занимается охотой и рыбной ловлей, ловко ездит верхом и прыгает с парашютом, любит классическую музыку и рисованные мультипликационные картинки, негодует по поводу повышения цен на вина и ограничения скоростей на дорогах.

Как-то за столом мы заговорили о политике. И тут Пьер-Ив начал выдавать шедевры: он заявил, например, что еще может кое в чем согласиться с Марксом, но вот с Лениным — никак. Почему, он так и не смог толком объяснить. Он сказал, что не прочь бы поехать в Советский Союз туристом, но не решается это сделать, так как от добрых людей слышал, что там неважно кормят (я забыл сказать, что Пьер-Ив — еще и отменный гурман). Он еще что-то говорил в том же духе. Потом выяснилось, что ни Маркса, ни Ленина он не читал и о Советском Союзе знает только понаслышке. В конце концов я ему сказал, что насекомых он изучил гораздо лучше, чем социологию. Он пичуть не обиделся

и подложил мне на тарелку кусок дичи, приготовленной его женой Жозианой.

Как-то мне даже пришла в голову мысль, что Пьер-Ив мог бы стать отличным ландскнехтом в иностранном легионе. Но не стал, он не убивает, а лечит, ездит в очаги страшной болезни и даже не делает себе профилактических прививок. Жинукс мне объяснил:

— Во-первых, эта прививка ломидином не из категории приятных. Во-вторых, она не дает полной гарантии, да и по-настоящему она активна только в течение месяца. В какой-то степени она даже опасна. В том смысле, что, не спасая от болезни, может притупить ее симптомы, а здесь весь фокус состоит именно в том, чтобы вовремя схватить момент. Поэтому я лично предпочитаю дожидаться явных признаков заболевания и потом провести нормальный курс лечения. Кстати, у белых симптомы трипаносомоза гораздо ярче и сама болезнь протекает значительно быстрее. У африканцев она принимает хронический характер и тянется годами, нелеченому европейцу я дам от силы три месяца жизни, так что тут особенно важен фактор времени.

Доктор Манони менее скептичен:

— Вы же знаете нынешнюю молодежь, она все отрицает. Я более высокого мнения о профилактике сонной болезни, чем Пьер-Ив. Во всяком случае в зараженных местах мы стараемся делать такие прививки всему населению 2 раза в год. Хотя, конечно, исследования этой болезни все еще не вышли из стадии эксперимента, и насчет гарантий я с доктором Жинуксом согласен, их нет, и мы их не даем.

Я поинтересовался, почему же за 50 лет исследований лечение сонной болезни все еще в стадии эксперимента. Доктор Манони взъерошил ежик волос на голове, это у него в привычке.

— Понимаете, сонная болезнь в процентном отношении, если брать все болезни в мире, не представляет опасности для человечества.

— К тому же она не представляет опасности для белого человека? Как, скажем, оспа или чума?

— Это тоже верно. Между прочим, Всемирная организация здравоохранения объявила оспу полностью излеченной и назначила премию в 10 тысяч долларов тому, кто обнаружит хоть один случай этого заболевания. Есть любители, которые ищут.

— Ну а можно ли полностью излечить сонную болезнь?

— Конечно. И гораздо быстрее и проще, чем оспе.

— И лекарства можно создать более эффективные?

— Безусловно. Но каждое новое лекарство относительно дорого, а африканцы бедны. В ФРГ, например, давно уже открыто очень эффективное средство против шистосоматоза, но из лаборатории оно еще не вышло. Все по той же причине.

Манони снова взъерошил волосы:

— Да что там говорить, у нас иногда не хватает денег даже на бензин, из-за чего срываются запрограммированные поездки по стране. Между прочим, может это вам покажется странным, но по сравнению с коло-

ниальным периодом сонная болезнь нынче, к сожалению, прогрессирует.

— Почему?

— Тогда была более строгая программа борьбы с болезнью. Поймите меня правильно, я сам против колониализма, освобождение принесло Афrique много изменений к лучшему. Но... вот с сонной болезнью, тут никуда не денешься, факт остается фактом.

— Но, может быть, раньше считали, что работают для себя, ведь колонию рассматривали как свою собственность, а теперь надо помогать бескорыстно, вот и ослабили внимание?

— Не скажите. Всемирная организация здравоохранения уделяет сейчас большое внимание борьбе с тропическими заболеваниями.

— Да, но эта организация никогда не имела колоний. А вот бывшая метрополия Франция вносит ежегодно в фонд этой борьбы мизерную сумму, всего каких-то 230 тысяч долларов. Хотя маленькая Дания, для сравнения, дает 11 миллионов долларов.

Приведенные цифры я взял из французской газеты «Монд» от 5 ноября 1980 года, о чем и сказал своему собеседнику. Манони пожал плечами:

— Но при чем тут мы с мсье Жинуксом?

Манони с Жинуксом тут ни при чем. Ими может гордиться французская медицина.

В кабинете Франсуа Манони висит большая карта Конго. На ней жирными, полужирными и тонкими штрихами отмечены очаги сонной болезни — «очень активные», «средней активности» и «малой активности».

К первым принадлежат районы Нгабе-Мпуя, Мадингу и Лудима. Особенно «активен» коридор вдоль реки Конго между Нгабе и Мпуя, примерно в 180 километрах северо-восточнее Браззавиля. Вот в этот коридор я и отправился с Пьер-Ивом Жинуксом, несколькими конголезскими врачами и медсестрами. Я чувствовал себя чуть ли не героем-первооткрывателем. А мои знакомые смотрели на меня как на ненормального.

Как почти всегда бывает в таких случаях, ожидания не совпали с действительностью. Экзотика и романтика обернулись будничной прозой, тяжким однообразным трудом. В Нгабе около 2 тысяч жителей, 20 процентов из них, то есть около 400 человек, больны трипаносомозом. Врачи делали свое дело: брали пункции из спинного мозга и шейных железок заболевших, делали анализы крови, проверяли повторных больных. Смотрели до одури и ряби в глазах в микроскопы, вакцинировали здоровых, проверяли действие прежних профилактических прививок. Отбирали особо тяжелых больных и направляли их для лечения в Браззавиль.

Надо сказать, что люди приходили сами и охотно. Делали прививки, улыбались, благодарили врачей.

Пьер-Ив оторвался от микроскопа:

— А бывало не дозовешься, приходилось ездить самим по деревням в джунглях и буквально гоняться за больными. Иногда приезжаешь в деревню, а она пуста, только куры бегают ошалело, да котлы еще дымятся. Грийо, местный колдун, застращал односельчан, сказал, что мондоле, белые, наводят на

африканцев порчу. Ослушаться грийо нельзя, иначе он сам напустит на тебя порчу. Вот и убегали все дружно в лес, прихватив и старых и малых.

Как раз в этот момент к нашему становищу подходила очередная группа африканцев, вызванных из довольно отдаленной деревушки, впереди всех шел грийо-врачеватель. Он оказался словоохотлив:

— Да, я верю белому доктору, он умеет лечить от сонной болезни. А я лечу от всех остальных болезней.

И начал мне пространно рассказывать, как удачно выгнал злого духа из племянника некой тетки Мананга. Потом, отстранив соплеменников, первым подошел к медсестре и, приспустив штаны, улегся на кушетку: колите.

Дни шли, а народу не убывало. Я наблюдал за работой врачей. Мне тоже давали посмотреть в микроскоп, и я видел извивавшиеся спирали трипаносом. В один из дней не выдержал. Нанял пирогу и отправился по реке вверх по течению в зону «средней активности». В деревне Кинкопо раскинулся большой пионерский лагерь. Прямо по Михалкову: «С небес африканское солнце печет, река под названием Конго течет, подходит к реке пионерский отряд...» Ребятишки в белой форме с красными галстуками и пилотками. Я поговорил с вожатыми, почти всем детям сделаны профилактические прививки против сонной болезни.

На обратном пути в Нгабе мы причалили к рыбацкому поселку Нгобеле, здесь хижины на берегу подняты на сваи, бывает, что Кон-

го, разливаясь, затапливает прибрежную зону. Нбока, владелец пироги, познакомил меня с местными рыбаками, они только что вернулись с приличным уловом. Несмотря на усталость, тут же поджарили на вертеле свежую рыбу для гостя. Ели мы ее с маниоком, хлеб сюда не завозят, и слушали транзистор, к сожалению, беседовать мы не могли, так как никто из них не знал французского, а я, естественно, — местного диалекта. Сначала была музыка, а потом — события международной жизни в интерпретации французской радиостанции Франс-интерн. Диктор говорил о политике нового президента Миттерана, о раскрытии заговора в Бангладеш, о катастрофе самолета алжирской авиакомпании, о налетах израильской авиации на Ливан. Мельком сказал об увеличении на 26 миллиардов долларов военного бюджета Соединенных Штатов.

Все это с теми или иными нюансами я слышал сотни раз и часто, как и многие другие, воспринимал как все ту же глобальную статистику. И вот здесь, в кругу рыбаков на берегу Конго, те же события предстали предомной в иной, жестко отчетливой конкретности. Я вдруг остро почувствовал всю дикость реальной действительности. Честные и самоотверженные врачи, в том числе и американские, забираются в джунгли, саванны, чтобы спасти от смерти африканцев, азиатов, латиноамериканцев, которые гибнут в мирное время, как на войне, не от пуль и снарядов, а от укусов мух, комаров и прочей нечисти. И в то же время соотечественники этих врачей в сенатах и конгрессах взвинчивают гоц-

ку вооружений, грозящую миру страшной катастрофой. Вместо того чтобы выделить достаточные средства на ликвидацию паразитов, переносчиков тяжелейших недугов, а с ними и всех очагов заразы, они увеличивают ассигнования на разработку новых видов ядерного и биологического оружия, на создание в лабораториях все тех же паразитов, которые предназначаются для массового заражения людей.

Дикари XX столетия!

„ЛЮДИ ДЕЛАЮТ ДЕНЬГИ.
ОНИ НЕ ХОТЯТ ТРАТИТЬ ВРЕМЯ
НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ПЕРЕЖИВАНИЯ АВТОРА,

МИККИ МАУС ПРОТИВ ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАКА

ОПИСАНИЯ ПРИРОДЫ И ВОООЩЕ ВСЕГО,
ЧТО УВОДИТ

ОТ СЮЖЕТА, ОТ ДЕЙСТВИЯ.

ОНИ ХОТЯТ ПРОЧИТАТЬ КНИГУ, НЕ ОТРЫВАЯСЬ

И НЕ ЗАДУМЫВАЯСЬ НАД ТЕМ,

ПОЧЕМУ ГЕРОЙ ПОСТУПАЕТ ТАК.

А НЕ ИНАЧЕ”.

ДЖЕЙМС ХЕДЛИ ЧЕЙЗ БЕРЕТ СЛЕД

Мы беседовали с Джеймсом Хедли Чейзом на террасе и любовались пейзажем. Внизу расстилалась синяя гладь Лаго Маджоре — Большого озера. Когда небо без облаков, озеро очень красиво...

Лев Толстой в одном из швейцарских писем говорил, что здешние озера настолько красивы, что он даже не берется описать их несказанную прелесть. Действительно, красиво, хотя лично для меня нет на свете ничего более впечатляющего и захватывающего, чем сказочный берег Восточного Крыма: серебристая синь, полынный дух, треск цикад, привкус соли и йода, влажная прохлада морского бриза. Описать это невозможно.

Я много видел. Дивам мирозданья
Картинами и словом отдал дань...
Но грудь узка для этого дыханья,
Для этих слов тесна моя гортань.

Так сказал об этом крае его певец поэт Максимилиан Волошин.

А вот мой знакомый Жан Швебель из французской «Монд», повидавший весь мир и уставший от его красот, очнулся вдруг потрясенный ночной фантаσμαгорией Крестового перевала. Смотрел зачарованно на искристые звезды, искристый снег, искристые в лунном

свете вершины гор. Схватил меня судорожно за руку:

— Клянусь, шер ами, такого я еще не видел. И никогда не увижу.

И не хотел уезжать. Мне пришлось чуть ли не силой заталкивать его, насквозь промерзшего, в машину. И потом он долго еще не мог успокоиться. Согреваясь, клацал зубами:

— Какие мы жалкие и ничтожные в сравнении с этой огромной природой... И все-таки нам повезло... Хотя журналисты, по статистике, живут меньше других, зато они больше видят... Прийти к убеждению, что ты «минабль», жалкий и ничтожный, можно только повидав немало всего на белом свете. За такой вот миг, что я пережил сейчас там, на перевале, не жаль отдать и несколько лет жизни...

Нам и впрямь повезло. Об этом мы услышали из уст председателя исполкома поселка Казбеги, который ждал дорогого французского гостя, несмотря на поздний час. Он держал речь на хорошем русском языке с хорошим грузинским акцентом:

— Дорогой! Повезло тебе, ай как повезло. Седой красавец Казбек редко снимает свою шапку всю из облаков. Великий русский писатель и поэт Пушкин дважды побывал в Казбеги, и дважды Казбек был в шапке, весь в облаках, не повезло великому писателю. А ты приехал из далекого Парижа, и Казбек открыл тебе свою седую голову. Совсем нет облаков. И завтра утром ты снова сможешь видеть его всего с головы до ног. Если не обманет сводка погоды. Так выпьем за дружбу между народами!

После затянувшегося застолья нас повезли в интуристскую гостиницу.

Жан ни за что не хотел селиться в отдельном номере, его распирало от нахлынувших чувств, и ему нужен был собеседник. Я несколько раз засыпал и просыпался, а он все говорил. Я улавливал обрывки фраз. Он говорил, что никогда еще не видел такого доброго застолья, снова о том, что нам, журналистам, повезло в жизни, и о том, что мы должны сделать все, чтобы на земле был мир: хозяин Казбеги прав, главное — дружба между народами.

Наутро Жан Швебель снова стал самим собой и, по-моему, даже немного жалел о своей ночной говорливости. Мы ехали молча до самого Дарьяльского ущелья. Он о чем-то думал. Наконец сказал:

— Знаешь, нам, конечно, повезло, что мы журналисты, но все же мы очень недолговечны. Нет, не потому, что живем, по статистике, меньше других, а потому, что наше перо недолговечно. То, что мы пишем, может быть, и очень нужно сегодня, но кто об этом вспомнит завтра? Мы бабочки-однодневки... А вот Пушкина знают и будут знать через сотни лет. Видишь, знают, когда и куда он приезжал. И даже, какая в то время была погода. Казбек был в облаках, а?

Опять мы ехали молча. Жан смотрел в окно, но уже не восторгался красотами природы, думал о своем. Снова заговорил, продолжая прерванную мысль:

— А знаешь почему? Потому что мы, журналисты, хватаем отдельную деталь и обрабатываем ее как можем. Иногда получается

филигранно, но все же деталь есть деталь. А писатель берет жизнь в целом, масштабно. И это остается. Особенно если у него есть еще и талант. Хотя иначе он и не писатель. Вот почему историю учат по Бальзаку и Пушкину. Да и нынешнюю жизнь можно изучать по писателям. По тому, что и как они пишут. Тут тебе целая философия, к тому же не в засушенном виде, а цельным пластом живой культуры.

В свое время Алексей Максимович Горький серьезно размышлял над этим вопросом, сопоставлял, сравнивал литературу и философию, их сущность и методы. Он писал, что литература является образным выражением идеологий — чувств, мнений, намерений и надежд — общественных классов и групп, наиболее чутким и верным отображением межклассовых отношений. Роман, повесть и т. д. — наиболее распространенный и успешный прием пропаганды тех или иных идей. Чем же сильна литература? — задавал вопрос Горький. И отвечал: тем, что, насыщая идеи плотью и кровью, она придает им большую наглядность, большую убедительность, чем философия или наука вообще. Будучи более читаемой и вследствие живости своей более убедительной, чем философия, литература является самым распространенным, удобным и простым способом пропаганды классовых воззрений. Конечно, заключает Горький, литература, как и философия, имеет целью достичь возможно большей убедительности и внутренней стройности, но для нее мало голых мыслей, грамматически правильных фраз, связанных логикой, для нее необходимо

лицо, необходим человек со всей сложностью своей психики, очень спутанной в нашем обществе, полном противоречий.

Английский писатель Олдос Хаксли тоже утверждал, что функции интегратора разрозненных знаний, строителя мостов между искусством и наукой, жизненным опытом и объективной реальностью, моралью и научными открытиями возлагаются на писателя-мыслителя.

Работая за рубежом, я встречался со многими известными писателями: Ремарком, Фришем, Сименоном, Даром, Чейзом и другими. Эти встречи дали мне очень много именно с точки зрения проникновения в реальности Запада. Хотя некоторые из них разочаровывали. Образ писателя, которого ты окружал ореолом, читая его книги, девальвировался при личной встрече: гигант оказывался мещанином, терзаемым мелкими страстишками. Об одном из очень известных западных писателей я как-то говорил с Мариэттой Шагинян. В разное время мы оба встречались и беседовали с ним. Я очень осторожно высказал Мариэтте Сергеевне свое мнение о личности этого писателя, произведениями которого, я знал, она восхищалась. И ждал взрыва негодования, на которые она весьма щедра. Но она только грустно улыбнулась и сказала, что, увы, он ее тоже очень разочаровал: «Скучный человек». И добавила: «Наверное, это и нормально. Даже самый яркий талант не может избежать влияния (благотворного или пагубного) среды, в которой он постоянно пребывает».

Когда-нибудь я, может быть, расскажу обо

всех этих встречах с западными писателями. Здесь же — только о тех, что необходимы для продолжения начатого разговора.

...Итак, внизу расстилалась синяя гладь Лаго Маджоре. Небо было безоблачно, и озеро — очень красиво. Мы сидели с Джеймсом Хедли Чейзом на террасе и любовались пейзажем. Чейз согласился меня принять по просьбе нашего общего знакомого Рене Ланжеля, журналиста из лозаннской газеты «Фей д'ави де Лозанн», который предупредил меня, что писатель не очень-то жалуется журналистов своим вниманием. Я этого не нашел. Чейз встретил меня довольно радушно. Высокого роста, несколько сутуловатый, с густыми с проседью волосами, зачесанными назад, большим лбом, прорезанным глубокими морщинами, крупным с горбинкой носом, усами *very british*, он выглядел на все свои шестьдесят с лишним лет. А глаза были значительно моложе. В них светилась ирония, на которую он вообще оказался весьма щедрым.

— То, что меня, англичанина, знают в Англии так же, как королеву, а в Соединенных Штатах, как президента, это мне было известно. Но то, что моя известность докатилась до Москвы, это для меня новость. Приятная.

Я признался, что прочитал лишь несколько из его восьмидесяти романов («Семидесяти пяти», — поправил Чейз), переведенных более чем на тридцать языков («Тридцать три», — уточнил Чейз) и изданных миллионными тиражами (кивок), но то, что читал, безусловно, производит впечатление лучших эталонов жанра полицейского детектива. И хотел бы

узнать из уст самого мэтра, в чем, по его мнению, причина его колоссального успеха у публики.

Чейз шумно втянул ноздрями воздух:

— Нюх! Я, как ищейка, беру след и чую, чего хочет читатель. И что он купит.

— Чего же он хочет?

— Действия и ритма. Мои книги особенно популярны в Штатах. Там все спешат, всем некогда. Люди делают деньги. Они не хотят тратить время на психологические переживания автора, описания природы и вообще всего, что уводит от сюжета, от действия. Они хотят прочесть книгу, не отрываясь и не задумываясь над тем, почему герой поступает так, а не иначе. Кстати, действие моих первых книг происходит в Соединенных Штатах. Я их писал до того, как побывал там, жизнь тамошнюю описывал по сведениям, почерпнутым из туристических гидов и справочников, из рассказов очевидцев. Вы думаете, это кто-нибудь заметил? Никто. Первая книга «Нет орхидей для мисс Блэндиш» понравилась американцам, они ее раскупили, последующие — тоже. Потому что сюжет держал их в напряжении, и они не обращали внимания на детали, которые, может быть, и не отличались особой точностью. Я не стилист, я коммерческий автор. Я держу читателя в напряжении, в благодарность он покупает мои книги. У других авторов полицейского жанра свои достоинства.

— Жорж Сименон? Агата Кристи?

— Для меня они чересчур статичны, а потому скучны.

— Ян Флемминг?

— Неинтересен мне. Я знаю наперед, что сделает его Джеймс Бонд и что я найду его в бодром здравии в очередной книге. Это убивает элемент неожиданности.

— Фредерик Дар? Его комиссар Сан-Антонио тоже переходит из книжки в книжку.

— Фредерик — исключение, своего рода феномен.

— Но ведь и Сименон, и Кристи, и Флемминг, и Дар, несмотря на иную, чем ваша, манеру письма, тоже покупаются. Очевидно, здесь дело не столько в стиле того или иного автора, сколько в самом жанре?

— Пожалуй. Детектив — в моде. Он соответствует массовому вкусу.

— Откуда же по-вашему возник этот массовый вкус к легкой, скажем так, литературе?

— Думаю, от неприкаянной жизни. Люди сегодня живут в постоянных стрессовых ситуациях, им необходим отдых, они хотят спастись от реальности. Полицейский жанр — отличное средство для этого.

— Не приходилось ли вам писать в ином жанре? Не коммерческом?

— Вы хотите сказать — в серьезном? Было. Под псевдонимом написал один приключенческий роман, и литературный директор лондонского издательства, которое его опубликовало, похвалил меня. Это был Грэм Грин.

— И что же?

— Я доказал сам себе, что могу писать вещи серьезные. Этого мне было вполне достаточно, и я больше не возвращался к подобным опытам.

— Почему?

— Мне казалось, что я тем самым пре-

даю своего основного, массового, читателя, не отвечаю его требованиям. Ну и, конечно, не надо сбрасывать со счетов коммерческих соображений, повторяю, я прежде всего, коммерческий писатель. Как я пишу? Довольно быстро. На книгу у меня уходит от двух до трех месяцев. Потом я уезжаю путешествовать. Куда? Сам не знаю. Только что я закончил очередную книжку. И через два дня я уеду. Но до сих пор еще не знаю куда, завтра решу. В путешествиях у меня постепенно созревает идея очередного романа, я не насилюю себя, жду, когда идея превратится в законченный сюжет. Тогда я возвращаюсь сюда, в Швейцарию, к Лаго Маджоре. И сажусь за пишущую машинку. Вот так...

Жорж Сименон давно уже не путешествует. Когда-то он трижды объехал мир, жил в Соединенных Штатах, в Африке, потом осел окончательно в Швейцарии. Он вынашивает свои творения в тиши кабинета. Я неоднократно бывал у него на вилле «Агобе» в деревушке Эпалэнж под Лозанной. Эта просторная вилла очень смахивала на музей имени Сименона. Многочисленная коллекция трубок — хобби хозяина, в течение дня он никогда не выкуривает дважды одну и ту же трубку, а постоянно меняет их, это ритуал. Обширная библиотека — стеллажи, заставленные произведениями... Жоржа Сименона. В различных изданиях, на разных языках. Правда, еще медицинские журналы и справочники.

Когда беседуешь с ним, создается впечатление, что он не дает, а берет. Однажды я его спросил, откуда он черпает материал для

своих романов. Он лукаво посмотрел на меня:

— А вот вы сами, кстати, чем не материал? Мы беседуем с вами, и не исключено, что вы станете прообразом одного из очередных персонажей. И так все мои посетители, а их немало. Остальное — дело воображения. И памяти. — Он сощурился. — Кстати, о памяти — не исключено, что я лично видел Ленина, лицо его знакомо мне с детства. В свое время в Лионе мать сдавала комнату русскому социал-демократу. И мне запомнилось лицо одного из его гостей, почти уверен, что это был Ленин, таким я его видел потом на портретах. Хотя, конечно, абсолютно категорически утверждать этого не берусь.

Беседуя, Жорж Сименон не торопится, и, в самом деле, создается впечатление, что он внимательно изучает собеседника, запоминает его. Но и сам говорит охотно, на вопросы отвечает обстоятельно.

— Как я отношусь к Агате Кристи, Флеммингу, Чейзу? Вероятно, вас это удивит, но я их не читаю. Но знаю, что все они писатели острого сюжета. Меня же сюжет сам не очень волнует, я не делаю загадки из того, кто преступник, для меня важно, почему он совершил преступление, если хотите, психологическая канва, мотивация событий, их логика. Мне нравится ваш Борис Тенин, он создал весьма точный психологический образ Мегрэ, я с удовольствием смотрел запись по телевидению. Моя творческая кухня? Каждую новую книгу обдумываю очень долго, месяцы, пишу очень быстро — семь-восемь дней.

Но вот в чем Сименон не отличается от Чейза, так это в мотивации самого творчест-

ва, он тоже считает, что идет навстречу желанию массового читателя и удовлетворяет его спрос:

— В наш технологический век (лично я — за технический прогресс) люди остро нуждаются в эмоциональных встрясках, детектив для этого подходит прекрасно. Именно здесь следует искать причины его популярности. И чем он безыскуснее, тем лучше. Кстати, мой Мегрэ далеко не интеллектual, он просто человек; читатель его любит, потому что это тип, с которым приятно завести дружбу, он абсолютно лишен комплексов, свойственных, например, героям Бальзака. Хотя я сам люблю Бальзака. И Гоголя вашего обожаю — гигант! Есть ли у Мегрэ черты характера Симеона? Да, не скрою, я передал ему некоторые свои черты: я ведь тоже не интеллектual, скорее интуитивист. И пишу по наитию, начинаю очередной роман и никогда заранее не знаю, чем он кончится. В самом процессе творчества участвует мое подсознание, а не интеллект. И сам я не очень-то ценю интеллектуальную литературу, так сказать, Литературу с большой буквы. Думаю, что большинство нынешних читателей тоже не очень ее жалуют. Когда-то я с удивлением узнал, что словарный лексикон большинства французов не превышает шестисот слов. Теперь же я убежден, что этого запаса вполне достаточно и для романа. Я пишу очень экономно, никаких украшательств или внутренних драм. Не знаю, заметили ли вы, но в своих книгах я ничего не навязываю читателю, просто описываю жизнь... Как я сам оцениваю свою литературу? Если честно, то я о ней невысоко-

го мнения: поверьте, это действительно так, несмотря на огромную аудиторию: говорят, что моего Мегрэ читает не менее полумиллиарда человек. Вообще-то, писателя или художника по-настоящему оценивают лет через двадцать после их смерти. Так вот, я совершенно искренне убежден, что у моих книг нет будущего, я писатель, которого читают сегодня, и мне этого вполне достаточно.

ПИТЬЕВАЯ СОДА ЛИТЕРАТУРЫ

Фредерик Дар творит непрерывно. В спальне у него стоит письменный стол, а в кабинете — кровать. На случай, если ночью придет очередная порция творческого озарения или если днем сморит усталость во время творческого процесса. Даже на пляж он берет листки бумаги и перо. Он тоже коммерческий писатель и тоже пишет полицейские романы, которые переведены почти на все европейские языки и издаются миллионными тиражами каждый.

Зайдя как-то в один из парижских книжных магазинов, я обнаружил на стеллажах рядом с сочинениями Бальзака, Гюго, Стендаля полное собрание сочинений Фредерика Дара, свыше двадцати объемистых томов в ледериновом переплете с золотым тиснением. Литература, которая воспринималась мной до

сих пор как несерьезная, да что там, вообще как не литература, а что-то окололитературное, вдруг приравнивалась к классике. Хочу, чтобы все было ясно: я сам читаю полицейские романы западных авторов и нередко получаю при этом удовольствие. После тяжелого дня, когда горой наваливается усталость от прочитанных лекций, от работы над книгой или статьей, когда физически ощущаешь, что голова не способна больше переварить ни единой мысли, берешь книжку Агаты Кристи или Чейза, уходишь целиком в перипетии замысловатого сюжета и с удивлением обнаруживаешь, что мозг не сопротивляется, а легко впитывает строчки. Потому что автор не заставляет тебя думать, анализировать, а ведет тебя от загадки к разгадке, как ведут быка за кольцо, продетое в ноздри. Как-то, читая очередной такой роман, я даже поймал себя на мысли, что не читаю, а отдыхаю от чтения.

Это понимают и сами авторы детективных романов. Вот что говорит о причинах своего успеха Фредерик Дар, один из самых известных и популярных представителей этого жанра: «Моему успеху служит, прежде всего, то, что я очень удобный автор. Я облегчаю процесс чтения, разжевываю мысли. Читателю остается только проглотить их. Его ленивый мозг может при этом нежиться в шезлонге; следуя за моим повествованием, он затрачивает минимум серого вещества... Говорят, что человек оправдывает свое существование тем, что мыслит. Он сделал бы гораздо лучше, если бы перестал этим заниматься». В приведенной цитате с абсолютной

точностью выражено кредо подобной литературы. И можно было бы поблагодарить за это Дара, если бы он сам не пытался превратить «жвачку» в «классику».

Вот еще отрывок из романа Фредерика Дара о полицейском комиссаре Сан-Антонио — герое целой серии подобных романов, где автор философствует устами своего героя. Он довольно длинный, но заслуживает того, чтобы быть приведенным почти без сокращений: «Я питьевая сода литературы: я не заставляю читателя думать, а вызываю у него отрыжку. И таким образом приношу ему облегчение. Я описываю обрыдлую действительность в розовых и голубых тонах. Вы имеете что-нибудь против? Все мы живем в зале ожидания. Вот почему и писать надо для вокзальных киосков. Да здравствует вокзальная литература! Одна! Истинная! Уникальная! Та, что помогает хотя бы на мгновение отвлечься от лихорадочного танца телеграфных столбов вдоль пути. Та, которую в любой момент можно выбросить без сожаления в корзину. Теперь-то до вас дошло, глупцы, что свой короткий путь вы должны пройти не с Прустом, а с моими каламбурами. И тогда ваша жалкая жизнь, угасающая подобно головешке, едва успевшей разгореться, озарится по крайней мере улыбкой. Так что бросьте принимать жизнь всерьез и примите ее от меня в виде кремового торта. Верьте мне: коль вам стало тяжело, Сан-Антонио всегда придет на помощь. Даже если вы считаете мое творчество дерьмом, оно все равно несет счастье. Или, на худой конец, облегчение. Я сказал, что думал. А там, как знаете».

Можно было бы отнести приведенные выше рассуждения на счет обостренного чувства юмора, которым, несомненно, обладает автор, мол, потешается он и над читателем и над самим собой, мистифицируя все и вся. Но нет. В своей автобиографической книжке «Я клянусь» Дар вполне серьезно объясняет, что детективная канва «санантониады» его не интересует и что ему порой бывает неловко за сюжетные нелепицы, которые он предлагает читателю («увы, без сюжета не обойтись, надо соблюдать правила игры»), и что главное для него заключается именно в философско-психологических реминисценциях, которые он контрабандой втискивает между строк сюжета. Это, так сказать, квинтэссенция всего Сан-Антонио.

Следует отдать Фредерику Дару должное, он очень хорошо изучил человеческую психологию и нередко с сарказмом потешается над эгоизмом и мещанством, жадностью и глупостью. Но делает это не для того, чтобы помочь искоренению зла, а для того, чтобы примирить с ним. Природу человека-де все равно не переделать, а потому стоит ли трудиться над этим, не проще ли приспособиться к жизни, как она есть. И получать от нее удовольствие в ожидании неизбежного конца.

Что ж, философия облегчающей отрыжки — тоже философия. И, как всякая философия, она служит определенным социальным силам. В данном случае тем, что заинтересованы отвлечь людей от насущных проблем действительности, увести их подальше от них. Облегчить им бремя будничных неурядиц. Кое-кто даже говорит о такой литературе как

о новом опиуме для народа, который, подобно религии, служит утешением в жизненных невзгодах. Сан-Антонио этого не отрицает: «Многие обвиняют мою философию в примитивизме. Если она примитивна, значит, хороша. Самые примитивные идеи — всегда наиболее стоящие. Моя эмпирическая философия приходит на помощь народному мышлению. Она — сандвич мыслей, утоляющий духовный голод. Выходя из моей кухни, можно зайти, конечно, в другую, где готовятся блюда более интеллектуальные. Только стоит ли труда? Жизнь, уж раз она нам дана, надо прожить, не усложняя ее».

И читатель глотает сандвичи, приготовленные Фредериком Даром, не особенно задумываясь над смыслом жизни, главное — прожить ее с улыбкой. И чем больше он поддается этой философии, тем больше нуждается в очередных сандвичах, которые постепенно становятся главной, а потом и единственной пищей для ума. Надо отдать должное Фредерику Дару, приготовлены его сандвичи мастерски, он умеет вкусно подать приключения комиссара Сан-Антонио и его друзей. Их служебные и амурные подвиги. А по ходу и зло посмеяться над бюрократами и дельцами от политики. Но это по ходу. Фредерик Дар идет в ногу со скоротечным веком. Не отставая от моды. Мода на порнографию? Можно и порнографию. Там, где прежние авторы ставили в своих книгах стыдливые отточия, нынешние изощряются вовсю. При этом описание порносцен облечено в форму иронии, и не поймешь порой, то ли это смакование эротики, то ли пародия на нее. И вроде бы пор-

нография у Дара становится и не порнографией, на что у большинства других авторов подобных произведений таланта не хватает. Однако более или менее ловкое описание того, что действительно заслуживает отточий, не меняет, по существу, ничего в самом корне вещей. Окололитература остается окололитературой. И в то же время становится «классикой». Вот что страшно!

С обложек книг Фредерика Дара на читателя глядит с хитрецей портрет автора. Большая лысина, слегка опущенная по краям, бакенбарды, округлое лицо с мясистым носом и оттопыренными ушами. Таким я представляю себе мясника, норовящего обвесить покупателя на сто граммов. Впрочем, на Западе на сто граммов не обвешивают. И щетки с ветрового стекла автомобиля не снимают. Украсть целый автомобиль — это сколько угодно, а щетки — нет. Продать тонны лежалого мяса — пожалуйста, обвесить на сто граммов — крайняя редкость. Правда, и своего грамма не перевесят, ни-ни.

Короче говоря, шел я на свидание с Фредериком Даром и мысленно представлял себе эдакого мясника от литературы, циничного и ловкого. Познакомились. И оказалось, что Фредерик Дар — очень мягкий человек, заботливый отец, который помимо своих детей воспитывает еще усыновленного тунисского мальчика. И в глазах никакой хитрецы, скорее меланхолия. И главное, это начитанный человек, боготворящий Жан-Жака Руссо и Виктора Гюго, последнего он называет своим литературным учителем. Любит философские песни Брассенса и Лео Ферра. И жизнь он

прожил трудовую, нелегкую. Писал статьи для газет, пробовал свои силы в драматургии. Не все брали, не все шло, бывали моменты, когда опасался остаться без работы вообще.

— Моя карьера — чистое недоразумение. Мечтал о серьезной литературной деятельности. Увы, пристроить серьезные вещи не удавалось. А жить как-то надо. Выручил Сан-Антонио.

— Но теперь-то вы богаты и свободны писать то, что вам по душе?

— Конечно, но странное дело, Сан-Антонио меня увлек, и я пишу с удовольствием. Благодаря ему у меня появилось много друзей, мне много пишут. Значит, у людей есть потребность в нем. И вообще, я все больше убеждаюсь в том, что на смену герою романов XIX века, идеалисту-мыслителю, пришел диснеевский Микки Маус. Да, да, гора-Бальзак уступил место мышонку. Может быть, это и печально, но это факт. Вы спрашиваете, есть ли в моем герое кусочек меня самого? Абсолютно нет. Сан-Антонио — моя противоположность. Это герой рисованных мультипликационных лент, которого можно обнаружить во всех авантюрах подобного жанра.

Я уже говорил, что Фредерик Дар — неплохой психолог, он умеет разбираться в людях, и немногие могут похвастаться тем, что являются его друзьями. Сам он признается, что истинную дружбу питает к двум людям: известному французскому актеру Роберу Осейну и хозяину издательства «Флев нуар» Арману Каро. И вот что любопытно: оба они нежно любят Дара, и оба не любят Сан-Антонио. Прочитав один из первых романов этой

серии, Робер Оссейн попросту возмутился: слушай, Фред, тебе не стыдно писать такое? Если тебе нечего есть, я одолжу тебе денег. Что до Армана Каро, то, не питая симпатий к Сан-Антонио, он его издает. Почему не издавать, коль есть спрос и он расходуется миллионными тиражами?

Чейз, Сименон, Дар... У них разные взгляды на жизнь, разный талант, но все они единоклассники в своем отношении к читательской массе: «Ничего не поделаешь, приходится уступать их вкусам». Наверное, в этом содержится известная доля интеллигентского снобизма, может быть даже неосознанного. Но главное в другом: внутренняя раздвоенность таланта писателя отражает раздвоенность мира, который он описывает или, точнее будет сказано, в котором он сам живет, раздвоенность культуры. И он оказывается перед дилеммой: думать или выдумывать? Этот вопрос ставит в своей статье журналист Габриель Мацнеф. В газете «Монд» от 10 ноября 1979 года он рассуждает о том, что во Франции утвердился культ абстрактной болтовни, а интеллигентская схоластика буквально покрыла оспинами лицо национальной культуры. Мацнеф вспоминает писательское кредо Гете: писатель должен описывать только то, что он сам испытал, прочувствовал и продумал. Теперь же, удивляется журналист из «Монд», успех имеют те писатели, что занимаются в своих произведениях выдумыванием всякой всячины. Они в почете. Но как только автор начинает излагать свои собственные раздумья о реальных проблемах, это тут же вызывает подозрение. Казалось бы, го-

ворит Мацнеф, публика должна легко отличать реальное от надуманного, естественное от сфабрикованного и выбирать первое. На деле же получается все иначе, публика не только не отворачивается от всей этой выдуманной макулатуры, завалившей книжные магазины, но, наоборот, требует такую макулатуру. «Выходит так, что люди не хотят подняться над своей серостью, а хотят быть оглупленными».

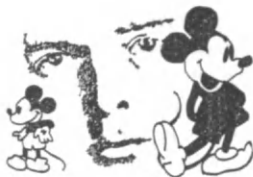
Кем создается эта ситуация? Читателем с испорченным вкусом, как хотел бы представить дело Фредерик Дар? Или теми, кто прививает ему такой вкус, о чем говорят гораздо реже? Вот в чем вопрос.

Иногда можно услышать мнение, что появлению большого писателя должно предшествовать появление серьезного читателя. Или, в крайнем случае, они должны появиться одновременно. С этим трудно согласиться. Спору нет, большие писатели не возникают на манер Афродиты из морской пены; мало иметь большой талант, необходимо, чтобы он появился вовремя, не раньше и не позже того, как этого требуют объективные обстоятельства. Но в том-то и состоит значимость таланта, что он видит глубже и яснее, чем его современники, художественным чутьем предугадывая, предвидя то, что еще сокрыто для других. И в этом смысле писатель создает читателя и его вкусы.

Роль большого писателя в общественной жизни определяется именно тем, насколько он способствует своим творчеством ускорению социального прогресса, развитию общественного сознания. И нет никакого сомнения в

том, что немалая доля ответственности за дурной вкус, воспитанный у масс на Западе, лежит на совести писателей, растрачивающих свой талант на литературный ширпотреб, не имеющих мужества и сил подняться над читателем и поднять его.

МИККИ МАУС ПРОТИВ ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАКА

Я вспоминаю теплый зимний вечер в Барселоне. Мы гуляли с Владимиром Ломейко, известным журналистом (в то время он работал обозревателем АПН), по широкому бульвару, ведущему от портовой площади Каталонии к центру. Днем он представляет собой тянувшийся на километры цветочный, птичий и рыбный базар. Торговки под широкими разноцветными зонтиками выкрикивают свой товар, зазывают. В глазах рябит от яркого многоцветья, в ушах звенит от птичьего многоголосья. А из аквариумов на тебя смотрят выпученные глаза диковинных обитателей моря. К вечеру бульвар пустеет, и по нему прогуливается праздная толпа, наслаждаясь свежим ветерком с моря.

Наше внимание привлекло скопление публики у здания театра. «Наверное, просят лишний билетик», — предположил Ломейко. Мы подошли поближе, из афиши узнали, что сегодня идет опера «Трубадур». Только мы

ошиблись, спектакль уже закончился — на Западе спектакли заканчиваются рано, — начинался разъезд. Именно разъезд — такой, о которых мы читали в романах прошлого века. Вечерние платья, смокинги, плащи, трости с массивными набалдашниками из слоновой кости не спеша и с достоинством спускались по маршам лестницы, величественно проплывая мимо толпы зевак, и исчезали в чревах шикарных автомобилей.

А люди из простонародья смотрели на это, тоже по-своему театральное, представление. Здесь у театрального подъезда они прикасались к культуре высшего общества. И расходились. Опера была не для них. У них был футбол, была коррида, были петушинные бои. И, конечно, телевизор, детективы, дансинги. Сожалели ли они о таком раздвоении культуры на элитарную и массовую? Скорее всего, нет. Пожалуй, даже удивлялись, как это можно высидеть два часа в опере или на симфоническом концерте? Умрешь со скуки. А некоторые ученые-социологи делают глубокие выводы: генетически человек толпы не приспособлен к культуре элиты.

На эту тему мы беседовали как-то с Робером Эскарпитом, известным французским литературным критиком; он выступал в Женевском университете с лекцией «О литературе и окололитературе». Если не ошибаюсь, это было в мае 1970 года. (А почти десять лет спустя мне довелось помогать в работе над диссертацией Джакобу Оканзе, научным руководителем которого был Робер Эскарпит.) На вопрос, угрожает ли окололитература будущему книги, Эскарпит ответил, что вопрос

следует ставить более широко не только о будущем книги, так как проблема околотературы, или «массовой литературы», включена в контекст всей социальной жизни общества. Ту или иную культуру обществу всегда навязывает господствующий класс, сообразуясь со своими собственными интересами. В этом ключ к ответу на поставленный вопрос. Известно, что книга как печатная продукция утвердилась при самом активном участии поднимающейся, стремящейся к власти буржуазии, которая была заинтересована в развитии своих революционных идей, в их распространении. Так, к XIX веку серьезная литература, обращающаяся к социальным, нравственным проблемам, в первую очередь роман, стала достоянием публики, умеющей читать.

По той же точно логике, превращение буржуазии из революционной в контрреволюционную порождает у этого класса тенденцию к затушевыванию и извращению истины — истины, которая не обещает ему долгой жизни. Эта тенденция находит свое выражение в тяготении к литературе определенного толка, а именно к бездуховной, бездумной, но безопасной околотературе.

Итак, судьба литературы (и вопрос о том, какой ей быть) вплетена непосредственно в судьбу всего общественного развития. Книга может поднимать культуру и душировать ее, возвышать интеллект и убивать его. Хорошей иллюстрацией к этому может служить история взлета так называемых рисованных мультипликационных лент, или, точнее, рисованной литературы, для краткости я буду называть ее РЛ.

Передо мной отливающий гляncем и красками альбом «Сан-Антонио в тур де Франс», где рассказывается об очередных приключениях бравого комиссара полиции во время велосипедных гонок вокруг Франции. Точнее, не рассказывается, а показывается. В картинках, сопровождаемых краткими подписями, а также прямой речью героев, вылетающей в виде облаков из их рта, мыслями героев, выплывающими пузырьками из их головы, и прочими графически-стереотипными обозначениями душевного состояния и настроения героев. С точки зрения литературной предпочтении отдается короткому, но выразительному междометию. Взрыв сопровождается удлинненным «бр-у-у-у-м», столкновение автомашин — «клинг-гланг», выстрел — «паф-паф», удар по челюсти — «дзинг» и так далее. Все это в нарочито шаржированном, гротескном изображении. Челюсть самого Сан-Антонио, квадратная и выдающаяся, может служить эталоном волевой челюсти. Подруги комиссара обладают столь же выдающимися бюстами, свидетельствующими об их сексуальной мощи.

Короче говоря, это Сан-Антонио в мультипликационном варианте, откуда начисто изъят сатирический талант Фредерика Дара. Что же тогда остается? Тривиальный и пошлый сюжет в картинках, для расшифровки которых вполне достаточно уметь читать по слогам. В книжных магазинах, заваленных изданиями рисованной литературы, можно найти РЛ, сделанную на сюжет Библии, произведений Флобера и Дюма, Толстого и Дарвина. Еще не столь давно из классиков масте-

рили дайджесты — сокращенные и «облегченные» варианты книг, в которых рассуждения автора и всяческая философия опускались, оставались избранные редакцией места, вроде любовных отношений Анны Карениной и Вронского. Философия дайджеста ясна: читателю некогда размышлять над внутренними переживаниями героев. Ныне процесс опрощения литературы значительно продвинулся: читателю уже некогда читать, проще и экономнее рассматривать картинки с междометиями.

И читатель смотрит. С увлечением. Покупает РЛ в сотнях миллионов экземпляров. Посещает огромные выставки-продажи рисованной литературы. Во Франции ежегодно проводятся Международные салоны РЛ. В январе 1980 года с большим успехом прошел седьмой такой салон. Популярность этих салонов не уступает популярности международного кинофестиваля в Каннах или Бьеннале изобразительного искусства в Венеции. До 60-х годов РЛ была в основном уделом детей, которые не столько читали, сколько смотрели картинки. Вроде наших «Веселых картинок». Но затем этот жанр стал все чаще появляться в литературе для взрослых, его начали периодически публиковать крупные газеты, такие, как французские «Фигаро», «Франс диманш» и даже солидная «Монд». По средам в послеобеденные часы постоянная рубрика РЛ идет по парижскому телевидению. Серия РЛ под названием «Блонди», созданная в Соединенных Штатах, перепечатывалась изо дня в день в 1600 газетах по всему миру. Парижская «Франс-суар» дала полное

изложение Евангелия в рисунках. В своем исследовании о социальной динамике французской культуры социолог А. Моль опубликовал анализ анкеты, проведенной среди читателей ежедневной прессы. Читатели в возрасте от 10 до 30 лет ставили РЛ по популярности на первое место. Читатели от 30 до 40 лет отводили ей второе место после текущих новостей, читатели от 40 до 50 лет поставили РЛ на третье место после новостей и фоторепортажей, читатели от 50 до 70 лет — на пятое. Следует сказать, что указанное исследование проводилось до майских событий 1968 года, после которых популярность рисованной литературы резко возросла. Итак, люди, вступившие в пору самой активной деятельности (20—40 лет), в расцвете духовных сил и способностей, предпочитают чтению рассмотрение картинок. В чем же причина такой популярности рисованной литературы, которую в сравнении с окололитературой можно было бы квалифицировать как «нелитературу»? В ответе на этот вопрос социологи весьма единодушны: разгадка состоит в силе психологического воздействия РЛ, которая превратилась с помощью высокой техники исполнения в одно из самых эмоциональных средств массовой коммуникации. Следует иметь в виду и то немаловажное обстоятельство, что в 60—70-х годах зерна рисованной литературы упали на подготовленную для них почву. Кино и телевидение приучили людей к восприятию идей через зрительные образы, колоссальная по объему информация выработала у них привычку к поспешному и поверхностному чтению.

«Сжатая литературная продукция для спешащего читателя» — так определил жанр рисованной литературы французский социолог Ги Готье. Филипп Мюре, журналист из французского еженедельника «Нувель лите-рер», считает даже, что с утверждением этого жанра сбылась мечта авангардистов: заставить говорить живопись и петь литературу. РЛ, по его определению, является именно таким полифоническим жанром, вобравшим в себя литературу, изобразительное искусство, музыку и кино. Ему же, Филиппу Мюре, принадлежит пророчество, что жанр рисованной литературы открывает новый цикл в истории литературы, значение которого сейчас еще трудно себе представить.

Но несколько слов об истории самого жанра, которая началась более полувека назад. Правда, злые языки уверяют, что РЛ появилась значительно раньше, а именно с наскальной живописью, и при этом добавляют, что сейчас она (и тут они в корне расходятся с мнением Филиппа Мюре) возвращается к тому же пещерному циклу. Но на то они и злые языки. А специалисты жанра указывают точную дату рождения РЛ — 1928 год. А еще точнее — 18 ноября 1928 года, день рождения диснеевского Микки Мауса. Именно тогда был показан первый фильм с участием этого маленького мышонка с круглой мордашкой и ушами-лопухами. Его изображение сегодня можно встретить на этикетках более 3 тысяч всевозможных предметов обихода: мыла, повидла, зубных щеток, лампочек, обуви, часов... Открывая в 1944 году второй фронт в Нормандии, союзники избрали

пароль: «Микки Маус». Сам Уолт Дисней был награжден за создание образа Микки Мауса высшей наградой кино — премией Оскара.

Специалисты мультипликационного кино говорят о Микки Маусе как о продукте творческого гения. Но, как известно, такого рода гении появляются тогда, когда этого требуют обстоятельства. Не раньше и не позже. Рождение Микки Мауса, безусловно, отвечало насущной потребности американской действительности начала века. Иммигранты, прибывавшие в Соединенные Штаты со всех концов света, говорившие на самых разных языках и имевшие самые разнообразные традиции и привычки, должны были сплотиться в единую нацию. Кроме того, первые десятилетия XX века были отмечены в США появлением поточного конвейерного производства стандартизированных товаров массового потребления, что породило задачу нивелирования вкусов потребителя, выработки единых стандартов. Все это требовало создания единого эталона среднего американца, эталона максимально понятного и приемлемого для всех, а следовательно, простого и даже примитивного. Таким эталоном и стал Микки Маус. Микки — оптимист, он никогда не унывает, всегда пребывает в хорошем настроении, общителен и изобретателен. Уверен в неизбежном хэппи энд, даже в самых сложных ситуациях. Сам Дисней определил его так: «Это бравый парень, который никому не желает зла. Он постоянно попадает в непредвиденные ситуации, из которых выходит с честью. И с неизменной улыбкой. Всю свою жизнь Микки остается верен одной подруж-

ке — Минни. Микки настолько доступен всем, что просто невозможно, чтобы он не превратился в верного друга и общего любимца». Уолт Дисней будто в воду глядел, так оно и вышло на самом деле. Микки Маус стал символом Америки. Понятным и доступным всем, даже тем, кто еще не знал или знал плохо английский язык. Однако, помогая сплочению американской нации, Микки одновременно выполнял роль разрушителя культурных ценностей, привнесенных иммигрантами из Англии, Польши, Франции, Италии. Прimitивный эталон способствовал появлению примитивной американизированной массовой культуры.

«Микки Маус, этот идиот-оптимист,— писал в те годы журнал «Нью-Йорк таймс мэгэзин», — оказал самое пагубное влияние на культуру Америки». А сегодня можно с уверенностью сказать, что так называемая массовая культура многим обязана маленькому мышонку с ушами-лопухами, этому «идиоту-оптимисту», который «никому не желал зла».

Объясняя силу воздействия рисованной литературы на молодежь, уже упомянутый выше Ги Готье говорит, что с помощью отшлифованной техники РЛ достигла «максимума эффективности благодаря максимуму упрощенности». Это верно. Рисованная литература сильна простотой своих стереотипов. Так, для многих стереотип мексиканца — это прежде всего сомбреро, гитара. Примитивно, элементарно и вместе с тем настолько прочно укореняется в памяти, что всякий раз упоминание о Мексике вызывает именно этот примитив. Для воспроизведения его не нужны

ни воображение, ни фантазия, ни мысль, оно осуществляется рефлексорно. Дисней приучил своего зрителя-читателя даже к определенной шкале стереотипных красок. Так, во всех его фильмах и РЛ красный цвет обозначает злобу, ярость, коричневый — жадность, светло-серый — страх, темно-серый — отчаяние и депрессию, серо-зеленый — обман, мошенничество, розовый — аффектацию, оранжевый — гордыню, голубой — тайну и так далее. Читатель, собственно, перестает быть читателем. Уходя целиком в зрительные образы и цветовые гаммы, он возвращается к чувственному восприятию действительности на уровне условных рефлексов. И если жанр РЛ вполне оправдан и даже полезен для периода раннего детства, когда ребенок воспринимает окружающий мир прежде всего чувственным образом, то у юношества увлечение этим жанром, бесспорно, тормозит развитие абстрактного мышления, а следовательно, и сам процесс интеллектуального и духовного взросления. Что же касается взрослых людей, то уход их в РЛ нередко приводит к настоящей духовной деградации. Как бы то ни было, факт остается фактом: форма может до крайности примитивизировать содержание и способствовать его упрощенному и безыдейному восприятию.

Кстати, о самом содержании. Французский социолог Бернар Пурприкс провел в 70-х годах интересное исследование. Он проанализировал сто номеров «Газеты Микки» — периодического издания РЛ для молодежи Франции — и пришел к заключению, что мир Уолта Диснея является «символом полити-

ческого, экономического и социального консерватизма». В 78 процентах всех сюжетов Диснея красной нитью проходит тема неизблемости и священности частной собственности.

Чилийские социологи Эркел Дорфмэн и Арнанд Мэттэларт проанализировали целую серию диснеевских рисованных лент и пришли к следующему выводу: почти все они содержат элементы расизма, алчности и империалистического высокомерия. Три четверти из них рассказывают о приключениях в поисках золота, в остальной четверти — герои соперничают между собой ради денег или славы. Мэттэларт пишет: «Мнимое ребячество (на котором специализируется Дисней) — это не что иное, как политическая утопия класса. Во всех своих комиксах Дисней использует анимализм, инфантилизм и простодушие, для того чтобы замаскировать сеть интересов, формирующих сложившуюся в социальном и историческом отношениях, конкретную систему — североамериканский империализм».

Мои сверстники хорошо помнят, какой огромный успех в середине 30-х годов имели диснеевские «Три поросенка». Но никому и в голову не приходило, что безобидные детские «мультики» о приключениях трех незадачливых поросят могли нести в Америке в те годы и своеобразную идеологическую нагрузку. В условиях экономического кризиса и последовавшей за ним депрессии это был образный призыв не отчаиваться, не терять надежды на лучшие времена и сохранять твердость духа. Сам Уолт Дисней писал: «Три поросенка», представленные в критический

момент депрессии, прямо ассоциировались с экономической ситуацией». Многие видели в этом фильме рецепт против кризиса: надо строить непробиваемый дом (собственность), который защитит от злого серого волка (банкротств, безработицы). Вот почему музыкальная тема «Нам не страшен серый волк» стала конкурировать в популярности с национальным гимном. Можно привести и другие примеры, показывающие силу воздействия рисованных образов. Так, во время второй мировой войны в серии «Терри и пираты» герой был мобилизован в американскую армию, действующую в районе Тихого океана. По воле автора, отряд, в котором служил Терри, был выбит японцами с занимаемого им острова. Это вызвало недовольство президента Рузвельта, который самолично попросил автора, чтобы Терри незамедлительно «отвоевал» у японцев остров обратно. И объяснил это тем, что Терри слишком близок массовому читателю, который изо дня в день следит за его приключениями, привык к нему и верит ему как себе. Вот почему, заключил Рузвельт, те или иные действия героя могут поднять или уронить дух миллионов американцев, в чем автор должен отдавать себе отчет. Терри принадлежал уже не только ему, но и всей американской нации.

Через РЛ нередко внедряются и прямо антикоммунистические, антисоветские настроения. Как, например, в случае с «Тэнтэном в Стране Советов». Тэнтэн, маленький человек в гольфах, изображенный несколькими штрихами, действительно имеет сходство с наскальными рисунками. Вместе со своей го-

воращей собакой Милу (кстати, она говорит гораздо чаще, чем сам герой, который ограничивается в основном все теми же междометиями в облаках) Тэнтэн путешествует по Советскому Союзу 20-х годов, попадает в различные невероятные ситуации: мерзнет, голодает, его грабят и истязают. Под конец он еле-еле уносит свои ноги в гольфах на благословенный Запад.

Производство РЛ, а следовательно, и ее влияние расширяются. Если в 1931 году деловой оборот фирмы «Уолт Дисней продакшн» оценивался в 180 тысяч долларов, то в 1970 году он достиг уже 23 миллионов, а в 1979 году превысил 650 миллионов долларов. При этом главные доходы фирме дает РЛ. Жанр этот явно на подъеме. Уже в конце 20 — начале 30-х годов у Микки Мауса появилось множество аналогов как в самой Америке, так и в других странах Запада. Супермен — в США, Астерикс — во Франции, Тэнтэн — в Бельгии, все они — герои потребительской литературы для детей и взрослых. Каждый из этих персонажей имеет свои особенности во внешнем облике и характере. Но все они служат одному делу — манипуляции общественным сознанием в определенных интересах. Служат и пассивно, способствуя примитивизации мышления и сознания, и активно, о чем только что шла речь.

Любопытно, что знаменитый автор Тэнтэна — Реми Жорж (он взял себе псевдоним Эрже — по начальным буквам имени и фамилии), ставший ныне одним из признанных классиков жанра РЛ, сам признался однажды, что до сих пор не может понять причин

своего головокружительного успеха: «Я никогда не мог уразуметь, чем Тэнтэн привлек публику. И всегда считал свой успех каким-то недоразумением. Для меня самого все это было не больше чем баловством».

Первоначально Реми Жорж пробовал свои силы в большой живописи, но не преуспел в этом и переключился на Тэнтэна. А потом полюбил своего героя, которого идентифицировал с самим собой: «Флобер говорил, что мадам Бовари — это он. Я могу с таким же основанием сказать, что Тэнтэн — это я».

Но кто же он такой, автор Тэнтэна? Слово автору:

— Мое детство? Оно прошло в атмосфере посредственности, среди посредственных событий и посредственных мыслей... Сплошная серость. Детство, юность, бойскаутство, военная служба — все было серым. Детство — не веселое, не грустное, скорее, тусклое. Я не был несчастлив, напротив, мои родители были очень добры ко мне и окружили меня заботой. Но — никаких проблесков: ни книг, ни обмена идеями, ничего... В юности я был бойскаутом и, мне кажется, остался им на всю жизнь... Я не думаю, что мне можно привесить этикетку правого или левого. Что верно, так это то, что я всегда был и остаюсь приверженцем существующего порядка... Я очень люблю детективы про шпионов, Джеймса Бонда... Я обожаю абстрактное искусство... Я люблю музыку, особенно поп-музыку...

Вот вам и объяснение причин успеха Эрже и его Тэнтэна. Французский социолог Дени де Ружемон говорит, что «мир все больше погрязает в посредственности: мелкие лю-

дишки все мельче любят и все мельче ненавидят. Этому способствует система образования, которая нивелирует человека, останавливает его развитие на низшем интеллектуальном уровне. А масс-медиа: газеты, радио, телевидение, кино, рисованная литература, со своей стороны, с успехом закрепляет этот уровень».

Впрочем, это только часть ответа, есть и другое объяснение успеха Тэнтэна и всего жанра РЛ. Его дал все тот же Фредерик Дар: «Я думаю, что всякий человек, способный выдумать что-то выходящее за рамки обыденного, достоин (в той или иной степени) называться гением».

Сам Дар тоже выдумывает новое. И он действительно испытывает удовлетворение, выпекая своих Сан-Антонио. И не только из-за «философских» отступлений от текста, но и при работе над самим текстом. Составляя фразы, он постоянно изобретает новые словосочетания, по его мнению, в наш скоротечный век необходимо спрессовывать информацию и конденсировать мысли, избавляя читателя от «толстовско-бальзаковской литературщины». Ну, скажем, можно написать, что «шел мокрый снег, и было слякотно», а можно выразить ту же мысль одним словом: «снеждило», то есть снежило и дожило одновременно. Может быть, по-французски приведенное словосочетание («иль плёже») выглядит более элегантно, но сам принцип новаторства тот же. Фредерик Дар — большой мастер подобных каламбуров, многие из них удачны, не более, но сам он искренне убежден, что творит что-то новое, ломает старые формы и чуть

ли не совершает революцию в литературе. На самом же деле сокрушение слов остается сокрушением слов. К тому же и не ново это. В начале века футуристы, дадаисты тоже считали себя революционерами. Даже тогда, когда сознавали, что изобретают нелепицы.

Кстати, Фредерик Дар не скрывает, что в Тэнтэне его привлекла «поэзия глупости», и тем не менее он воздаёт Эрже за то, что тот «сумел вырвать нас из монотонной повседневности».

Заявление, типичное для нашего времени. Выдумать что-нибудь, выходящее за рамки обыденного, вырваться из монотонной повседневности! Ныне охотников выдумывать развелось множество. И все ссылаются на «творческое воображение», которое не чета «ползучему эмпиризму».

Нет спору, сама жизнь во всех своих проявлениях немыслима без творческого начала. И творческого воображения, которое представляет собой сложный синтез знаний, таланта, воли, целеустремленности, вдохновения, интуиции. Маркс и Эйнштейн (можно назвать десятки других имен) дали миру образцы такого творческого воображения. Оно служило им не самоцелью, а инструментом. И в своем творчестве они отталкивались от наблюдения и анализа элементов самой действительности, обнаруживали в самой жизни то, чего другие еще не видели.

Выводя за рамки обыденности, творческое воображение раскрывает новые, доселе неизвестные грани жизни и тем самым обогащает и преображает ее. Ложное, надуманное воображение тоже выводит за рамки обыден-

ности, но уводит в пустоту. Такое воображение не изменяет жизнь, а отвлекает от нее и в конечном счете примиряет с ней.

Попадая вместе с Тэнтэном в «Страну Советов», в Африку, на Луну или в мир телепатии, читатель вырывается из повседневности. Не переставая оставаться мещанином. Один из таких читателей-мещан прислал Эрже письмо, где заявил без обиняков, что творчеству Эрже мог бы позавидовать сам Ван Гог. Еще бы, за всю свою жизнь Ван Гог сумел продать считанные полотна, а цифра проданных альбомов Эрже превысила 40 миллионов экземпляров. Над картинами Ван Гога надо думать, Эрже доступен младенцу.

Интересная и важная деталь: согласно опросу, проведенному Французским институтом общественного мнения, основной потребитель жанра РЛ — дети рабочих (в среднем 46 процентов опрошенных читателей) и служащих (19 процентов). Дети высших кадров и коммерсантов составляют всего 7 процентов. Статистика отражает реальное положение вещей: дети рабочих и служащих, обладающие более низким уровнем образования, легче воспринимают именно такую литературу. Немаловажную роль здесь играет и материальный фактор: рисованная литература, в отличие от более серьезной, относительно недорога и потому менее накладна для кармана. В интересном исследовании молодежного сознания через призму РЛ французский социолог Мари-Жозе Шомбер говорит, что «молодые люди, особенно из низших слоев общества, находят в образах РЛ компенсацию их приниженного социального статуса. Вслед за ри-

сованным героем они уходят в мечту, которая спасает их от монотонной действительности и трудовой рутины».

И РЛ раздувается в тиражах, совершенствуется в уровне технического исполнения и психологического воздействия на массы. Подчиняя себе все новые и новые слои читателя, не только молодого, но и зрелого.

А ИЛИ Б?

Утром, подойдя к машине, я обнаружил, что левый подфарник разбит вдребезги. Сел за руль и тут же увидел маленькую картонку, подsunутую под щетку стеклоочистителя. На квитанцию о штрафе, которую обычно к этому месту прикрепляют полицейские в наказание за просрочку времени стоянки, было непохоже. Картонка оказалась визитной карточкой. На ней, как положено, имя и фамилия: Доминик Бри, профессия: аниматор радиотелевидения и адрес: Гренобль, номера телефонов, домашний адрес и служебный. На обороте размашисто карандашом подписан номер телефона в Женеве. И это уже было удачей: мне давно хотелось познакомиться поближе с племенем аниматоров, которые ведут на радио, телевидении различные увеселительно-развлекательные передачи вроде конкурсов песен, где неизвестные

любители пробуют свои голоса, или игр-вопросов, в которых можно выиграть приличную сумму франков, бесплатную поездку на Гавайские острова или, на худой конец, диск с модными записями. Слово «аниматор» в буквальном переводе означает «вдохновитель», а по-нашему это нечто вроде массовика-затейника, короче говоря, человека, призванного заполнять культурный досуг масс.

Вечером я позвонил по указанному номеру. Ответил администратор «Отель дю Рон», гостиницы, расположенной на набережной Роны. Доминика Бри в комнате не оказалось, но меня попросили подождать у аппарата, его поищут, он должен быть где-то рядом, так как не оставил ключей от номера. Через минуту меня с ним соединили. Я услышал хрипловатый голос, хозяин которого без обиняков осведомлялся, какого дьявола от него еще надо, ведь вроде бы уже обо всем договорились, так нет, даже ночью не дают покоя. И, кстати, за те гроши, что ему платят, он вообще мог бы отправить всех к черту и заняться другим делом. Я выслушал его тираду до конца и потом сообщил, по какому поводу звоню. Он помолчал немного, видимо, вспоминал. Вспомнил:

— А, это я тебе подглазник задел, ха-ха-ха, не можешь теперь подмигивать?— И не дожидаясь моего ответа: — Послушай, а ты кто? Немец?.. Нет, для немца у тебя акцент слишком приятный... Не перебивай, сейчас я сам скажу, кто ты... Ага, ты — славянин, да?

Узнав, что я из Советского Союза, да еще к тому же журналист, Доминик Бри гаркнул:

— Шик! Послушай, советі́к, садись в свою колымагу и жми в этот барак дю Рон. Найдешь меня в баре, я заметный. Насчет лампы не беспокойся, заплачу.

Я ответил, что не стоит труда, подфарник уже заменили, а вот за приглашение — спасибо, с удовольствием. Он хмыкнул в трубку.

— Послушай, тебе не кажется, что ты много болтаешь? Давай, жду.

А я-то, чужак, весь день изобретал, как бы это поделикатнее попроситься на свидание. Не учел, что имею дело с аниматором. Узнать моего аниматора в самом деле оказалось очень просто. Не по причине его выдающейся внешности, она как раз оказалась весьма ординарной — небольшой рост, маленькая головка, узенькие плечи, а потому, что в шикарном, с притушенными огнями баре Доминик Бри оказался один. Он сидел на высоком табурете у стойки, болтал ногами в воздухе и что-то рассказывал бармену. Зычным и чуть хрипловатым баритоном, явно диссонировавшим с его заурядными физическими данными. Бармен драил полотенцем и без того сверкающие стаканы и слушал, снисходительно кивая. Судя по тому, как громко в пустом зале звучал голос аниматора, он уже был под изрядными парами.

— А, советі́к! — он приподнялся на табурете, как всадник в стремях, и помахал мне рукой. — Что будешь пить? Скотч? — и к бармену: — Еще два.

Мы примостились за столиком и выпили за племя «пидиотов, марающих бумагу и отравляющих эфир» — тост, разумеется, исходил от Доминика Бри. Познакомились. Оказа-

лось, что он приехал в Женеву сделать репортаж о папе. О том, как в традиционно протестантской Женеве встретят главного католика. На 100 строк. Я ему поведал, что из-за этого католика на телевидении отменили мою передачу о демократии. Он усмехнулся:

— Демократия! Скажешь тоже. Вот рекламу стирального порошка не отменяют, за нее хорошо платят. За демократию тоже надо платить. Только нынче она дороговата. О чем это я? Да, о демократии. Мой друг Бомарше — слышал о таком? — Ну да, «Фигаро — здесь, Фигаро — там», так вот, он говорил, что в демократической Франции можно говорить о чем угодно, только не о короле, не о дворе и не о министрах. Это было раньше. А сегодня можно говорить о чем угодно, но за наличные. Твое здоровье, советик... Мне лично демократия не по карману. Поэтому, знаешь, что я делаю? Я продаю самого себя. Кому? Ты меня удивляешь. Тому, кто может купить демократию. Что я делаю? В общем-то дело несложное, я веселю людей, мне платят за то, чтобы им было весело, чтобы они смеялись, пели, танцевали. Нынче мы имеем дело не с мыслящим, а танцующим человеком. Интеллекта особого для этого не надо. Если и брякнешь иногда невпопад — не беда; чем глупее, тем смешнее. Ну и диск подобрать соответствующий, под настроение. И тогда — о'кэй! Заведешь родимых, и они дергаются до посинения. Иногда приходит мысль: а зачем им голова, только мешает. Вот и все.

Конечно, смешить тоже надо уметь, и за эту науку тоже надо платить. Я платил по 800 франков в месяц Жан-Филиппу Аллену —

слыхал о таком? Не слыхал? Ну да, это, конечно, не Бомарше. Хотя тоже кое-что. Когда-то он крутил педали, даже выиграл «Тур де Франс». А теперь учит крутить мозги. Держит в 12-м округе Парижа школу аниматоров. Он нам так и говорил: «Я научу вас, как продать себя подороже». И вот теперь я сам кручу мозги другим. Чем громче они смеются, тем больше мне платят. Плата за смех. Как платят? Не жалуюсь, на бифштекс с коньяком имею... И домик есть с садиком, от смеха ведь тоже надо отдыхать. В общем прожиточный минимум имею. Ты хочешь знать поточнее, сколько? Послушай, а ты, часом, не шпион? Ладно, не обижайся, это я так, в шутку, профессиональная привычка. Если хочешь серьезно, то секрета тут нет: в хорошие месяцы зарабатываю столько же, сколько мой приятель, шеф административного совета мебельной фабрики. Солидное предприятие, процветает. Мой патрон тоже считает меня рентабельным. Я вижу, ты удивлен. Напрасно. Скажу тебе опять-таки не по секрету, а по дружбе, кстати, как тебя зовут? Впрочем, это неважно. Так вот, Доминик, которого ты видишь перед собой,— нищий в сравнении с аниматорами-астрономами, мы их так именуем, потому что они числятся «звездами» и зарабатывают астрономические суммы. Продаются очень дорого. Доминик Бри шлепнул ладонями по столу:— Ну да, по высшим ставкам!

После встречи с Домиником Бри я стал более внимательно приглядываться к передачам с участием аниматоров, читал литературу о них, мемуары наиболее известных из них.

Сидел часами у телевизора и смотрел различные игры, на которые раньше почти не обращал внимания. Старался постичь меру их воздействия на зрителя и слушателя. Постепенно начала вырисовываться довольно любопытная картина. Прежде всего буквально на глазах росло время, отводимое телевизионными каналами различным развлекательным передачам, в том числе играм. Статистика подтверждает это: с 1974 по 1978 год количество часов, предоставляемое на такие передачи французским телевидением, выросло с 336 до 682, то есть вдвое.

Что касается существа этих передач, то на первый взгляд они выглядят вполне невинными и даже полезными, познавательными. К примеру, аниматор предлагает находящимся в студии телезрителям выбрать одно из двух решений: А или Б, то есть назвать правильный ответ. Ну, скажем, А: Наполеон в сражении под Аустерлицем нанес поражение армии Суворова; Б: Наполеон в сражении под Аустерлицем нанес поражение войскам союзников под руководством сводного австро-русского командования. Отвечающий должен выбрать А или Б. Если он выбрал Б (правильный ответ), то получает 100 франков. При следующем верном ответе сумма выигрыша прогрессивно растет, неточный — ликвидирует весь выигрыш. На любом этапе участник может выйти из игры и забрать выигранное, ну, скажем, 1000 франков. Как в рулетке. Но соблазн и азарт бывают часто велики, и он соглашается ответить еще на один, последний вопрос и получить 2000 франков. Идет ва-банк. Вот тут-то аниматор

развертывается во всех своих талантах. Он нагнетает атмосферу, призывает игроков проявить смелость, решительность. Ведь 2000 — это не 1000. Ну, вперед, мой друг, тебя ждет награда и слава. Прояви характер, ведь за тобой сейчас наблюдают миллионы французов. Наверное, твоя подружка тоже, а? Переживают за тебя, желают удачи. Ну так как? Рискнем?

И многие рискуют: выигрывают и чувствуют себя чуть ли не Наполеонами при Аустерлице, проигрывают и рвут на себе волосы, некоторые плачут, и с ними пускают слезу сердобольные домохозяйки у экранов своих телевизоров: так жалко мальчика (или девочку), почти что энциклопедистов, они так бойко отвечали на все вопросы.

Такие телеигры, предлагающие вопросы из области истории, географии, естествознания, литературы, очень популярны. Миллионы людей ждут с нетерпением очередных передач. Но вот что интересно: знания «энциклопедистов», как правило, крайне односторонни, каждый из них зазубривает ответы из какой-то одной заранее заданной области, скажем истории Франции первой половины XIX столетия. Или французской живописи 30-х годов. И у телезрителя, по словам обозревателя газеты «Монд» Мориса Маскино, под впечатлением этих передач постепенно вырабатывается представление, что «литература, наука, искусство, политика представляют совершенно обособленные области жизни», что «различные элементы социальной действительности функционируют изолированно друг от друга». «Подобный разрыв между неразрыв-

ными составными жизнедеятельности делает невозможным правильное осознание реальности. Блокируя мыслительную деятельность, они убеждают публику, что знание не является активным процессом, а служит неким предметом восторженного созерцания, а сами Наука или Искусство с большой буквы остаются уделом избранных, наиболее высокоорганизованных индивидов и абсолютно недоступны широким массам». Суммируя сказанное, М. Маскино делает вывод: «Радиофоническое и телевизионное развлекательство служит инструментом (среди прочих) идеологической обработки граждан».

Человек, который в своей безобидной и на первый взгляд далекой от всякой идеологии деятельности незаметно и исподволь осуществляет эту «обработку», и есть аниматор. Вот как охарактеризовал амплу аниматора Ролан Лью в статье «Культуралистская лихорадка», опубликованной в декабрьском номере «Монд дипломатик» за 1979 год. «Аниматор — это «миссионер незнания». Независимо от исполняемой им роли — воинствующего политика, священника, актера, воспитателя, психолога, утешителя или шефа бойскаутов, — он неизменно представляет трагикомическую фигуру. Бессилие его эскапад может сравниться, пожалуй, только с его рвением. И вместе с тем аниматор затягивает аудиторию в паутину социальной системы с такой эффективностью, какая даже не снилась священнику в сутане или грозному лицейскому учителю с линейкой для битья».

Но вернемся к телеиграм. Те, о которых я говорил выше, требующие хоть каких-то

элементарных знаний, пусть пассивных и зубренных наизусть,— это верх интеллектуальных дивертисментов, предлагаемых публике. Подавляющее же большинство игр вовсе не требует таких умственных усилий. Ответить на вопрос, какую породу собак предпочитает певица Далида или где отдыхал в 1975 году актер Ален Делон, может и круглый идиот. Трудно, разумеется, перечислить все игры, которые с помощью радио, телевидения и прессы анестезируют сознание миллионов слушателей, зрителей, читателей, их сотни. Однако наибольшей популярностью у зрителей пользуются игры-детективы, как правило сдобренные хорошей долей насилия, насыщенные натуралистическими сценами,— словом, со всеми непременно атрибутами этого жанра.

На этих играх, как и на бесчисленных кинофильмах и телепередачах об убийствах, ограблениях, умыканиях заложников и прочих проявлениях насилия, и воспитываются будущие преступники. По словам французского социолога Ролана Барта, «между терроризмом и «масс-медиа» (статьи, фильмы, телепередачи), которые уделяют ему колоссальное внимание, существует связь соучастия. Средства массовой коммуникации превратились в трансляцию преступности».

Можно добавить, в трансляцию насилия вообще. Насилие и порнография стали подлинными героями западного кинематографа. Из 222 фильмов, демонстрировавшихся в 1977 году на экранах Франции, 100 содержали порнографию, причем и в жанре порнографии элементу насилия уделяется далеко не второ-

степенная роль. Что касается телевидения, то оно откровенной порнографии не показывает, но фильмы, идущие на маленьком экране, заполнены сценами убийств, насилий, ограблений. И число подобных картин, особенно американского производства, из года в год растет. Процент этих фильмов за период с 1974 по 1977 год вырос на первом канале французского телевидения с 5,8 до 15,2, на втором — с 6,4 до 12,4; на третьем канале они занимают 71,8 процента всех передач.

Многие социологи удивляются равнодушию, с которым зритель наблюдает в документальном кино и по телевидению сцены подлинных зверств, совершавшихся американской или французской военщиной во Вьетнаме или Заире. А между тем объяснение простое. Профилактическая сыворотка нередко содержит в себе микроорганизмы болезни, против которой служит прививка. Макродозы насилия в образах прививают публике иммунитет к реальному насилию.

И все же наиболее почетное место в «массовой культуре» отводится мечте, иллюзии, которые призваны компенсировать недовольство людей своим жизненным положением, неинтересной работой, однообразным, бесцельным досугом, удовлетворить их не всегда осознанное стремление к более душевным человеческим отношениям. Мечта продается на рынке массовых эмоций миллионными тиражами развлекательной, бульварной прессы, выступает в роли шансонье-идола на эстраде, подается в виде красивой рекламы с экранов телевидения. «Как все звезды эстрады, — говорит известный французский певец Анту-

ан,— я усыпляю людей. Неистово аплодируя, слушатели дают выход своей энергии, которая могла бы служить им для протеста против унижительного существования». Но они аплодируют, покупают фотографии своих любимых актеров, внимательно следят за всеми перипетиями их карьеры, переживают их любовные истории, короче, живут *их* жизнью, превратив поклонение им в смысл своего существования.

Новый опиум для народа, в отличие от обычных наркотиков, проходит через таможни западного мира без всяких препятствий. Героин и гашиш продаются в миниатюрных пакетиках из-под полы, поп-мечта продается в образах Джонни Холлидея или Мика Джаггера. Идентифицируя себя с этими образами, человек как бы живет в двух измерениях, своей собственной реальной жизнью и чужой, воображаемой. Тело, мускулы — на заводе, голова, мозг — бог знает где, то ли в мыслях о предстоящем замужестве певицы Шейлы, то ли в ожидании очередной авантюры Сан-Антонио. При этом сам-то он своей настоящей жизнью считает не ту, реальную и тяжелую, нервную, тусклую, скучную, что проходит в цехе завода или в бюро, а ту беззаботную, веселую, интересную, пусть воображаемую, что он проводит в уютном кресле перед телевизионным экраном или в затемненном зале кино. Так с помощью иллюзий осуществляется сокровенная мечта монополий о том, чтобы рабочий, приходя на завод, оставлял свой мозг на вешалке.

Еще в конце XIX века французский социолог и психолог Гюстав Лебон усиленно при-

зывает своих коллег изучать психологию «толпы», с тем чтобы научиться управлять ее поведением. Умение манипулировать сознанием «массового человека» он называл последним средством защиты буржуазной системы. Поскольку, говорил он, толпа не рассуждает, а покоряется страстям, необходимо воздействовать на ее сознание путем внедрения в него образных, чувственных ассоциаций, используя при этом такие эмоциональные состояния, как страх, ненависть, стремление к удовольствию. Сегодня буржуазные психологи тщательно изучают силу воздействия средств массовой информации на сознание масс. Активно применяются механизмы внушения. Используются различные способы воздействия на формирование социальных потребностей.

Хотя объективно потребности людей определяются их бытием, это не значит, что они всегда отражаются в сознании прямо, адекватно, что люди сами всегда правильно осознают их. Применяя мощные средства воздействия на людей, можно попытаться направить формирование потребностей в определенное русло, подменить коренные, истинные потребности личности своего рода эрзац-потребностями.

Так, потребности в коренном изменении социальных отношений могут быть заменены другими потребностями, скажем в области потребления или досуга. Средством для этого выступает психологическая манипуляция, отделение в сознании трудящихся потребительских потребностей от породивших их производственных отношений и концентрация интересов на потреблении, стремлении к удоволь-

ствиям, развлечениям. Возможность подобной манипуляции заложена и в структуре самой социальной потребности. С одной стороны, потребности человека определяются в конечном счете его объективным положением в системе производственных отношений, с другой — субъективным осознанием этих потребностей. Субъективное может не совпадать с объективным, социальным. Именно здесь сосредоточивают свои усилия буржуазные идеологи, стремясь разорвать органическую связь между указанными сторонами.

Посредством манипуляции сознанием коренные требования трудящихся могут быть сведены к участию их в усовершенствовании системы своей собственной эксплуатации, к индивидуальному достижению того или иного потребительского стандарта. Против такого «участия» в управлении производством не возражает и наш старый знакомый Дитмар Рашке, он даже ратует за него. Ибо, ничего не меняя по существу, оно создает видимость демократизации капитализма.

Тут возникает одно существенное «но»: возможность психологической манипуляции, подсовывание ложных потребностей и интересов может осуществляться не всегда, а только при определенных условиях. Многие тут зависят и от уровня общей культуры человека. Вот почему главное внимание буржуазная пропаганда обращает сегодня на «культурную» обработку масс с помощью средств «массовой культуры».

В общих чертах об этом уже говорилось выше. Представляют интерес и конкретные способы такой обработки.

«КОНТРЕКС» КОНТРАТАКУЕТ

Одна из основных целей «массовой культуры» состоит в том, чтобы подменить в сознании людей реальные ценности символическими. Как это осуществляется на практике, хорошо видно на примере рекламы, механизмы которой сегодня досконально исследованы в сотнях книг и статей. Можно согласиться с директором Бельгийского национального центра социологии Франком Говерте в том, что суть любой рекламы состоит в создании модели предлагаемого товара, представляющей «отношение между реальным объектом (товаром) и его символическим обозначением (знаком)». В свою очередь, «символ должен привлечь потенциального потребителя тем, что он отражает в его психике систему привычных для него ценностей». Желание более активно включиться в роль, предписываемую ему принятой им системой ценностей, заставляет человека купить товар, символ которого совпадает с этой системой ценностей, служит как бы условным знаком для ее воспроизведения в памяти, в сознании. Следовательно, реклама вырабатывает ту или иную модель мотивации поведения, действия человека с учетом социальных, экономических, культурных условий его жизни, то есть с учетом его конкретных интересов. В этом нет ничего

плохого, однако механизм рекламы способен выпячивать и усиливать одни интересы и гасить, притуплять другие. И здесь заложена объективная возможность управления и контроля над тем, какие потребности и как формировать, к чему пробуждать интерес.

Выбирая символы товара, отражающие ту или иную социальную ситуацию, реклама приучает потребителя молниеносно реагировать на заданный символ — марку товара — и покупать его. Такова основная экономическая цель рекламы. Но здесь существует и обратная психологическая связь. Покупая определенный товар, потребитель также автоматически воспроизводит в своем сознании социальные условия и нормы поведения, которые послужили моделью для символа этого товара. Как результат, символ товара воспроизводит и систему тех или иных социальных ценностей. Для большей наглядности приведу такой пример: вырабатывая, скажем, символы для молодежи, буржуазная реклама использует такую социальную ценность, как сама молодость, лучшая пора жизни. И помогает как бы продлить эту пору, идентифицируя ее с определенными предметами потребления. Но молодость, в свою очередь, ассоциируется в сознании с динамикой, подвижностью, обновлением. Предметы молодежного потребления отождествляются со всем новым, а значит, и с прогрессивным. Здесь заложена возможность социально-политического обмана, спекуляции на этих ценностях. К тому же символы молодости, отождествленные с прогрессом и повторенные в бесчисленных вариантах, приучают потребителя к самому акту

потребления, как к высшей социальной ценности. В результате мощный заряд молодой энергии разряжается и размельчается в активном приобретении тысячи мелочей и новшеств, предлагаемых рекламой. И самоуважение, удовлетворенность своей жизненной ролью утверждается не в процессе социального становления личности, ее активного, деятельного приобщения к жизни общества, а в процессе приобретения стандартизированного набора товаров, указанного рекламой. Таким образом, социальные ценности связываются с актом потребительства, а социальный успех — с ролью потребителя. Такая психологическая манипуляция помогает не только продать товар, но и создать миф, в котором молодость и красота прямо пропорциональны социальной значимости.

Сама технология рекламы примитивна. Образ молодости, к примеру, привязывается к определенному предмету. Фирма «Контрекс» изображает на бутылках с минеральной водой тонкую лиану, сопровождая ее ремаркой «Контрекс контратакует», то есть атакует излишнюю полноту, которая ассоциируется со старением, и помогает сохранить изящество линий, признак молодости.

Однако купить тот или иной предмет молодости и закрепить тем самым свое место в обществе можно, только имея деньги. Французский банк «Лионский кредит» — тут как тут. Он приобщается к рекламному хору: «Лионский кредит» видит вас уже покинувшими маму с папой!» И обращается к молодым людям с призывом не задерживаться и открыть пусть еще незначительный, но,

главное, свой *собственный* текущий счет в банке. Ибо это поможет «сохранить молодость в зрелом возрасте». То есть опять-таки поможет купить «молодые» товары. И вот уже банк становится в глазах молодежи ее ценностью. Вот так с помощью продуманной рекламы осуществляется скрытая психологическая операция поддержки существующей социально-экономической системы.

В распространении «массовой культуры» действуют точно те же психологические механизмы, что и в рекламе, только здесь выступают не модели товаров, а модели литературы, музыки, живописи, досуга, кинозвезд.

Журналист из «Плэйбоя» Лоуренс Дитц решил выяснить, почему миллионы людей тратят миллионы долларов, франков, марок, лир, фунтов и проводят миллионы часов в темных кинозалах, переживая приключения героинь, изображаемых Мэрилин Монро, Софи Лорен, Брижитт Бордо. Поразмыслив, он пришел к выводу, что разум тут ни при чем и что искать логический ответ на поставленный вопрос — пустая трата времени.

В 1967 году на экранах многих стран Запада демонстрировался фильм «Миллион лет до нашей эры». Там впервые дебютировала актриса Рэкел Велш. Сама по себе картина не представляла собой ничего интересного. К тому же героиня за весь фильм произнесла одно-два слова. И все же фильм явился событием. Благодаря образу Рэкел Велш. Наверное, слова и интересный сюжет были бы только помехой. Фото актрисы опубликовали сразу более 2000 иллюстрированных журналов.

Образ актрисы заполнил эмоциональный вакуум миллионов зрителей и читателей, стал для них эталоном женственности и красоты. С тех пор и по сегодняшний день Рэкел Велш остается «Секс-символом № 1», несмотря на то что за прошедшие 15 лет она несколько изменилась. Природа бесчувственна: она щедро награждает и безжалостно отнимает. Красота женская недолговечна, а вот «секс-символ», созданный «масс-медиа», останется надолго. И сегодня образ Рэкел Велш не потерял ни грана от модели образца 1967 года.

За эти годы актриса сыграла много ролей. Из куклы-манекена превратилась в талантливую исполнительницу, создавшую ряд интересных характеров и образов. Идеалом своим считает актрису Кэтрин Хепберн, сама с успехом выступила в жанре комедии в фильме «Три мушкетера». Рэкел Велш относится к своей профессии очень серьезно. Для того чтобы сыграть во французском фильме «Зверь» без дубляжа, выучила французский язык. Став звездой, она позволила себе роскошь отказаться от многих завидных, с коммерческой точки зрения, предложений кинопродюсеров. Главным образом от тех, где ей предлагали стереотипные роли секс-символа. Она борется всеми силами против этого символа, ставшего ее тенью, а точнее, тенью которого стала она сама. Актриса хочет показать всем, что она такая же женщина, как и другие, что она занимается гимнастикой йогов, бегают, чтобы сохранить форму, любит сама готовить. Иногда жалеет, что не родилась в какой-нибудь заброшенной деревеньке на Кипре, где ее не

смогли бы найти ловцы символов. Однажды она воскликнула: «Я вовсе не такая, как в «Миллионе лет до нашей эры», я не хочу, чтобы на меня вешали этикетки!»

Все напрасно. Слишком неравны силы. Что может женщина, даже всемирно известная, против воли всесильного Голливуда, мощных издательских фирм, телевидения, рекламы. Сама Рэкел Велш их не волнует. Их интересует ее псевдообраз, приносящий баснословные доходы и обволакивающий сознание обывателя.

«Секс-символ № 1», а вместе с ним десятки и сотни прочих символов «Made in USA» продолжают победоносное наступление на сознание американцев, англичан, итальянцев, французов... Не случайно в последнее время все больше думающих людей высказывают беспокойство по поводу «атлантизации» западноевропейской культуры.

Выступая в парижской «Монд», председатель клуба «Голлизм и перспективы» Доминик Галле заявил, что Франция испытывает подлинную культурную колонизацию со стороны Соединенных Штатов, которые навязывают ей через экраны кино и телевидения нескончаемую продукцию шоу-бизнеса. Галле указывает две причины подобной колонизации. Во-первых, активное и все возрастающее внедрение американских капиталов в различные отрасли национальной культуры западноевропейских стран: кино, крупные газеты и журналы, издательские фирмы. Во-вторых, политика поощрения культурной колонизации со стороны самих руководителей этих стран, которые считают подобную

американизацию национальной культуры «идеологически полезной». И в подтверждение этого Галле приводит слова Жана Филиппа Лека, бывшего в то время министром коммуникаций и культуры Франции: «Я рассматриваю себя послом американской культуры во Франции».

Статья Доминика Галле была опубликована в газете «Монд» 10 ноября 1979 года. А уже 20 ноября Жан Филипп Лека собрал пресс-конференцию, где заявил журналистам, что в культурном бюджете на 1980 год главное внимание уделяется защите и развитию национального культурного наследия. И уточнил, что на эти цели выделен 1 миллиард франков. Что это? Опровержение обвинения в активном попустительстве распространению заокеанской культуры? Или подтверждение такого обвинения, попытка замаскировать очевидное? И потом, что такое миллиард франков, если иметь в виду, что за 1978 год французское телевидение заработало только рекламными объявлениями более 2 миллиардов франков. Если ежегодно только для молодежи Франции продается более 300 миллионов экземпляров журналов и изданий рисованной литературы, а это составляет оборот капитала более чем в полмиллиарда франков. Если сюда приплюсовать бесчисленные американские комиксы, шоу-бизнес вообще, то указанная цифра возрастет до многих десятков миллиардов.

Вряд ли при этом стоит уж слишком обвинять политиков Запада в чрезмерной «любви» к американской рисованной литературе или пустым детективам и вестернам. Источ-

ники такой «любви» имеют не национальный, а идеологический, классовый характер. «Массовая культура» «Made in USA» в техническом отношении наиболее мощная из всех прочих западных культур и психологически наиболее отточенная. Поэтому идеологическое воздействие ее на массовое сознание наиболее эффективно.

Еще в начале 70-х годов Збигнев Бжезинский выдвинул концепцию «нового планетарного сознания», которое «преодолевают раздробленные традиционные культуры, укоренившиеся на национальных почвах». Таким путем, по мнению Бжезинского, возникнет «мировой эталон сознания со своей особой структурой». А базироваться это новое сознание должно на «социальном консенсусе и гармонии». Оно выработает, в свою очередь, новую «культуру технотронного общества».

Понятие «новой культуры» явилось отражением тех перемен, которые произошли в западной социальной философии в начале 70-х годов. В эти годы место не оправдавшей себя теории «общества всеобщего благоденствия» начали занимать концепции, провозгласившие приоритет качественных показателей образа жизни над количественными, причем «качество жизни» нередко трактовалось как производное от прогресса средств массовой коммуникации. Во французской «Монд» можно было прочесть следующую сентенцию: «Мы стоим на пороге нового общества. Общество продуктивности — это вчерашний день. Общество потребления — это сегодня. Завтра наступит апогей общества коммуникаций».

В концепции Бжезинского психология и культура определяются уровнем развития технологии и электроники. А следовательно, выработать новый эталон сознания предстоит тому, чья технология и электроника наиболее развиты. И Бжезинский ставит точку над «і»: «В настоящее время американское общество оказывает самое большое влияние на прочие государства, оно подталкивает их к модификации национальных обычаев. Это определяется тем, что Соединенные Штаты идут впереди других в области коммуникаций, американский потенциал составляет 65 процентов всех мировых средств коммуникации... Впервые в истории знания могут быть распространены в масштабах всей планеты. И в кратчайшие сроки».

Безусловно, без телефонов, радио, телевидения трудно представить себе современный мир. Нельзя отрицать роль средств массовой информации и в популяризации знаний. Более того, телевидение, например,— это не только достижение научно-технического прогресса, не только техническая новинка, но и шаг вперед в искусстве, открывающий простор для творческого освоения его художественных возможностей. Но, предполагая пассивное восприятие информации, знаний, облегчая его, делая его общедоступным (здесь, дома, сидя в кресле, не прилагая никаких усилий), телевидение таит в себе и опасность. Опасность вытеснить такие менее «удобные» формы познания, как чтение, требующее более активного, более осмысленного, более избирательного усвоения. Несколько веков назад английский поэт Джон Мильтон гово-

рил, что «убить книгу — это почти то же, что убить человека», и что «тот, кто уничтожает книгу, убивает самый разум». Эти слова актуальны и сегодня. Может быть, даже более, чем прежде. Подсчитано, что за один час радио выдает в эфир примерно 9 тысяч слов, в то время как в процессе чтения средний читатель охватывает 27 тысяч слов в час. 20-минутная передача телевизионного журнала соответствует всего лишь трем колонкам газетного текста. Выходит, что нечитающие потребители информации постоянно и неуклонно обедняют свои знания. Кроме того, происходит не только количественное, но и качественное обеднение знаний. Замусоривание всех телевизионных каналов однотипными, тенденциозными передачами лишает зрителя возможности выбора, в то время как литература с ее веками накопленным богатством предоставляет широчайшие возможности для выбора.

«Главной целью философии «культурного ренессанса,— пишет уже упоминавшийся Ролан Лью,— остается разрушение политических, экономических и духовных тенденций, ведущих к осознанию массами действительных противоречий».

В роли интерпретаторов действительности выступает сплошь и рядом армия аниматоров. А миллионы зрителей и слушателей пишут аниматорам письма, звонят им по телефону, чтобы поделиться своими переживаниями, узнать, как поведет себя в дальнейшем любимый герой из полицейской серии или какой салат предпочитает к обеду их идол поп-музыки. Аниматоры отвечают. Упомянутый

Домиником Бри Жан-Филипп Аллен, который руководит школой аниматоров в 12-м округе Парижа, сам выступает в роли аниматора радиопрограммы «Европа-1». Свое профессиональное кредо он определил четко: «Чем больше говоришь глупостей, тем больше твой успех у слушателей».

За это платят. И платят действительно хорошо. В публикации журнала «Нувель обсерватор» «Факты и цифры, 1978 год» Пьер Дуглас свидетельствует: «За два часа ежедневных бредней и песенок приличный аниматор («приличный» — это тот, кто имеет хорошие контакты с публикой) зарабатывает до 30 тысяч франков в месяц, то есть столько же, сколько генеральный директор крупного промышленного предприятия. Если же он еще участвует в рекламных передачах, то его доходы удваиваются и утраиваются». Что касается крупных звезд жанра, таких, как Филипп Бувар, Мишель Дрюкер, Жан Мартен, Бернар Пивó, то их доходы даже трудно определить. Бывает, что они зарабатывают за один только уик-энд более 30 тысяч франков. Столько же, сколько рабочих, но только за год. Или африканский крестьянин — за 60 лет. Зарботки, которые не снились самым плодовитым авторам прошлого, таким, как Дюма-отец или Эжен Сю!

Кто же они, те благодетели, которые так щедро платят за распространение «массовой культуры»? На этот вопрос ответила в своей работе «Экономика информации» французский социолог Надин Тусэн. Это те же, кто продает «массовую культуру». Все та же старая истина: кто платит, тот заказывает музы-

ку. К тому же выводу пришла и группа социологов Гренобльского университета, анализовавших эту проблему в коллективном труде «Капитализм и культурная индустрия». «Идет ли речь о производстве стиральных машин или грампластинок,— пишут авторы,— процедура здесь одна и та же, продукция культуры превращается в такой же товар». Культурная индустрия на Западе давно превратилась в монополию нескольких крупных групп, тесно связанных с банковским капиталом. Причем интересы фирм, производящих промышленную и культурную продукцию, все больше переплетаются между собой, и не только в национальном, но и в интернациональном масштабе. Соответственно растет и размах дела. «Коммерсализация культуры,— заключают авторы книги,— имеет следствием все большую ее примитивизацию, нивелирование».

Под предлогом удовлетворения вкусов широкой публики ей преподносится культурный примитив, который постепенно и в самом деле влияет на культурные потребности. И вполне понятно, почему культурные затейники оплачиваются по ставкам директоров промышленных предприятий: и те и другие служат одному делу. Дитмар Рашке стремится максимально увеличить эксплуатацию рабочих, Доминик Бри — максимально отвлечь от этого их мысли. Отвлечь их от политики вообще. Аполитичному же человеку можно подсунуть любую политику.

«КРАСНЫЙ АРНАК»

Как и в прошлую ночь, меня разбудил гул авиационных моторов. С того берега Конго, из Киншасы. Надрывный и тяжелый. Казалось, гудел сам воздух. Стрелки на часах показывали два часа утра. Уснуть не удавалось. Я зажег лампу, раскрыл книжку, которую купил накануне в магазине. Привлекла яркая обложка с изображением куполов храма Василия Блаженного. Автор — Фрэнк Эванс, название «Красный арнак». Шпионская серия парижского издательства «Флев нуар», того же самого, что дает жизнь Сан-Антонио. Год издания — 1978-й.

Слово «арнак» переводится как «надувательство», или, точнее, как «подсовывание гнилого товара». По ходу повествования выясняется, что речь идет о коммунистической идеологии, которую Советский Союз пытается подсунуть Западу. С первых же строк читатель окунается в атмосферу «советской жизни». Текст перемежается русскими словечками, орфография которых, правда, жестоко перевернута. С помощью такого нехитрого психологического трюка Фрэнк Эванс, «знаток советской действительности», надеется убедить читателя в том, что ему можно верить. По сути, книга излагает все тот же набор ар-

гументов о «советской угрозе» в расчете на то, что обыватель проглотит его вместе с фабулой.

Теперь о самой фабуле. Советский Союз в строгом секрете готовит операцию под кодовым названием «Разложение» с целью вызвать в капиталистическом мире цепную реакцию революционных путчей. Первый удар нацелен на Ближний Восток, на Оман, маленькое государство на Аравийском полуострове. Почему туда? Да потому, что там Ормузский пролив, через который провозится около 60 процентов нефти, потребляемой капиталистическим миром. Стоит отрезать Запад от источников ближневосточной нефти, и наступит удушье его экономики. Все это автор серьезно рассказывает читателю. Он конечно же не говорит о том, что Оман наводнен американскими «экспертами», которые с согласия султана Кабуса превращают его в вотчину Соединенных Штатов и планируют создание там военных баз. Что автору до всех этих реалий, у него своя стереотипная схема насчет «советской угрозы». Американская угроза у него не запланирована.

— Петр, давай по улице Горького.

— Слушаюсь, товарищ полковник...

Полковник — это ответственный работник органов госбезопасности, а Петр — шофер, который везет его к месту работы.

А «по широкой авеню, застроенной мрачными зданиями, навстречу им толпами спешили пешеходы. Гремя прицепами, прошло несколько трамваев, везущих москвичей из-за города. Дворники монгольского типа не спеша заканчивали утренний туалет тротуаров... На

площади Большого театра их машине встрети-
лась пестрая колонна цирка, которая дви-
галась, сопровождаемая треском барабанов и
медным звоном труб... На платформе грузови-
ка соблазнительные кавказские женщины в
розовом трико без усталости воздвигали изящ-
ные пирамиды».

Одним словом, сплошной цирк. И чем
дальше, тем гуще... Машина проходит «сосно-
вую аллею» парка культуры имени Горького
и задерживается ненадолго у «огромного озе-
ра, где плавают черные лебеди». Читатель
узнает, что полковник очень любит это место,
где его мысль обретает «пьянящую удаль му-
жика, нахлестывающего посреди степей свою
лихую тройку, или, лучше, удаль космонавта,
скользящего на борту своего «Союза» по око-
лоземной орбите».

А еще читатель узнает, что больше всего
полковник любил слушать в ресторане «У Ре-
дискина» напевные мотивы «старых балалаек
Грузии».

И все же вершин эпического изложения
автор достигает в описании тайной вечера в
Кремле, где решается вопрос о начале опе-
рации «Разложение», которая в трехмесячный
срок должна повергнуть Запад в хаос и раз-
брод. Закрывая заседание, некий заместитель
министра черной металлургии вызывает ох-
ранника и, «тяжело стукнув кулаком по сто-
лу», приказывает:

— Дмитрий, принеси бочонок водки. Надо
выпить за наш успех!

Однако бочонок был выпит зря, ибо опера-
ции помешал бравый агент Z-003 из британ-
ской «Интеллидженс сервис», близнец агентов

007, OSS-117, SAS и других: «Короткая стрижка, квадратная челюсть, рост метр восемьдесят пять, стальная мускулатура». И, разумеется, высокоразвитый интеллект. Z-003 поступил на разведывательную службу по идейным убеждениям: «Он считал, что западный мир идет к закату по причине своего либерализма, что делает его легкой «добычей варваров».

К счастью для Запада, там еще не перевелись идейные агенты со стальной мускулатурой. После долгих политико-эротико-драматических перипетий Z-003 раскрывает заговор, который организовали в Омане подкупленные Москвой начальники местных наземных, воздушных и морских сил вкупе с местным руководителем службы внутренней безопасности и самим английским послом, главным агентом Москвы. Все они по ходу повествования разглагольствуют о мировом коммунизме, усыпляющем с помощью «хитрой» политики мирного сосуществования бдительность Запада. По классическим канонам хэппи-энда завершающую точку ставит агент Z-003. Он вызывает с военной базы английских командос-парашютистов, которые и подавляют путч.

В другое время я просто посмеялся бы над подобным бредом. Если бы не этот гул с того берега Конго. Вот уже несколько дней и ночей тяжелые американские «Локхиды-С-5» доставляли в столицу Заира Киншасу оружие, боеприпасы, горючее. Одновременно на юге, в провинции Шаба, высаживались отряды французского иностранного легиона и бельгийских парашютистов. И было все это не надуманным, а самым что ни на есть настоя-

щим. Западные державы еще раз решили поддержать режим Мобуту. Еще до высадки войск французские пилоты участвовали в рейдах «Миражей» заирских вооруженных сил против повстанцев. А чтобы их не опознали, они мазали лица черной краской.

Если верить заирскому радио, французские солдаты выполняли «гуманную» миссию «защиты жизни и имущества иностранных граждан от повстанцев, действующих по инструкциям Москвы и Гаваны». По заирскому телевидению показывали трупы и говорили о зверствах «советско-кубинских наемников». А также о стремлении Советского Союза «прибрат к рукам» богатые заирские залежи кобальта, золота, алмазов, меди, о «цепной идеологической экспансии» коммунизма в Африке и о многом другом. В том же духе.

Человеку, умеющему логически мыслить, опровергнуть подобное вранье было совсем не сложно. Для этого достаточно ознакомиться с фактами реальной жизни. С тем, например, что с благосклонного согласия режима Мобуту американский капитал прочно внедрился в добывающую, энергетическую и нефтяную индустрию Заира, британский — в сельское хозяйство, западногерманский — в лесную промышленность, французский — в перерабатывающую, японский — в разработку рудников, бельгийский — во внутреннюю и внешнюю торговлю страны. А также с тем, что баснословный рост прибылей мультинациональных монополий и обогащение их посредников в Заире сопровождается катастрофическим падением уровня жизни трудящихся Заира. На свою дневную зарплату сельскохозяй-

ственный рабочий-заирец едва может купить полкило хлеба. Это данные статистики. Но это очевидно и для простого наблюдателя, не знакомого со статистикой.

...На грязном заплыванном пароходике заирской речной компании я перебрался из Браззавиля в Киншасу. От берега до берега в этом месте около пяти километров. С конголезской стороны хорошо видны билдинги Киншасы, а с заирской — Браззавиль выглядит маленькой деревушкой. И вот я у подножия самого высокого здания заирской столицы — это центр по коммерческим операциям с заирскими бриллиантами. К подъезду то и дело подкатывают шикарные «роллс-ройсы» и «мерседесы», из которых выходят загорелые, спортивного вида американцы и европейцы, господа и дамы. И тут же на тротуаре сидят и полулежат убогие и нищие аборигены, просят милостыню, выставляя напоказ кто — изъеденные проказой руки, кто — обезображенные слоновой болезнью ноги. Блеск и нищета неокOLONиализма. В Конго такого не увидишь.

Достаточно сопоставить эти факты, чтобы понять, кому выгодно продление нынешнего заирского режима. И что «экспансия коммунизма» здесь абсолютно ни при чем.

Другое дело — обыватель, обработанный средствами массовой информации. Он привык жить эмоциями, внушаемыми ему телевизионными передачами, рисованной литературой и детективными романами. Взвинтить и запугать его «коммунистической угрозой» не представляет особого труда. Особенно когда за дело берутся такие асы детективного жан-

ра, как Жерар де Виллье, чьи романы о шпионаже, пропитанные духом ненависти ко всему прогрессивному, издаются по 4 миллиона экземпляров в год. В этой связи очень показательно, что его доставили в Заир в одном самолете с французскими парашютистами. Только действовал он не оружием, а пером, писал на сей раз репортажи для журнала «Пари-матч», в которых, как и в своих книжках, подсовывал читателю идеи расизма и антикоммунизма.

...В отличие от безответственных писателей-профессионалов Фрэнка Эванса и Жерара де Виллье, сэр Джон Аккет — профессионал-военный. Но тоже безответственный. А в части фантазии он, пожалуй, даже даст им серьезную фору. В свое время он командовал северной группировкой войск НАТО, а потом, отягощенный грузом накопленного опыта, решил обнародовать свои соображения по поводу «неизбежной агрессии коммунизма». Облек он их в форму книги, содержащей «подлинные» документы... третьей мировой войны. Он так и назвал ее: «Третья мировая война. 4—22 августа 1985 года». Видите, даже точную дату указал. Правда, тут он не совсем оригинален, тот же 1985 год как дату наиболее вероятной «агрессии» Советского Союза против Запада назвал в ноябре 1979 года на коллоквиуме в Париже и командующий вооруженными силами НАТО, а ныне — госсекретарь США Александр Хейг. Впрочем, это несколько не умаляет творческого воображения автора «Третьей мировой войны».

Итак, в ночь на 4 августа 1985 года без объявления войны Советский Союз и другие

страны Варшавского Договора начали боевые действия против Западной Европы. 6 мощных танковых соединений пересекли границу ФРГ и Австрии, и к вечеру глубина прорыва достигла от 150 до 200 километров. Наступление развивалось одновременно в направлении Гамбурга, Ганновера, Франкфурта, Штутгарта, Мюнхена и Вены. Моторизованные дивизии Польши и ГДР вторглись в Данию.

Утром 4 августа московское радио передало официальное коммюнике, в котором говорилось о том, что страны Варшавского Договора вынуждены пресечь пагубную политику западногерманских реваншистов, вновь насаждающих в стране нацизм и готовящихся к новому крестовому походу за мировое господство. И что только немедленный вооруженный отпор потенциальному агрессору, угрожающему делу прочного мира в Европе, способен привести неонацистов в чувство. Сэр Джон Аккет приводит коммюнике московского радио дословно. И еще он философствует: Танатос, инстинкт смерти, оказался сильнее Эроса, инстинкта жизни, люди в здравом рассудке выбрали путь самоубийства. И фантазирует (фантазия в фантазии): можно ожидать, что республики Средней Азии, в которых сильна религиозная идеология мусульманства, восстанут против России.

И так далее в том же духе. Все это я излагал по рекламной полосе издательства «Бельфон», помещенной в газете «Монд» за 7 сентября 1979 года. Сама эта полоса, включающая и «коммюнике московского радио», и «сводку военных действий», и философско-политические и прочие бредовые размышле-

ния сэра Джона, преподнесена читателю в виде первой страницы специального выпуска газеты «Монд» от 6 августа 1985 года. А еще здесь же помещена статья того же автора, приводящего «выкладки» о вооружениях Запада и Востока, из которых следует, что НАТО перед Варшавским Договором — это все равно, что маленькая Красная Шапочка перед злым Серым Волком, который только и грезит о том, как бы ее поскорее проглотить.

Характерно, что книга Джона Аккета появилась незадолго до сессии НАТО, где утверждался вопрос о размещении в странах Западной Европы ракет среднего радиуса действия, предназначенных для боевых действий против Советского Союза. Разумеется, и это преподносилось обывателю только как законное «противодействие» страшным ракетам Советов.

Нет предела изобретательности, с которой авторы пытаются все с ног перевернуть на голову, использовать малейшую возможность в любой области для дискредитации социализма и коммунизма. Вот книжица совсем другого рода, где на белый свет вытащен старый миф о коммунистах с рогами, бытовавший еще в 20-е годы. Книга «Маркс и сатана» выдержала за последние несколько лет четыре издания. Автор ее Ришар Вюрмбранд служит в евангелической организации, носящей имя «Церкви молчания», которая поставила себе задачу — «освободить человечество от сатанинского влияния коммунизма и марксизма».

Ришар Вюрмбранд, конечно, понимает,

что, прежде чем освободить, надо доказать, что такое сатанинское влияние существует. И он энергично взялся за это дело, начав с основоположника научного коммунизма Карла Маркса: «Маркс был признанным врагом всех богов. Он заключил сделку с Князем Тьмы и задался целью увлечь человечество в ад».

Ну насчет враждебного отношения Маркса ко всем богам доказательств не требуется, здесь все ясно. Увы, сожалеет Вюрмбранд, относительно сделки Маркса с сатаной у нас прямых доказательств нет, впрочем, подобные сделки всегда совершаются в глубоком секрете. Но есть косвенные. В одном из своих стихотворений «Бледная дева» Маркс писал, что он потерял небо, и душа его, принадлежавшая когда-то богу, отмечена ныне печатью ада. Ну чем не признание в сношениях с дьяволом? Правда, на таком же основании можно приписать сношения с нечистым любому, кто хоть раз сказал: черт меня возьми. Но это еще не все: дочь Маркса Элеонора вспоминала, что в детстве вместе с сестрами она слушала увлекательные сказки отца про колдунов. На вопрос дочери, каков его жизненный девиз, Маркс ответил: подвергать все сомнению. Ага, торжествует Вюрмбранд, а известно ли читателю, что, вступая в церковь сатаны, новички произносят заклинание: ничто не истинно! Тоже подвергают все сомнению. Известно, что приверженцы черной магии употребляют словесные инверсии и часто, например, берут себе библейские имена, но наизуворот. Сусии вместо Иисус, лотсопа Левап вместо апостола Павла. Маркс тоже лю-

бил инверсии: в ответ на книгу Прудона «Философия нищеты» он написал «Нищету философии», предлагал также «оружие критики» заменить «критикой оружием».

Что касается подрывной работы Маркса на предмет увлечения человечества в ад, то тут Ришар Вюрмбранд еще более категоричен. В «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» Маркс приводит слова из «Гамлета»: «Ты хорошо роешь, старый крот!» Но ведь крот — животное подземелья, а подземелье служит обителью... В той же работе Маркс цитирует Мефистофеля: «Все, что возникает, достойно гибели». Это ли не призыв в ад? А чего стоят слова Маркса о том, что насилие выступает повивальной бабкой истории? Сравните с проповедями всепрощающей любви у Христа...

Вероятно, автор «Маркса и сатаны» все же понимает, что вся его аргументация гроша ломаного не стоит, раз он сам заявляет: «Я сознаю, что мои аргументы не могут служить прямыми доказательствами». Поэтому для тех, кто еще сомневается, он выдвигает последний, «убийственный», аргумент: посмотрите на портрет Маркса, на его волосы, бороду, усы, ну не дьявол ли?!

И все же писал свою книгу Вюрмбранд не только и даже не столько, чтобы предать анафеме Маркса и его память, у него более дальний прицел — предать анафеме и очернить все современное коммунистическое движение. Он силится доказать читателю, а точнее, внушить ему (ибо нельзя доказать недоказуемое) то, что и последователи Маркса состоят на службе у сатаны: «Обычно коммунисты созда-

ют тайные организации, и по своей структуре само коммунистическое движение представляет замаскированную оккультную секту».

Аргументы и здесь того же достоинства. Ну вот, например: в советских школах изучают Дарвина, которого (и это известно всем) сатана использовал для того, чтобы «низвести человека, это законченное божье создание, до уровня обезьяны и отдать его во власть материализма, призывающего к удовлетворению утробы, а не духовных потребностей». Ришар Вюрмбранд признает, что западная молодежь интересуется марксизмом. Но, говорит он, она интересуется и оккультизмом. И делает вывод: следовательно, в марксизме ее привлекает оккультизм.

Я позволю себе не комментировать аргументы Ришара Вюрмбранда, в отличие от него, я уважаю своего читателя и не считаю его дурачком с разумом примата. Мне только хочется обратить внимание, насколько далеко зашел на Западе процесс оболванивания людей и насколько неразборчивой в средствах бывает буржуазная пропаганда.

Заканчивая свой опус, Ришар Вюрмбранд заметил, что он только поднял и заострил проблему связи марксизма с оккультизмом и призвал социологов продолжать исследования в этой области. Впрочем, подобный совет излишен, подобных «исследований» на Западе хоть пруд пруди.

В одной из своих книг американский специалист в области парапсихологии и телепатии Генри Грис рассказывает, что ученым удалось поставить на службу большевизму «страшные силы, дремлющие в тайниках че-

ловеческой психики». С помощью хорошо обученных медиумов-телепатов Советы обрабатывают общественное мнение, направляя его в выгодное коммунистам направление. Генри Грис уверяет читателя, что парапсихологические опыты уже были поставлены не только на советских гражданах, но и на иностранных дипломатах, которые под воздействием медиумов выдавали важнейшие тайны своих государств; на гроссмейстере Корчном, который из-за этого проиграл матч Карпову; на западных спортсменах, которые денно и нощно подвергались телепатической обработке в Олимпийской деревне, а затем спотыкались на гаревых дорожках. Телепатическое воздействие, говорит Грис, оказывается и с помощью миллионов дисков, сфабрикованных советскими музыкальными фирмами. Эти диски при прослушивании ничем не отличаются от обыкновенных: фольклор, варьете, джаз. На самом же деле в них заложена чудовищная программа, с помощью которой в мозги сотен тысяч людей вбиваются марксистские идеи. «Добавьте к этому,— продолжает Грис,— парапсихологические поиски в военной области. Я знаю, что в Ленинграде, Минске, Киеве, Харькове — и я забыл, где еще,— обучается армия военных гипнотизеров, которые могут воздействовать в деморализующем плане на войска противника, отстоящие от них на тысячи километров. Они это уже делают и сейчас». И заключает: «Парапсихологическая война уже началась!»

В этих бредовых рассуждениях содержится и серьезная идеологическая подоплека. Миф о «советской угрозе» и об «агрессивности

коммунизма» служит защитной реакцией капитала против идей марксизма-ленинизма. И родился этот миф не сегодня и не вчера, а более 60 лет назад. Точнее, после победы Великого Октября. Советская Россия в тот период была слабее объединенных сил буржуазии и в экономической, и в военной областях. Но в идейной борьбе превосходство было на стороне Страны Советов.

Идеи коммунизма подтачивали основы старого мира, разрушали освященные веками идеи частной собственности, классового господства, интеллектуальной и культурной иерархии. Овладевая массами, они превращались в материальную силу: останавливали погрузку кораблей оружием, предназначенным для борьбы против Советской власти, выливались в забастовки солидарности с русским пролетариатом, в восстания против местной буржуазии, в сбор денежных средств для голодающих России. А главное, эти идеи показывали всему миру, что народ способен сам без помощи капиталистов управлять экономикой, осуществлять внутреннюю и внешнюю политику. Сам и для себя! Для того чтобы оградить свои страны от влияния советских идей, им необходимо было срочно дискредитировать первую страну социализма. Так появился на свет миф о «советской угрозе». Он был очень многолик, этот миф, и включал в себя басни о том, что коммунисты жгут церкви, обобществляют женщин. Одним словом, представляют прямую угрозу цивилизованному миру. Но о том, что лидеры цивилизованного мира грозили уничтожить «младенца в колыбели», задушить советский

народ костлявой рукой голода, и не только грозили, но и активно действовали, чтобы уничтожить и задушить, об этом умалчивали.

Сегодня пугают оружием в руках коммунистов. Цель та же: ослабить силу примера реального социализма, скомпрометировать идеи коммунизма. А поскольку сдержать, не пропустить эти идеи невозможно, географические границы — не преграда для идей, — остается один путь: запугать. Запуганному можно внушить все. Мне самому доводилось нередко встречаться с такими запуганными. Один швейцарец как-то спросил, правда ли, что на советских заводах к каждому рабочему приставлен солдат с ружьем, чтобы тот выполнял пятилетний план? Ну что я мог ему ответить? Сказал, что сведения его устарели, что теперь около каждого рабочего стоят два солдата, и не с ружьями, а с пушкой, один заряжает, другой прицеливается. По-моему, он все-таки не поверил.

„ГЛАВНОЕ – ВЫРВАТЬСЯ
ИЗ ПОРОЧНОГО КРУГА:

МЕТРО – РАБОТА – ПОСТЕЛЬ –

МЕТРО – РАБОТА –

ПЕНСИЯ – КЛАДБИЩЕ.

УСПЕТЬ СОВЕРШИТЬ ЧТО-ТО СТОЯЩЕЕ,

СТАРЫЙ КРОТ ХОРОШО РОЕТ

НАЙТИ СВОЙ ЖИЗНЕННЫЙ ИНТЕРЕС.

ЭТО ОЧЕНЬ ТРУДНО СДЕЛАТЬ ИЗ-ЗА НЕХВАТКИ
ВРЕМЕНИ И ДЕНЕГ, НО ЧУВСТВУЮ, ЧТО ЭТО ВОЗМОЖНО”.

**«ЗАТКНИТЕ ГЛОТКУ
РУССКОМУ!» —
«ПУСТЬ ГОВОРИТ!»**

Говорят, обострение международной обстановки вызывает обильный приток золота в швейцарские банки. Не берусь судить, насколько это так, но в женевском бюро АПН для таких периодов существовала совершенно точная примета: рос обратный поток наших статей, репортажей, комментариев, которые в обычное время печатались в местных газетах и журналах. По несколько раз в день почтальон приносил ворохи пакетов с возвратом наших материалов. Причем вместо обычного «с сердечным приветом» сопроводительные бумажки заканчивались труднопереводимым на русский язык выражением, означавшим нечто вроде «с изысканным приветом».

Помню августовские дни 1968 года, чехословацкие события. Почти все время я проводил тогда у телекса, который непрерывно отстукивал сообщения из Москвы. К вечеру мы вдвоем с переводчицей бюро Рут Фишер, как Лаокоон с сыновьями, буквально утопали в петлях телексных лент. Остальные работники были в отпусках.

Я резал ленты, выбирал материал, отдавал Рут, которая его перепечатывала на машинке, проводя попутно стилистическое редактирование на французском и немецком языках. Потом я звонил в редакции газет, на радио, те-

левидение, получал корректные ответы с обещанием посмотреть статью или комментарий. Рут бежала на почту отправлять пакеты. Те самые, которые возвращались на следующий день.

Рут утешала: «Скажите спасибо, что еще шлют «изысканные приветы», а не бьют стекла, такое тоже бывало». Антисоветская истерия шла по восходящей линии, по радио даже обсуждалось, без тени юмора, в каких горных кантонах следует создавать заслон против советских танков, которые, мол, вот-вот перевалят через Карпаты и двинутся на родину «вечного нейтралитета». А слова правды никак не могли выйти за пределы дома 42 по улице Лозанны, где размещалось в то время бюро АПН.

Так продолжалось три дня и три ночи. На четвертое утро вместо бюро я отправился в парк Мон-Репо. Сел на скамейку у озера и обнаружил, что жизнь продолжается: на голубом небе сияет солнце, где-то играет оркестр, по водной глади скользят яхты, обыватели кормят лебедей. И что-то не похоже, чтобы они думали об укреплении горных кантонов...

Но я знал также, что накануне в Берне толпа вот таких обывателей осадила наше посольство. Полиция, правда, оказалась на высоте: никаких инцидентов не произошло. И тем не менее взбудораженная орава дала выход своей нерастраченной энергии, побила стекла в посольстве ФРГ, здание которого стоит перед нашим.

Я вернулся в бюро и, не входя в телексную, взялся за телефон. Набрал цюрихский

номер своего приятеля Альфонса Матта, известного обозревателя швейцарского телевидения, мы с ним познакомились еще в Москве. Трубку снял он сам, узнал меня, приветливо гаркнул:

— Са ва, как дела?

— Честно? Паршиво.

— Что так?

— Гибель иллюзий. До сих пор я считал, что Швейцария — нейтральная страна, а швейцарцы — объективные люди. А выходит, что все не так. Идет сплошная антисоветчина, а нам рта не дают раскрыть...

На следующий день звонок:

— Хочешь выступить по телевидению? Я веду «круглый стол». Дирекция согласна. Так что готовься и приезжай в Цюрих. Передача будет транслироваться также на ФРГ и Австрию. Только учти, говорить надо по-немецки. Сможешь?

Объясняться на немецком в магазине или ресторане — еще куда ни шло, но по телевидению да еще с выходом на ФРГ и Австрию? Тем не менее я ответил, что постараюсь подучить немецкий, как-никак еще четыре дня впереди.

Положил трубку — и к телексу. Отбил в Москву телеграмму: есть возможность выступить по телевидению и так далее. Прошу АПН прислать журналиста с хорошим немецким языком. В те годы председателем правления АПН был Борис Сергеевич Бурков. Я полагал, что, соглашаясь на выступление в сложной обстановке, поступаю правильно, о чем твердо сказал своему председателю. А председатель, со своей стороны, оказал до-

верие журналисту и взял на себя ответственность за предстоящую акцию. Доверие — великая вещь, к сожалению, эта черта свойственна не всякому характеру.

Я в свою очередь доверился Альфонсу Матту, который должен был вести «круглый стол». Конечно, я понимал, что в плане идеологическом мы с ним находимся по разные стороны баррикады, но и по ту сторону имеется немало людей по-человечески порядочных. А. Матт дал мне слово, что предоставит советскому участнику телевизионной дискуссии полностью высказать все, что тот считает нужным сказать, и я был убежден, что он сдержит свое слово. Даже если в связи с этим у него возникнут неприятности. А. Матт выполнил нашу договоренность, чем навлек на себя недовольство в определенных политических кругах. Да и позднее его человеческая добросовестность принесла ему немало неприятностей, его дважды увольняли с работы. Но, насколько мне известно, он остался верен себе, своему доброму журналистскому имени и репутации честного человека.

О том, как прошел тот «круглый стол» и какой резонанс он вызвал (вместо часа передача шла полтора часа, в студии беспрерывно трещали телефоны: «Заткните глотку русскому!», «Молодцы, что дали слово советскому. Пусть говорит!», потом запись передачи была повторена еще дважды по швейцарскому телевидению), подробно рассказал в «Журналисте» Владимир Ломейко, который и был командирован из Москвы для участия в «круглом столе». Тот самый, с которым мы наблюдали в Барселоне театральный разъезд.

У меня есть папка с письмами швейцарцев, присланными в студию телевидения по горячим следам той дискуссии. Вот тогда-то, читая эти письма, я осознал по-настоящему, насколько превратны представления западного человека о советской действительности и как глубоко укоренились в его сознании и подсознании стереотипы антикоммунизма. В этих письмах содержался весь набор таких стереотипов. Из них я узнал, что советские люди «ненавидят» народы других стран, что их мышление от природы «твердолобо» и «негибко», и в то же время они сами «диалектически гибки и изворотливы», что у них «тонко организованный макиавеллевский ум», что они «беспощадны» и «жестоки, как русская зима» и что их в детстве «пеленают по рукам и ногам так, чтобы с грудного возраста они были лишены свободы». И многое другое в том же духе. Правда, справедливости ради следует сказать, что те же самые стереотипные измышления шли навалом и в официальной прессе. У меня хранятся вырезки статей из многих швейцарских газет, которые давали обильную пищу для самых диких антисоветских измышлений.

Позже Альфонс Матт показал мне письма, полученные лично им. В одних его обвиняли в том, что «коммунисты ему хорошо заплатили». В других — угрожали физической расправой за то, что он дал слово «русскому пропагандисту». Я читал их и диву давался: до чего же захламлины головы людей.

Однако были и другие письма, их, правда, меньше, из которых можно заключить, что далеко не все принимают на веру то, что пи-

шется в официальной прессе. Были и такие, которые пытались сами разобраться в истинном положении вещей. Они сопоставляли информацию и часто приходили к логическим выводам, не совпадающим с общими настроениями. Студентка из Цюриха писала, что ей надоело находиться в плену идеологических догматов, что она пытается все обдумать и взвесить сама, а потому искренне приветствует обмен мнениями, дающий основу для размышления. Рабочий из Базеля благодарил А. Матта за организацию телепередачи «круглого стола» и оценил ее как лучшую политическую передачу швейцарского телевидения за многие месяцы. Служащий из Берна считал, что в полемике между русским коммунистом Владимиром Ломейко и швейцарским журналистом Ульрихом Кэгги победа осталась на стороне первого. Ибо он показал себя убежденным в правоте своего дела. А Кэгги выглядел «злобным и беспринципным филистером, запуганным Будапештом и Прагой». По его же мнению, другой участник телевизионной дискуссии, Веселы, бывший заместитель главного редактора пражского журнала «Литерарны листы», убежавший из Чехословакии, «подменял аргументы эмоциями и ничего толкового противопоставить обвинению в измене делу социализма не мог».

Любопытная вещь: тогда в Цюрихе общая реакция на телевизионную дискуссию оставила у меня тяжелое впечатление. Повторяю, я не представлял себе до этого масштабов антикоммунистической истерии, царящей на Западе. И того, насколько можно извратить общественное мнение. А потом, перечитывая

в спокойной обстановке прессу и письма того периода, я все больше склонялся к оптимизму. Цюрихская газета «Нее пресе» от 3 сентября 1968 года подсчитала, что за 90 минут передачи «круглого стола» в телевизионной студии было зарегистрировано 80 телефонных звонков. 60 из них содержали протест против выступления советского журналиста, 20 — одобрение. Иначе говоря, в условиях разнузданной антисоветской свистопляски, поддерживаемой всей мощью господствующей печати, радио, телевидения, 25 процентов зрителей не потеряли способности здраво мыслить, искренне пытались разобраться в сути дела, хотели узнать истинные факты, выслушать всестороннюю аргументацию и не позволили заглушить голос разума.

Все дело в этом: в желании или нежелании разобраться в фактах. Что в конечном счете зависит от культуры человека, от его потребности в познании истины.

Телевизионная дискуссия в Цюрихе припомнилась мне особенно остро в начале 1980 года в период афганских событий. У всех свежа в памяти мощная пропагандистская антисоветская кампания, которая развернулась вокруг этого. В то время я работал в Народной Республике Конго и был свидетелем того, как по каналам заирского радио и телевидения лились потоки антисоветской клеветы и грязи. Еще совсем недавно французских и бельгийских парашютистов, раскрывавших свои зловещие зонтики в выпцветшем небе Шабы, те же радио и телевидение изображали ангелами-спасителями, еще бы, приглашенные диктатором Мобуту, они спасали его режим.

Советские воины, пришедшие на помощь афганской революции по просьбе афганских революционеров, изображались, конечно, дьяволами-завоевателями. Продающаяся в киосках Браззавиля французская газета «Монд», любящая именовать себя самым объективным органом информации Запада, тоже лила на нас грязь. И надо сказать, что те, кто не были хорошо знакомы с сутью вопроса, вновь попались на удочку западных пропагандистов. Многие конголезцы в беседах со мной приводили слово в слово доводы западной пропаганды. И требовали разъяснить им причины «советской интервенции» в Афганистане. Я спрашивал у таких: почему же они в свое время не протестовали против кубинского присутствия в Анголе, насколько мне известно, даже приветствовали его с энтузиазмом. Мои собеседники, которые досконально знали об ангольской эпопее (ведь Ангола граничит с Конго), искренне возмущались моим вопросом и объясняли мне, что Агостиньо Нето просил кубинцев о братской помощи, чтобы дать отпор бандам Холдена Роберто и спасти ангольскую революцию.

Ну, а в Афганистане? Я спрашивал своих собеседников, как они относятся к бандам Абдаллы-хана и Абдула Хусейна? Они в ответ пожимали плечами: кто такие, не слышали о них... И когда знакомились с деталями, смущенно разводили руками: нам задурили голову. Но опять-таки задурить голову можно человеку, не взявшему еще в привычку критически сопоставлять декларации с фактами. На что и делает основную ставку западная пропаганда.

И все же дурить людям голову становится с каждым днем все труднее, люди умнеют.

И тут я снова хочу вернуться к проблеме «вкусов» читателя, зрителя, слушателя. В одну из апрельских пятниц 1978 года первая программа французского телевидения вынуждена была отменить по техническим причинам популярную передачу «Театр в этот вечер» и заменила ее концертом, Девятой симфонией Бетховена. Студия ждала упреков от телезрителей, привыкших к своему еженедельному театральному спектаклю, однако их не последовало. Совсем напротив, публика одобрила замену. Она с энтузиазмом приняла затем Пятую и Седьмую симфонии Бетховена, «Травиату» и «Севильского цирюльника». Это привело в серьезное замешательство социологов, которые были убеждены в том, что «массовая культура» давно уже убила в людях хороший вкус. Начали изучать подобное явление и обнаружили очень любопытные вещи. Обратили внимание на тревожные процессы, происходящие с массовой бульварной прессой, которая делает свой бизнес на адюльтерных историях, смаковании убийств и насилий, светской хронике. Крупнейшая из таких газет парижская «Франс-суар» за последние годы потеряла более половины читателей, ее тираж упал с 1 миллиона 200 тысяч до чуть более 500 тысяч экземпляров. Этого, правда, еще недостаточно, чтобы газета прогорела, но вполне достаточно, чтобы она начала испытывать серьезные затруднения. То же самое относится и к другим колоссам желтой прессы: «Паризьен либере», «Ну де» и другим. Конкуренция со стороны телевидения? Этот воп-

рос возник сразу, но оказалось, что нет, телевидение само испытывает определенную депрессию, пока еще не столь значительную, как пресса, но тем не менее весьма показательную. В 1978 году, по данным сенатора Анри Кайяве, выручка от продажи телевизоров во Франции упала на 120 миллионов франков, а индекс просмотра телевизионных передач — на 4 процента. Еще большее удивление вызвали результаты изучения популярности телевизионных программ. В 1979 году социологи провели ряд сравнительных анализов передач, имевших успех у зрителей. Так, в один день по трем каналам французского телевидения были показаны одновременно футбольный матч, художественный фильм и научная программа. Результат опроверг все ожидания: футбол предпочли 46 процентов телезрителей, фильм — 6 и научную передачу — 48 процентов.

В сентябре 1978 года Институт общественного мнения Луи Ариса опросил 2 тысячи французов, представляющих самые различные социальные группы и профессии, с целью выяснить, что читают во Франции. Подобные опросы, проведенные в начале 70-х годов, показали, что число читателей постоянно уменьшалось и читали они в основной своей массе бульварную литературу. Опрос 1978 года дал, по словам его авторов из института Луи Ариса, «потрясающие результаты»: за последние годы число читающих французов выросло на 15 процентов. Впрочем, рост интереса к книге замечен и без специальных исследований. По самым оптимистичным прогнозам специалистов, ожидалось, что библиотека нового па-

рижского культурного центра Бобур будет принимать до 4 тысяч читателей в день. На самом деле ежедневная посещаемость ее составляет от 8 до 15 тысяч человек, в основном молодежи. Рост интереса к книге выходит далеко за пределы Парижа, многие провинциальные коммуны требуют открытия местных библиотечных залов. Такие же требования раздаются и на крупных промышленных предприятиях, рабочие хотят читать.

На вопрос: «Читали ли Вы за последние три месяца хоть одну книгу?» — 57 процентов ответили положительно, 43 — отрицательно. В 1960 году этот же вопрос дал соответственно 42 и 58 процентов. Рост читателей происходит, согласно анализу, не за счет тех, кто всегда много читал (22 процента), и тех, кто вообще не читал и раньше (33 процента), а за счет тех, кто мало читал, прежде всего за счет средних слоев, то есть тех, кто, по традиционному убеждению, больше всего подвержен пагубному воздействию со стороны «массовой культуры». Это-то, главным образом, и вызвало удивление авторов анкеты.

Конечно, у советского читателя названные цифры могут вызвать ироническую улыбку, — что они в сравнении с десятками миллионов наших библиофилов, однако для Франции они представляют серьезный прогресс, и эпитет «потрясающие» в применении к результатам опроса, проведенного институтом Луи Ариса, не лишен основания. Но еще более потрясающими, в том числе и для меня лично, оказались результаты качественного анализа читаемой литературы. По жанрам первое место прочно занял серьезный роман, второе — историче-

ская и мемуарная литература. И только третье — полицейские и шпионские серии. А рисованная литература оказалась на седьмом месте. Правда, здесь оценивались вкусы всех возрастных групп, молодежные группы, вероятно, дали бы другие процентные пропорции. Что касается конкретных авторов, то 69 процентов опрошенных отдали предпочтение Бальзаку против 47 процентов, предпочитающих Сан-Антонио, 45 процентов — Гошини (популярного автора произведений рисованной литературы) и 24 процентов — Жерара де Виллье (эротико-шпионская литература). Названные цифры в сумме превышают 100 процентов, так как опрашиваемые часто давали по два ответа сразу. Это, однако, никак не меняет общих тенденций, которые посрамили заявление Фредерика Дара насчет века мультипликационных героев и литературы вокзальных киосков.

Подытоживая эти тенденции, уже упоминавшийся журналист-социолог Морис Маскино писал: «Значит, телевидение, радио, пресса могут быть уже сегодня поставлены на службу интеллекту и таланту? Да, это возможно, публика к этому готова. Но этого не хотят ни наши власти, которые боятся сознательных граждан, ни хозяева экономики и банков, которые стремятся сохранить социальный и политический статус-кво, обеспечивающий им колоссальные денежные прибыли».

Буржуазная культура вовсе не идет навстречу вкусам широких масс, как это часто пытаются представить, а стремится привить им вкусы, отвечающие интересам монополий.

И речь сегодня может идти не о том, способны массы или нет воспринять высокую культуру, а о том, способна ли идеология господствующего класса отвлечь их от стихийной тяги к этой культуре. Ответ на поставленный вопрос должен определить отношение и к другой социально-политической проблеме: способны монополии или нет устранить классовую борьбу и интегрировать трудящихся в систему капитализма? Оба эти вопроса связаны самым непосредственным образом, и ответ на них может быть вполне однозначным: не могут, не способны. Иначе следовало бы признать, что можно убить и разум вообще. Но разум, как отмечал М. Горький, — начало активное, имеющее тенденцию к бесконечному росту. И кто бы и как бы его ни сдерживал, он в конечном счете разрушает препятствия, воздвигаемые на его пути.

Пусть не так быстро, как хотелось бы, но новое сознание пробивает себе дорогу. И зреет оно на почве самой западной действительности.

Само развитие современного производства, все более совершенная техника требуют от трудящихся ума и смекалки, это объективно необходимый процесс. Но ум невозможно втиснуть только в рамки технологических манипуляций, мыслящий человек неизбежно задумывается не только над процессами производства, но и над своим реальным положением в этом производстве. Начав же думать, он неизбежно начинает искать выход из такого положения.

Поиски эти бывают часто непоследовательными, сумбурными, но так уж устроен че-

ловек, что доходит он до всего на собственном опыте. Чужой пример, уроки истории играют тоже свою роль, но все это преломляется через его собственную жизнь.

О ВКУСАХ СПОРЯТ

Приведу выдержки еще из одного очень интересного опроса, осуществленного Институтом общественного мнения Франции в конце 1976 года. Ответы на 76 вопросов, предложенных мужчинам, женщинам, рабочим, крестьянам, ремесленникам, служащим, студентам, средним и высшим кадрам, дали картину широкой шкалы ценностей, которой придерживаются французы. И не только французы, с теми или иными нюансами эта шкала ценностей принимается населением и других стран Запада.

«Что означает для Вас понятие настоящей жизни?» Таков основной вопрос анкеты, вокруг которого вращались и все остальные. Ответы были самые различные: жизнь в деревне на лоне природы, обладание собственностью и деньгами, путешествия, творческий труд и другие. Но общим фоном для подавляющего большинства ответов, независимо от их содержания, было чувство неудовлетворенности настоящим.

«Главное — вырваться из порочного круга: метро — работа — постель — метро — работа — пенсия — кладбище. Успеть совершить что-то стоящее, найти свой жизненный интерес. Это очень трудно сделать из-за нехватки времени и денег, но чувствую, что это возможно» (Жан-Клод Б.). Анна П. полагает, что она прорвала этот порочный круг, создав себе свою модель: работа — путешествие — работа — путешествие. Работа дает деньги, на деньги можно путешествовать. Путешествие для нее — это возможность уйти от скучной действительности, встретиться с новым, отвлечься от рутины в экзотических впечатлениях: «Мне 22 года, и конечно же я понимаю, что со временем мне придется отказаться от такой жизни-сандвича: «работа — путешествие», и я над этим нередко задумываюсь. Но не сожалею о сделанном выборе, так как вижу, что добиться прочного положения в этой жизни почти невозможно. Мои товарищи, которые продолжали после окончания школы учебу в высших учебных заведениях, даже очень способные, сейчас почти все мыкаются без работы или тянут лямку, не дающую ни материального, ни морального удовлетворения. Уже не говоря о том, что они превратились в специализированных роботов, духовные горизонты которых ограничены зарплатой. Сейчас стало такой редкостью встретить кого-нибудь, кто любит свою работу! Гораздо проще постараться полюбить то, что делаешь, чем делать то, что любишь. Большинство не живет, а существует. Я и решила, что лучше существовать, бродяжничая и меняя работу, чем сидя прикованной к месту». А 19-летний

столяр из Сен-Кантена пишет: «Моя мечта — путешествие вокруг света. Но такое длинное и долгое, чтобы я смог начисто забыть эту Францию!..» Некоторые мечтают скопить за год работы денег и в течение нескольких отпускных дней пожить «настоящей жизнью» — на берегу моря, в шикарном отеле, — как рекомендуют туристские рекламы. А потом, долгими зимними вечерами, устав от монотонной дневной работы, пересматривать — в который раз! — фото, сделанные летом, и мечтать о будущих нескольких днях «настоящей жизни». Молодая учительница Колетт Б. замечает, что подобные мечты о «настоящей жизни» полностью вписываются в рамки «общества потребления», основанного на законах купли-продажи. «Туризм стал таким же рыночным товаром, как и любой другой. Он также зависит от игры спроса и предложения. Рабочий или мелкий служащий, которые в течение года пребывают в полной зависимости от хозяев, став туристами, хотят быть, пусть всего несколько дней, клиентами-королями. Случается, что такой трудящийся-клиент-король в течение одного вечера тратит за сервис всю свою зарплату, зато в этот вечер он как бы берет реванш у жизни, занимая место хозяина и символически изменяя тем самым установившийся социальный порядок. А крупные туристские фирмы через своих штатных аниматоров закрепляют у него эту иллюзию». Самой Колетт удалось путешествовать, не прибегая к помощи организованного туризма, она два года работала в Тропической Африке преподавательницей лицея и сохраняет по той поре чув-

ство настоящей ностальгии. Впрочем, и там свобода от уз меркантильной действительности была относительной. «Работая по программе кооперации, я все время чувствовала, что содействую формированию новой африканской элиты — мелких буржуа, паразитирующих на труде собственных братьев-крестьян. А поскольку я не желаю нести ответственность за «культурный неокOLONиализм», который стыдливо прикрывается вывеской помощи и кооперации, у меня не было другого выбора, как отказаться от продолжения работы в Африке. Хотя мне очень хотелось бы вновь вернуться туда».

Я остановился здесь столь подробно на проблеме путешествий, поскольку в шкале жизненных ценностей молодого поколения Франции она занимает одно из первых мест, если не первое. Согласно результатам опроса, каждый второй молодой француз видит смысл жизни именно в путешествиях, то есть в возможности ухода от привычной рутины. Есть и такие, кто обнаруживает смысл настоящей жизни в творческой реализации своих способностей. Их не столь много, всего 8 процентов опрошенных. Но вот что характерно: в большинстве ответов этой категории звучит нота протеста. Люди хотят жить по-другому и протестуют против образа жизни, подавляющего попытки творческой инициативы. Жаклин А. из города Экс-ан-Прованс пишет: «Настоящей жизнью я считаю моменты интенсивной деятельности, когда ты создаешь что-то полезное. Но такие моменты, увы, крайне редки. В основном жизнь течет машинально, в привычном русле давно установив-

шихся норм, в атмосфере тупого труда и ничемного досуга. Смутно я ощущаю, что обладаю потенциальными возможностями, ищущими выход для своего выражения. Для своего выражения — в этом ключ всей проблемы! Ибо для раскрытия настоящих потенций одних возможностей мало, необходимо, чтобы они смогли проявиться в действительности, в конкретном деле».

Подобное смутное ощущение, что ты делаешь в жизни не то, что мог бы делать, высказали 38 процентов всех опрошенных, причем для возрастной категории от 18 до 35 лет эта цифра поднимается до 50 процентов. То есть, по существу, каждый второй молодой человек неудовлетворен тем, чем он занимается, и считает, что мог бы сделать больше и жить иначе. «Я знаю, что не реализую в труде своих настоящих возможностей,— пишет Жозе С., 27-летний торговый служащий,— прежде всего потому, что мой труд меня мало интересует. Я не уваливаю от своих обязанностей, за это мне платят, но и энтузиазма никакого не испытываю. И хотя труд меня изнуряет, уверен, что работаю чуть больше, чем вполсилы».

«Я живу только тогда, когда не работаю,— говорит Жаклин Ф.— И чувствую, что, зарабатывая на жизнь, я убиваю ее. От этого я постоянно страдаю — и морально и физически. С годами я все больше ощущаю абсурдность того, чем занимаюсь большую часть времени. Может быть, я не нашла своего пути в жизни, согласна, но многие ли его находят?» С Жаклин солидарны 53 процента молодых людей, ответивших на вопросы анкеты.

Все они совершенно ясно выразили неудовлетворенность своим трудом и признали, что ощущают жизнь более полнокровной только вне работы. Хотя следует сразу оговориться, что когда люди теряют работу и получают возможность ничего не делать, то, даже будучи в течение какого-то периода материально обеспечены пособием по безработице, они испытывают «пустоту» жизни и уже через короткое время готовы согласиться на любой, даже самый скучный и изнурительный труд. Но, начав работать, они вскоре снова испытывают неудовлетворенность своим трудом. И в этом порочном кругу вращаются не только рабочие или мелкие служащие, но и те, кто занимает весьма высокое положение в производственной иерархии. 53-летний Шарль Д., главный бухгалтер из Лимэ, говорит о том, что труд для большинства не имеет настоящего осознанного смысла: «Вся трудовая деятельность направлена к одной цели — деньгам. На всех заседаниях администрации, где решается вопрос о будущем предприятии, я слышу всегда одно и то же: деньги и снова деньги... Это потому, что сам труд носит на себе отпечаток отсутствия настоящих целей. Короче, работа не помогает жить, а пожирает жизнь». Чувство неосуществленности и неосуществимости своих потенциальных способностей оказалось не чуждым даже представителям высших кадров администрации. 40 процентов из них заявили, что в других условиях их способности могли бы развернуться полнее.

А вот высказывание одного из тех, кто находит удовлетворение в своем труде: «Я лично отвергаю труд без глубокого твор-

ческого содержания. Такой, например, как создание коммерческой рекламы. Мне повезло, я работаю чеканщиком. Этот труд удовлетворяет меня потому, что в нем есть возможность творчества. К сожалению, чеканка и другие ремесла становятся все более редкими, они исчезают, не выдерживая конкуренции со стороны крупной промышленности. А жаль» (Ж. Д., Сюсси-ан-Бри). Но подобная удовлетворенность своим трудом — лишь исключение, подтверждающее правило, она очень смахивает на ностальгию об ушедшем «золотом веке». Производительный труд в условиях современного капитализма не оставляет особых надежд на возможность осуществления творческих замыслов. Тот факт, что 78 процентов всех опрошенных, в том числе 83 процента рабочих, считают технический прогресс угрозой человечеству, — лучшее тому подтверждение. Поэтому каждый третий из тех, для кого творчество составляет высшую ступеньку в шкале жизненных ценностей, ищет выход для приложения своих способностей в области свободных профессий, прежде всего в литературе и искусстве. Как поет известный шансонье Брассенс, этой мечте покорны все возрасты.

«Я еще молода, и жизнь не кончена. Надеюсь, что мне удастся осуществить кое-что. Особенно мечту написать книгу. Нет, я вовсе не ищу славы и не стремлюсь стать известной. Я чувствую внутреннюю потребность реализовать себя в писательском творчестве. И в то же время я боюсь. Боюсь создать что-то посредственное и тем самым убить свою мечту, это было бы для меня катастрофой.

Не знаю, может быть, я все-таки однажды решусь взяться за перо» (Клэр Д., служащая детского сада в Атис-Мон, 23 года).

«Время от времени мне хочется написать книгу. Только вот о чем? И немного страшновато, хотя нынешний читатель не очень-то разборчив» (Жан-Пьер Д., преподаватель литературы, 42 года).

«Я сочиняю тексты песен. Для себя самой. Достаточно уйти из дома в сад, поле, лес, блуждать под солнцем, ветром, дождем с блокнотом в руках, и слова выливаются сами собой. В такие моменты я забываю все и живу настоящей жизнью» (Дениз де М., 50 лет).

«Я начал было писать рассказы для взрослых и детей. Про бобров, которые, протестуя против общества потребления, грызут на стадионе в день большого футбола металлические мачты электроосвещения. Чтобы их возмущение было, наконец, услышано. Но люди не слышат их и смотрят матч... Издатели, которым я показывал свои рассказы, были со мной крайне вежливы. Но и только, дальше этого дело не пошло» (Марк Т., учитель из Жювизи-сюр-Орже, 55 лет).

«Я написал роман и был очень разочарован, когда издатель, прочитав его, сказал, что романов он не публикует. Тем не менее я чувствую в себе еще силы начать все заново. Я не хочу умереть, не написав книги» (Жан Д., пенсионер из Эпинака, 73 года).

«Я много раз читал и перечитывал Бальзака, Мопассана, Флобера, Ленотра, Андре Кастело и других. Заразившись от них, сам написал роман, где описываю события первой половины века. То, что я видел и пережил:

две войны, социальные завоевания, жизнь семьи, осуществленные и неосуществленные мечты. Совершенно объективно, без всякой политической тенденциозности. Я написал этот роман для своего 15-летнего внука, которому хотел и имел многое сказать. Мне трудно судить о качестве романа, но я ручаюсь за его правдивость. Друзья советуют показать написанное какому-нибудь издателю» (Франк Реан, псевдоним, ювелир-часовщик из Эгля, 79 лет).

Вот так, от 20 до 80 лет люди мечтают создать что-то интересное и живут, согретые этой мечтой. Осуществить ее удастся считанным единицам; как нынче создаются и печатаются на Западе литературные произведения, мы уже видели. Зато эта мечта служит надежным предохранительным клапаном для выхода чувства неудовлетворенности жизнью. Для многих таким же клапаном является мечта об артистическом творчестве.

«Я с удовольствием провела бы свою жизнь на подмостках сцены. Не ради блеска прожекторов, шикарных туалетов и аплодисментов, но ради атмосферы постоянного творческого труда, целью которого является самосовершенствование. Может быть, мне удалось бы добиться этой цели, а может быть, я потерпела бы фиаско, не знаю. Во всяком случае, эта мечта уже давно пылится на полке несбывшихся иллюзий, и я провожу остаток жизни в сожалениях по поводу того, что она не сбылась». У Жанны Д. из Руана, чье письмо я цитирую, уже трое внуков, а сколько юных и молодых людей живет этой мечтой и надеется, что она сбудется!

Для многих самостоятельную жизненную ценность приобрела иллюзия потребительства. Две трети опрошенных заявили, что сам акт покупки доставляет им удовольствие. Социологи констатируют, что супермаркеты, огромные универсальные магазины, все больше становятся местами, где «празднуется потребление». Причем для очень многих настоящей радостью становится не сам праздник, пасха или рождество, к примеру, а предпраздничные закупки, когда магазины заполняются толпами людей, странными праздничными манифестациями, где каждый, не замечая остальных, устремлен только на свои покупки. Со стороны это особенно заметно. «Чем больше поддаешься потребительству,— пишет Доминик В., 27-летний воспитатель из Руана,— тем больше накапливаешь вещей в своем маленьком салоне и в своей голове. Электроприборы и стиральную машину потребляешь как культуру. И чем больше накапливаешь, тем дальше отдаляешься от реальных потребностей, от настоящей жизни».

Сам Доминик В.— за культурный досуг: за оперу, за хороший фильм, серьезную книгу, ужин в приятной компании, пустынный пляж летом. Все это, конечно, прекрасно, но, как подсчитали статистики, подобная культурная программа очень дорога на Западе, и, чтобы осуществить ее даже в весьма скромных масштабах, необходимо зарабатывать ежемесячно от 5 до 6 тысяч франков, а людей с таким доходом во Франции не больше 40 процентов. 59 процентов опрошенных сказали, что очень и очень задумываются, прежде чем сходить в кино, купить книгу или по-

зволить себе другую «роскошь». 67 процентов молодых людей высказались в том духе, что культура без серьезных финансовых затрат им недоступна. Совершенно очевидно, что дело здесь не в прирожденных дурных вкусах: гораздо проще купить красочный альбом рисованной литературы, чем скромную серьезную книгу, посетить супермаркет, который есть везде, чем сходить в библиотеку, которой во многих местах просто нет, посмотреть по телевизору пустой детектив, чем сходить в театр.

Таким образом, отсутствие интереса в сфере трудовой деятельности, невозможность зачастую оплатить культурный досуг заставляют трудящихся обращаться к эрзац-культуре, компенсировать свою духовную творческую неудовлетворенность материальным потребительством. Однако компенсация эта сугубо искусственная и принести истинного удовлетворения не может. Диалектика производства и потребления такова, что нетворческий характер труда неизбежно порождает и лишенный творческого содержания досуг. Изучая проблемы рабочего и нерабочего времени, социолог Жан Русле сделал следующее заключение: «Основная потребность человека состоит в том, что он должен найти себя в своем деле... Если он не может удовлетворить эту потребность в труде, то не сможет найти себя и в отдыхе. В этом случае досуг для него будет средством восстановления затраченной физической и нервной энергии, но никак не творчеством».

Об этом же говорят и некоторые из участников приведенного выше анкетного опроса.

«Досуг не может быть конструктивным, если работа разрушительна. Что бы там ни доказывали, компенсации тупому труду не существует» (Ж. П. Флипо, преподаватель из Франшвиля, 33 года). «Самое страшное — это сладкое телевизионное урчание, которое медленно отравляет сознание ядом, усыпляет его и душит всякую волю к творчеству. Если все понимают, что труд может оглушить, то далеко не многие осознают, что к тому же самому может привести и досуг» (М. Ж. А., 35 лет, Экс-ан-Прованс).

В этой связи мне хотелось бы еще привести слова Мишеля Лансело, одного из тех, кто на французском телевидении служит техническим исполнителем такой политики досуга: «Я думаю, что помимо физического загрязнения окружающей среды происходит и духовное загрязнение массового сознания. Осуществляется оно посредством организации «цивилизации досуга»... Я не верю, что человека следует презирать, и не разделяю теории, трактующей народные массы глупцами... Нацистская Германия была первой страной в современной истории, где существовало специальное министерство пропаганды и организации досуга. И это очень показательно. Причинами гибели человека будут причины не физического, а духовного свойства. Если во имя потребления его жизнь будет лишена творческого и интеллектуального содержания, он — человек конченный, мертвец».

НА СОБСТВЕННОМ ОПЫТЕ

Не знаю, обратил ли читатель внимание на одну любопытную деталь: большинство ответов на вопросы приведенной анкеты носит негативный характер. Люди говорят в основном о том, что им мешает: власть денег, неравенство возможностей, нетворческий характер труда и досуга, страх перед безработицей, потребительская психология. Все мечты и устремления наталкиваются на действительность, выступающую барьером, перешагнуть который дано не многим.

Май 1968 года был попыткой сокрушить все это без разбора — все, что, казалось, мешает свободному и творческому развитию и реализации личности. Я видел демонстрантов, которые несли плакаты с лозунгом «Долой труд!», и бунтарей, кромсавших автомобиль — символ потребительской жизни, беседовал с хиппи, которые порывали с обществом, уходили из него и занимались ремесленными поделками, находя в этом внутреннее удовлетворение, присутствовал на представлениях молодых артистов, которые, протестуя против традиционных форм искусства, выбегали на сцену в чем мать родила.

Порывали, уходили, кромсали, отказывались, протестовали. Негативные ценности порождали и негативные действия. В движении

отсутствовало позитивное начало, молодые люди знали, чего они не хотят, но не имели никакой ясности в том, к чему стремятся. Один из лидеров бунтовавшей молодежи Кон-Бендит говорил: «Наша роль в революционной борьбе состоит в том, чтобы показать, что кроме капитализма и социализма возможно и что-то другое». Что-то!

Я не буду возвращаться здесь к событиям «молодежной революции» конца 60-х годов, о чем подробно рассказал в книге «В поисках идеала». Позволю себе только не согласиться с мнением тех, кто сегодня хотел бы перечеркнуть это движение и забыть. Позитивный опыт его очевиден. Хотя бы уже потому, что он показал бесплодность слепого, огульного ниспровергательства, его недостаточность для успешной борьбы против капитализма: аморфное «что-то» не может служить знаменем революции. Он показал также, что единственной позитивной альтернативой капитализму может быть только социализм, остальное — утопия. А главное — то, что это был собственный опыт. Когда Карл Маркс говорил, что его жизненный девиз — подвергать все сомнению, он, безусловно, имел в виду непреходящую ценность личного опыта, заменить который не могут никакие самые разумные теории.

Мы бы погрешили против истины, если бы не отметили, что поиски позитивных ценностей и идеалов в молодежном движении предпринимались неоднократно и после «майских событий». Особенно серьезная попытка имела место после отлива молодежного бунта в начале 70-х годов, причем поиски эти велись

с учетом опыта недавних бурных выступлений. В этот период во многих странах Запада появились газеты и журналы так называемой параллельной прессы, печатные органы, не связанные с официальной и официозной буржуазной печатью, которые объявили себя органами молодежной субкультуры или контркультуры. Редакции таких газет и журналов отказывались от официальных каналов распространения и коммерческих методов большой прессы. Это тоже было выражением «великого отказа» от эталонов буржуазного образа жизни и должно было способствовать выработке нового стиля жизни. Параллельная пресса замыкалась, как правило, кругом самих участников движения. Многочисленные газеты и листки издавались и типографским способом, и на ротапринтере, и от руки. Появившийся в октябре 1970 года в Париже журнал «Актюэль» был типичным представителем параллельной прессы и наиболее, на мой взгляд, интересным для анализа. Попытка журнала дать цельную программу борьбы против буржуазного общества была вполне искренней, и предприняли ее журналисты высокой квалификации. Возглавил журнал Жан-Франсуа Бизо, молодой журналист, выходец из семьи богатого промышленника — по тем временам такое было не редкостью.

С самого начала журнал привлек для участия в дискуссиях оппозиционную молодежь, с тем чтобы в ходе обсуждения выявить различные точки зрения и на их основании выработать рекомендации для совместных действий. Так, например, пятый номер «Актюэль» был составлен исключительно из мате-

риалов молодых читателей. Журнал регулярно публиковал также подробную информацию о деятельности самых различных течений контркультуры, что, по расчетам его руководителей, должно было способствовать не только идейному, но и организационному сплочению движения.

Журнал просуществовал в общей сложности около пяти лет. За это время на его страницах было напечатано много интересных материалов, подвергших суровой критике бюрократический государственный аппарат, буржуазную мораль, систему правосудия, церковь, солдафонство в армии, школьные и университетские порядки. В нем освещались проблемы наркотиков, свободы любви, жизни в молодежных коммунах, экологии, поп-музыки. Авторы стремились избежать одностороннего, предвзятого подхода к этим проблемам и нередко осуждали эксцессы молодежного движения. Они предостерегали против злоупотребления наркотиками, разрушающими здоровье, и увлечения путешествиями, являющимися часто иллюзией освобождения от общества, критиковали молодых людей, которые пытались все свести к проблемам экологии или славили жизнь в молодежных коммунах как панацею ото всех зол. Признавая поп-музыку «серьезной ударной силой» против традиционного искусства, журнал полагал вместе с тем, что многочисленные и разрозненные течения и формы новой музыкальной культуры препятствуют созданию глобального антибуржуазного фронта. Редактируемый бывшими гошистами, леваками 1968 года, журнал не щадил и самого гошизма, обвинял его

в полном отсутствии какой-либо позитивной программы и неспособности успешно бороться против «традиционных структур».

Но что же сам журнал предлагал в качестве позитивных начал? Даже из далеко не полного перечня проблем, поднимавшихся в «Актюэль», можно судить о противоречивости и эклектичности его взглядов. Резкая же враждебность к любым организационным структурам и воспевание политической спонтанности и стихийности логически приводили журнал к осуждению не только капиталистической, но и социалистической системы. А также марксизма, как теоретической основы социализма и коммунизма. Революционное освобождение журнал искал в индивидуальных действиях сильной личности или, на худой конец, в стихийных действиях таких расплывчатых организационных ячеек, как молодежные коммуны, движение освобождения женщины, Фронт освобождения молодежи и других.

Все это предопределяло аморфность политического кредо журнала «Актюэль» и всей параллельной прессы в целом, что делало ее легкой добычей господствующей буржуазной идеологии. Ибо, отрицая и отвергая одновременно и буржуазную идеологию и марксизм, она не могла не зайти в тупик утопизма. Особенно отчетливо это проявилось по мере нарастания в капиталистическом мире экономического кризиса, который с новой силой подтвердил ту истину, что история развивается по Марксу, в классовых боях между буржуазией и пролетариатом, в борьбе между буржуазной и коммунистической идеологиями.

В условиях обострения классовой борьбы яркие краски утопизма быстро слиняли, а сами утопические концепции предстали в полной своей беспомощности и бесперспективности. Эволюция параллельной прессы не осталась без внимания буржуазных идеологов. Напуганные первоначально размахом молодежного протеста, они очень быстро осознали, что подобный утопический протест не страшен устоям режима и что он может быть даже использован капиталом себе на пользу. В этой связи не следует особо удивляться тому, что журнал «Актюэль», критиковавший буржуазное общество, распространялся издательством «Нувель Мессаджери де ла Пресс Паризьен», которое само представляло устой этого общества. Да и вообще газеты и журналы большой прессы охотно предоставляли место для «гневных» статей протестующих молодых людей. А «Монд» даже отводила в каждом номере для подобных материалов по целой полосе. Мне самому довелось познакомиться с одной из параллельных газет Цюриха, которую издавали типографским способом члены «Молодежной коммуны № 8». А финансировал ее издание крупнейший швейцарский банкир, сын которого жил в этой коммуне. Всего этого не могли не видеть руководители параллельной прессы. В конце концов редакция «Актюэль» честно заявила, что журнал «полностью исчерпал свои возможности». Последний его номер вышел 1 октября 1975 года. Правда, Жан-Франсуа Бизо заявил, что это не конец, что журнал только берет небольшую передышку, с тем чтобы «страхнуть с себя пыль». И он сдержал сло-

во. В ноябре 1979 года «Актюэль» появился вновь. Политическое кредо нового журнала было изложено в первом номере, в редакционном обращении к читателю: «Мы не собираемся поднимать сколько-нибудь серьезные и глубокие проблемы. Наша цель — показать эпоху, по возможности избегая политики...» Новая редколлегия не скрывает, что нынешний «Актюэль» близок по духу жанру рисованной литературы: множество ярких красок, изобилие иллюстраций...

В истории «Актюэль» как в зеркале отразилась эволюция молодежного протеста конца 60 — начала 70-х годов. Журнал представлял собой некое подобие железнодорожной стрелки, от которой пути расходились в разные стороны.

Если молодые бунтари поколения «Актюэль», выступая против идеологии марксизма, тем не менее подчеркивали свои симпатии и приверженность идеям эпохи Просвещения, социалистическим теориям Фурье и Сен-Симона, то пришедшие им на смену «новые философы» выступили, как уже было показано, с отрицанием всего прогрессивного наследия прошлого. Некоторые леваки стали откровенно правыми. Там, где царит мелкобуржуазная стихия, крайности нередко сходятся.

Представители многих гошистских направлений, разочарованные тем, что массы не поддерживали их лозунгов и не пошли за ними, разочаровались в массах и выродились в террористические группы или присоединились к группкам троцкистов, маоистов, продолжающих свою мышиную антикоммунистическую возню. Но даже такой заядлый антикомму-

нист, как Кон-Бендит, не мог не признать полной изолированности подобных группок. Осуждая западноберлинских террористов, похитивших судью П. Лоренца, он писал: «...это терроризм отчаяния... Это тот путь, идя по которому революционное движение никогда не станет движением большинства».

Немало бывших леваков вернулись «в строй» буржуазной системы и продолжают дело своих отцов, на которых они нападали в майские дни 1968 года. Новое издание «Актюэль» — лучшее тому подтверждение.

Робер Линар написал статью «Гошизм на продажу?», в которой рассказал о бывших леваках-активистах мая 1968 года. Тогда они протестовали против системы, а ныне продают свои услуги «знатоков протеста» той же системе. Ибо они «рентабельны». Пользуясь славой борцов против капитализма, они помогают придать ему гуманное обличье.

Жан-Франсуа Фожель тоже был леваком и работал в старом «Актюэль». Теперь он главный редактор крупного французского еженедельника «Пари-эбдо», первый номер которого вышел в январе 1980 года. Принадлежит этот журнал группе прессы «Экспансьон», издающей шесть газет. Деловой оборот ее составил в 1979 году 124 миллиона франков. Руководит группой «Экспансьон» Жан-Луи Серван-Шрайбер, владеющий 51 процентом акционерного капитала. Политическое кредо «Экспансьон» — «интеллигентный капитализм». Будучи стопроцентным приверженцем капиталистической системы, Ж.-Л. Серван-Шрайбер стесняется слова «капитализм», но служит ему верой и правдой. Он, по собствен-

ному признанию, никогда не открывает нового предприятия только в целях заработать на нем. «Я начинаю издание новой газеты или журнала лишь тогда, когда в стране возникает новый социальный феномен». Какому же социальному феномену отвечало появление на свет «Пари-эбдо»? Ж.-Л. Серван-Шрайбер не делает из этого секрета. Потребителем нового журнала должен стать 30—35-летний читатель, который принимал непосредственное участие в майских событиях 1968 года или активно сочувствовал им. В то время таким читателям было по 20—25 лет. Май 1968 года не смог разрешить социально-политических проблем, породивших его. А следовательно, поиски продолжаются. Необходимы новые рецепты. Ж.-Л. Серван-Шрайбер предлагает ищущим свои услуги, «Пари-эбдо» должен помочь «заблудшим» вернуться в строй. В этом свете становится понятно, почему главным редактором журнала стал 32-летний Жан-Франсуа Фожель, который в свое время бунтовал, гневно обличал систему, а затем сам включился в нее. Он-то должен знать, как вернуть других на «путь истинный», на рельсы «интеллигентного капитализма».

Подготовка к запуску на орбиту «Пари-эбдо», этого нового спутника 30-летних, была проведена с большой тщательностью. Жан-Луи Серван-Шрайбер выделил на его издание 18 миллионов франков. Жан-Франсуа Фожель подобрал штат из 30 опытных профессиональных журналистов, 500 других согласились сотрудничать в журнале нештатно. Подсчитали, что еженедельный тираж составит 100 тысяч экземпляров. Для начала, а

там видно будет. Все подсчитали, все скалькулировали. Кроме одного — самой жизни. А в ней все течет, все изменяется. Ж.-Л. Серван-Шрайбер не чужд диалектике. «Мы, — заявил он накануне выпуска первого номера «Пари-эбдо», — предусмотрели все риски. Однако невозможно предвидеть непредвиденное. Где гарантия, что экономический кризис не усилится, и тогда почва может поползти из-под ног». Хозяин группы «Экспансьон» не утопист, а расчетливый и умный реалист. Он понимает не только то, что почва может поползти, но и то, что сама по себе она не поползет, что политические силы, которые способны выбить почву из-под ног, должны созреть. Поэтому, между прочим, он и основал новый журнал, чтобы способствовать отражению натиска этих сил на бастион капитализма и защищать его до конца.

Об этих силах разговор впереди. Но прежде — об «интеллигентном капитализме». В этом словосочетании есть свой смысл: умные представители капитала пытаются приспособить свою систему к растущему, несмотря ни на что, интеллекту масс и примирить интеллект с потребительской сущностью рыночного механизма, а точнее, скрыть непримиримость противоречия между ними. Задача, прямо надо сказать, сложная. Система социальной несправедливости, инфляция, безработица никак не совмещаются с образом «интеллигентного капитализма». О чем свидетельствует, кстати, и неудача затей с выпуском «Пари-эбдо». Опасения Ж.-Л. Сервана-Шрайбера оказались не напрасными — журнал популярности не завоевал и быстро сник.

...Мишлин Жакар за тридцать, она закончила университет в Страсбурге и получила диплом филолога. Некоторое время преподавала классическую литературу в лицее, потом попала, как и многие другие, под сокращение штатов и оказалась на улице. Говоря, Мишлин время от времени откидывала назад прядь модной прически — внешность играет немаловажную роль, когда ищешь работу, — и пристально смотрела мне прямо в глаза, как бы силясь увидеть, понимаю я ее или нет. И снова говорила, говорила:

— Самое страшное в безработице — это не потеря работы, а потеря надежды. Теперь я на своей собственной шкуре осознала, что человек, утративший надежду, перестает быть человеком, в нем исчезает главное, человеческое, то, ради чего он родился и жил... Утратила ли надежду я? Пожалуй, да, впереди пустота. Иногда я где-то подсознательно надеюсь на чудо, хотя разумом понимаю, что чудеса нынче редкость. Я убеждена, что родилась филологом, это моя страсть, и здесь я могу принести пользу людям, осознание этого уже само по себе счастье. Во сне мне иногда видится, что я работаю в библиотеке или в архиве, преподаю или составляю документацию. Пробуждение катастрофично, в эти моменты будущее выглядит особенно мрачным, а ты себе кажешься особенно никчемной, никому не нужной. Общество, которому хочешь служить, в тебе не нуждается. Кока-кола? О'кей! Шекспир? Не смешите, мадемуазель, — Мишлин вскинула прядь. — Недавно мне предложили место в химической лаборатории. «Вы ищете работу? Вам повезло, из-

вольте мыть пробирки». Я отказалась, ведь я не об этом мечтала. Кое-кто из старшего поколения говорит, что я просто лентяйка и не хочу работать. Потому что получаю пособие по безработице, 90 процентов от среднего минимума, и надо мной-де не каплет. И знаете, даже обзывают меня белоручкой-интеллигенткой, которая гнушается черной работы. Вот они в свое время... и тому подобное. А ведь время идет и мы — не они, мы стали другими, то, что их устраивало, нам не годится. И дело совсем не в том, что пробирки мыть унижительно, в свое время я мыла в ресторанах посуду, чтобы заработать деньги на учебу, и многим другим занималась, черной работы я не боюсь. Но тогда все это было оправданно, я мыла посуду, чтобы закончить учебу и заняться любимым делом. А сейчас мне предлагают мыть пробирки для того, чтобы только заработать на жизнь. И, наверное, в конце концов придется согласиться, пособие не вечно. К тому же это-то как раз и унижительно — получать, не работая. Знаете, Феликс Леклер поет в одной из своих песен: «Лучший способ убить человека — это платить ему за то, что он ничего не делает». Раньше таких песен не пели. Пусть меня презрительно называют интеллигенткой, я от этой интеллигентности не откажусь, это мое завоевание. Я знаю и других, которые гордятся этим. Мне рассказывали, что на заводе женщины-работницы требуют от администрации предоставить им работу, как и мужчинам, в соответствии с их квалификацией. А ведь еще недавно они требовали за равный с мужчинами труд только равной оплаты.

Мишлин снова посмотрела на меня пристально.

— Я не знаю, понимаете ли вы, что это проявление нового сознания, которому тесно в рамках «продуктивной системы»? И что крах моих надежд — это в то же время и крах ценностей всего нашего общества.

Я понимал это хорошо. Уверен, что и Жан-Луи Серван-Шрайбер понимает это. Потому и пытается интегрировать в систему и это новое. Только ему придется трудно. Потому что мысли Мишлин становятся сегодня достоянием все большей массы молодежи. Половина опрошенных безработных в возрасте 21 года (опрос провел Центр по изучению трудовых запросов молодежи) заявили, что смотрят на будущее с пессимизмом, даже если и удастся найти какую-либо работу. Именно потому, что какую-либо, а не ту, какую хочется. 25 процентов тех же участников опроса ответили, что чувствуют себя покинутыми и преданными обществом, 10 — эксплуатируемыми этим обществом. И 40 процентов считают, что ничего к лучшему не изменится без коренного изменения общественных отношений. Это, безусловно, новое явление на Западе. Точнее, впервые оно стало массовым. Еще 8—10 лет назад подобные же категории молодых людей объясняли свою неудовлетворенность работой тем, что им не повезло в жизни, неудачным выбором профессии или огрехах системы образования. Только 15 процентов обвиняли в своих неудачах саму социальную систему. Сегодня их 40. Разница большая, и она конечно же отражает серьезные сдвиги в сознании молодежи.

...Андре работал на мебельной фабрике маленького провинциального городка, она была единственным предприятием, где местная молодежь могла получить работу. Хозяин Форже всевластно повелевал на своей фабрике и не терпел никаких возражений. Однажды он обратил внимание на то, что некоторые молодые рабочие носят длинные волосы, и это ему не понравилось. Он поскреб свою лысину и предписал им постричься. Андре, который был в числе длинноволосых, попросил Форже объяснить, почему они должны стричь волосы. Выяснилось: потому, что так хочет хозяин. Хочет, и все тут. Некоторые подчинились прихоти Форже, другие — нет. Волосы здесь ни при чем, сказал Андре, хозяин посягает на наше человеческое достоинство, он хочет сломить нашу волю, его не устраивает сам факт, что кто-то посмел перечить ему.

Андре и его товарищи были уволены, а когда начали протестовать, то по просьбе Форже ими занялась местная жандармерия. Как-то вечером двое на велосипедах догнали Андре и попытались остричь его силой.

Я не буду перечислять всех перипетий дела, но кончилось тем, что отец Андре, «верный» рабочий, привел сына в парикмахерскую и заставил его постричься. Андре любил отца и не мог отказать ему. На следующий же день он был восстановлен на работе, и сам Форже встретил его ласково. Все утро Андре работал как автомат, стругал доски для стульев. Глаза его застыли, и он не отвечал на вопросы товарищей. В перерыве он зашел домой, тем же невидящим взглядом скользнул

по своим картинам (у него были способности к живописи) и молча повернул их к стене. Потом взял небольшую канистру и отправился на бензоколонку. У ворот фабрики опустился на колени, вылил на себя содержимое канистры и вытащил из кармана зажигалку. Ярko вспыхнул живой костер.

Все это вымысел. Никаких Андре и Форже не существовало. Я пересказал содержание французского художественного фильма «Стрижка за 10 франков». И все же фильм реалистично и точно отразил жизнь. И не только потому, что случаи самосожжения отмечались и во Франции, и в других странах Запада, но потому, что в этих странах живут тысячи реальных Андре, которые ведут упорную борьбу против тысяч реальных Форже. И она обязательно приводит к осознанию необходимости и неизбежности социальных изменений.

Совершенно очевидно, что далеко не все из осознавших это созрели для активной политической борьбы. Для многих такое осознание носит еще пассивный характер. Та же Мишлин Жакар: она констатирует крах своих надежд при столкновении с реальностью, но готова поставить крест на своих иллюзиях и заняться мытьем пробирок. Или Андре, который сжигает себя в знак протеста против той же действительности.

Многие буржуазные социологи утверждают, будто май 1968 года вообще разочаровал западную молодежь в политических методах борьбы. Думается, что дело обстоит как раз наоборот: май 1968 года заставил молодежь над многим серьезно задуматься. И, между

прочим, над тем, что аполитичные и анархистские методы борьбы капиталу не страшны. И что, напротив, он страшится продуманных политических акций.

12 декабря 1980 года десятки тысяч французских студентов из Орлеана, Лиона, Руана и других городов вместе с парижскими студентами провели на улицах столицы организованную демонстрацию против политики, проводимой Министерством университетов. Эта самая крупная после майских событий 1968 года манифестация носила ярко выраженный политический характер. Студенты требовали открыть широкий доступ в университеты детям рабочих, выступали в защиту национальной культуры, против ориентации системы высшего образования на принцип капиталистической рентабельности, требовали демократических и социалистических преобразований в стране. Значит, есть силы, которые не ограничиваются пониманием того, что нужны изменения, но и сами активно включаются в борьбу за них.

СТАРЫЙ КРОТ ХОРОШО РОЕТ

Экономический кризис 1929—1933 годов, подтвердивший правильность марковского анализа капитализма, породил в свое время огромный интерес к марксистской политической

экономии и философии. Кризис 70-х годов вызвал новую волну интереса к марксизму. В 1973 году администрация Женевского университета предложила мне провести цикл семинаров по диалектическому материализму: студенты требовали, чтобы названный курс вел не кто-нибудь, а философ-марксист. Я согласился и, когда познакомился ближе со своими слушателями, обнаружил, что среди них есть немало тех, кто еще вчера размахивал аполитичными анархистскими лозунгами гошизма. И это явление — поворот к марксизму — повсеместное и в Западной Европе, и за океаном.

В 60-е годы многие западные социологи уверяли, что Соединенные Штаты с их высоким уровнем жизни и аполитичным большинством населения останутся в стороне от этого процесса, что там нет почвы для марксизма. Когда профессор Висконсинского университета У. Уильямс написал: «Концепция Маркса предлагает понимание и идеалы, в которых отчаянно нуждается Америка, если она хочет эффективно справиться со своими нынешними и будущими проблемами и если она хочет реализовать свой огромный потенциал», — это воспринималось как натяжка, лишенная оснований в реальной жизни.

Иные мотивы зазвучали в конце 70-х годов; те же социологи заговорили о «возрождении марксизма» на американской почве. «Бизнес уик», журнал банкиров и патроната, посвятил этой теме один из своих номеров целиком. Разумеется, речь в нем шла об опасности распространения научного коммунизма в Новом Свете. Журнал пугал, но одновременно

но и пытался утешить своих высокопоставленных читателей. Марксизм, по его словам, представляет ныне в Соединенных Штатах явление сугубо интеллектуальное. Да, признает журнал, более 10 тысяч преподавателей читают в университетах курсы социальных наук с марксистским подтекстом; да, студенты изучают произведения Маркса, Энгельса, Ленина в первоисточниках, а спрос на учебники по марксистской философии (их сейчас в США четыре, а в начале 70-х годов не было ни одного) непрерывно растет; да, за последние годы солидные американские издательства выпустили более 15 монографий, трактующих марксизм в позитивном плане. Все это и многое другое признает «Бизнес уик» и все же утешает: марксизм пока-де не вышел за стены университетов. И пока не имеет за собой сколько-нибудь серьезной массовой базы.

Орган монополий пытается унять свой собственный страх перед неизбежным, ищет утешительные факты, приводит случаи, когда отдельные университеты отказываются принимать марксизм. Так, под прямым нажимом губернатора штата Мериленд местный университет изгнал из своих стен профессора Оллмана, которому пришлось перебраться в Нью-Йорк. Эта акция была аргументирована тем, что марксизм-де — чуждое Америке явление, зараза, занесенная из-за океана. Однако тот же «Бизнес уик» вынужден признать, что внедрение идей научного коммунизма на американской земле — результат политических движений, имевших место в самих Соединенных Штатах, в том числе и студенче-

ского бунта 60-х годов, который хотя и потерпел поражение, но не остался без последствий. Анализируя причины его неудачи, многие бывшие бунтари приходят к выводу, что им не хватало политической теории, указывающей перспективы и цементирующей борьбу.

Показательно, что крупнейшая голливудская фирма «Уорнер бразерс» взялась за создание фильма об истории конфликта между губернатором Мериленда и профессором Олманом, фильма о марксизме. Когда крупный капитал чувствует опасность, он начинает обволакивать своей идеологической паутиной источник опасности, чтобы интегрировать его в систему. Как это было с движением «новых левых», контркультурой и многими другими течениями. Нет сомнения, что он постарается интегрировать и новый интерес к марксизму, превратить его в безобидное хобби для интеллектуалов. Однако вот уже более века этого никому сделать не удавалось, хотя желающих было немало.

Ну а пока что печать монополий в унисон с «Бизнес уик» пытается создать впечатление, что марксизмом балуются студенты, профессора, писатели и прочие интеллектуалы-одиночки, но что «незаумные» рабочие и служащие к подобным «интеллигентским исканиям» никакого отношения не имеют. Желаемое выдается за действительное. При этом игнорируется то, что социальные различия между интеллигенцией и рабочими постепенно стираются. Все более расширяя сферу наемного труда, монополистический капитал вовлекает в нее представителей когда-то свободных про-

фессий и тем самым сближает их социальный статус с положением рабочего класса. Происходят изменения и в самом рабочем классе. Технический прогресс, усложняя труд, требует от рабочих все большего умения, знаний, а значит, поневоле делает рабочий класс более интеллигентным. Далеко не случайно Ж.-Л. Серван-Шрайбер ратует не за какой-нибудь, а за «интеллигентный» капитализм, он учитывает тягу широких масс к интеллигентности. Происходит взаимное сближение этих социальных групп. Сегодня уже далеко не редкость наблюдать стачку или забастовку, в которых наряду с рабочими участвуют служащие, инженерно-технические работники и даже представители свободных профессий, что еще совсем недавно было попросту немислимо. Все это способствует более тесным контактам между рабочими и интеллигенцией, сплачивает их в борьбе против общего врага — монополий. И совместные требования их становятся все более осознанными, не замкнутыми на интересах личной выгоды и благополучия. Монополисты это прекрасно понимают. «Мы знаем теперь, — говорит один из крупнейших промышленных боссов ФРГ, председатель объединения независимых предпринимателей Ферч-Ревер, — что при выдвижении требований участия в управлении речь идет не о нашей личной судьбе. При осуществлении этого требования под величайшую угрозу ставится экономический и политический строй, являющийся основой свободного предпринимательства. И мы знаем теперь, что должны бороться, если хотим существовать, что сейчас для немецких предпринимателей

вопрос стоит «быть или не быть». Конечно, капиталистам и их идеологам часто удается выхолостить из упомянутого требования его коренное содержание, читатель это уже видел. И все же главное здесь в том, что при выдвижении требования участия в управлении речь все чаще идет не только о лишнем франке или долларе, но и о серьезных политических требованиях, ставящих под вопрос само господство частной собственности.

Разумеется, участие в управлении производством — это еще далеко не социализм, оно не уничтожает, а только ограничивает власть монополий. Однако в настоящих условиях это демократическое мероприятие может стать одним из существенных шагов в направлении к социализму, помочь в ходе борьбы просвещению рабочего класса, его мобилизации на борьбу против господства капитала. Участие в управлении производством предполагает овладение искусством управления, познание сложных механизмов и структур современной экономики. Все это ведет к повышению уровня общей культуры, к росту политической сознательности.

Два процесса в истории идут рядом рука об руку: становление революционного сознания и революционная практика, революционная борьба. Невозможно очистить, освободить свой разум от всего, чем его захламляют, не борясь против силы, захламляющей его. По словам В. И. Ленина, «борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его

ум, выковывает его волю»¹. Эта истина познается снова и снова в результате собственного практического опыта. И, пожалуй, самым позитивным результатом бурного молодежного десятилетия является то, что на смену негативизму и стихийности все более приходит программа действий, основанная на знании истинных причин и целей движения — движения, в котором все больше сплачиваются все демократические силы.

...Анжел Мигель жил в Женеве в те годы, что и я, но познакомились мы с ним в Испании, в горах Каталонии, в маленьком поселке Бакейра-Беретт. Даже не поселке, а высокогорной лыжной станции, где в то время существовала лишь одна гостиница. Мигель присматривал за механическими подъемниками, которые поднимали кресла с лыжниками к заснеженным вершинам.

Ярко-синее небо, сверкающие горы, аж глазам больно. Поскрипывание подъемников, гомон лыжников, исчезающих со своими креслами в вышине. Мигель обвел широким жестом открывавшуюся панораму:

— Вот дышу сейчас чистым горным воздухом. Отхаркиваю свое политическое прошлое.

Анжелу Мигелю всего 30 лет, но за спиной — действительно богатое прошлое. Работал в Швейцарии, строил дома, неплохо зарабатывал. Но «чересчур» активно участвовал в профсоюзной жизни, полиция взяла его под наблюдение, и в кризисные годы он попал под сокращение одним из первых, пришлось вер-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 314.

нуться домой в Испанию. Работы здесь не нашел, зато с головой ушел в политическую деятельность. Стал активистом довольно влиятельной гошистской организации Барселоны «Бандера роха» (Красное знамя). В это время удавалось часто бывать на заводах, знакомиться с жизнью промышленных рабочих. Потом попал под влияние маоистов, его подкупил их экстремизм, призывы к немедленному свержению капитализма. Вступил в промаоистскую организацию революционных трудящихся (ОРТ). Участвовал в переговорах об объединении ОРТ с промаоистской же Трудовой партией Мадрида, где обе группы пытались выработать совместную программу, но не договорились о руководящих креслах и стали обзывать бранными словами: привесили друг другу ярлыки «главных врагов рабочего класса» и «камарильи оппортунистов на содержании у ревизионистов».

Мигель усмехнулся:

— Это было совсем недавно, но мне как-то странно сейчас вспоминать ту пору, до сих пор не могу понять, о чем мы спорили, о ерунде какой-то. Но в чем все были дружны, так это в отношении к коммунистам, называли их правыми и отступниками от ленинизма. Мне приходилось по поручению ЦК «Бандера роха» посещать штаб-квартиры других организаций. В них стояли солидные письменные столы, имелся штат секретарш, и везде висели портреты Ленина. Ругая друг друга, все клялись его именем. Как-то мне дали почитать брошюру Ленина «Что делать?». И я, хотя и не был силен в теории, все же понял, что ни «Бандера роха», ни прочие «марксистские»

группировки никакого отношения к марксизму не имеют. А именем Ленина пользуются для оправдания своих далеко не ленинских идей. Когда я сказал об этом, на меня очень рассердились и объяснили, что мысли Ленина сегодня надо понимать по-другому, как-никак со времен «Что делать?» прошло три четверти века. Я уже говорил, что в теории не был очень образован, но в простачках тоже не числился. И когда меня убеждали, что рабочий нынче не тот, что раньше, что ему уже не нужна партия со строгой дисциплиной, потому что теперь он сам достаточно образован, чтобы разобраться в вопросах политики и демократии, и что марксизм нынче делается ежедневно на заводах самим пролетариатом, то все это было неубедительно. Кто-кто, а я-то уж повидал рабочего люда и знаю, что мозги у него засорены всяким хламом. Я знаю таких, которые еще наивно надеются выбиться в люди и вкалывают на патрона, как проклятые. И таких, которые думают только о том, чтобы не потерять приобретенного холодильника, автомобиля, этих особенно много. Ну а взять хотя бы меня, я понимаю, что все дело в капитализме; пока он существует, безработицу и эксплуатацию не вывести. Но надо ведь еще и знать, как его уничтожить, суметь это сделать. Учиться еще и учиться. Ленин говорил о соединении марксизма с рабочим движением. Что с того, что с тех пор прошло столько лет? Эта задача и сегодня стоит перед революционерами. Сам-то Ленин ведь не отменил ее «за давностью», хотя она была поставлена Марксом задолго до него. Я лично так понимаю, что дело тут не во времени, а

в обстоятельствах. Буржуазия сегодня тоже куда сильнее, чем при Ленине, она ведь не отказывается от задачи задушить марксизм, делает все для этого. Для России, говорят, марксизм подходил, а для нас устарел, умер. Только вот ведь незадача — мертвецов хоронят, с ними не борются.

Мигель пытливо посмотрел на меня. Потом сказал:

— Сейчас-то я говорю складно обо всем этом, почитал, поумнел, а тогда объясняться мне было потруднее, но все же меня поняли правильно: обозвали догматиком и ревизионистом. И дружно указали на дверь. Когда сдавал членскую карточку, я им тоже выдал: посоветовал снять портрет Ленина, чтобы людям голову не морочить.

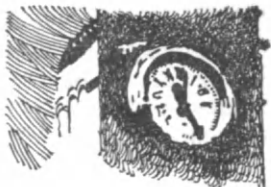
Мигель в сердцах сплюнул и попросил меня дать закурить. Я не курю. Он махнул рукой: тем лучше, сам решил бросить, вот уже четыре дня держусь, а тут разнервничался. Ничего, горный воздух прекрасно заменяет никотин.

— Что было потом? В Барселоне работы так и не нашел, друзья помогли устроиться в Бакейра-Беретт. Набрал с собой книг, много читаю, благо свободное время есть. Что дальше? Куда теперь деться — дорога одна, к Ленину, к настоящим коммунистам.

Так говорил простой испанский рабочий-интеллигент, и, признаться честно, его слова звучали для меня убедительней многих серьезных теоретических статей, доказывающих неизбежность победы мировой революции.

История, старый крот, хорошо роет! — говорил Маркс.

БОЛЬШОЙ СЮРПРИЗ В ГОРОДЕ ЖЕНЕВЕ

«Большой сюрприз в городе Женеве». Этот заголовок появился в газете банковских кругов жевевского кантона «Журналь де Женев» 24 мая 1970 года. В чем же состоял сюрприз? В том, что в результате кантональных выборов в Административный совет Женевы избрали члена Швейцарской партии труда Роже Даффлона. Коммунист стал министром кантона! Событие для Швейцарии было действительно если и не беспрецедентным, то уж во всяком случае исключительным. При всем том его никак нельзя было назвать случайным, Роже Даффлон получил на 2 тысячи голосов больше, чем кандидат блока буржуазных партий.

Как бы то ни было, официозную прессу охватила растерянность. «Волк в овчарне!» — воскликнула уже упомянутая «Журналь де Женев». Орган радикалов «Импарсьяль» вообще набрал в рот воды и решил даже не комментировать события, что послужило острям поводом для злой шутки: «Для беспристрастных радикалов («эмпарсьяль» в переводе означает «беспристрастный». — Э. Р.) это как раз тот случай, когда молчание — золото». Старейшая буржуазная газета «Трибюн де Женев» не могла позволить себе роскоши замолчать такое событие, как итоги выборов.

Она их прокомментировала. Но как! Газета ударилась в исторический экскурс. Дело, оказывается, в том, что Женева издавна была местом убежища для разного рода эмигрантов: анархистов, террористов, большевиков и прочих. Поэтому она-де привыкла ассимилировать чуждые ей элементы. Случай с Даффлоном — лишнее тому подтверждение. Но это еще не все: Женева, как всем известно, — родина кальвинизма и пуританства. Пуритане — скромные люди, они равнодушны к золоту и недолюбливают банкиров. Коммуниста поэтому восприняли как антипода денег и богатства. И потом, вообще, жители Женевы — такой покладистый народ, почему бы им не избрать для разнообразия коммуниста. Не мэр, конечно, а только одним из четырех советников мэра.

Зачем понадобилось «Трибюн де Женев» изворачиваться и выставять жителей кантона такими покладистыми и всеядными дурачками? С таким вопросом я тогда же обратился к самому виновнику переполоха Роже Даффлону. Он ответил, не задумываясь:

— Очевидно, чтобы затушевать тот очевидный факт, что большинство избирателей проголосовали за представителя партии, проводящей политику, наиболее отвечающую их интересам. Нравится это буржуазным филистерам или нет. Большой сюрприз в Женеве? Пусть привыкают. Им предстоят еще и не такие сюрпризы.

С тех пор утекло немало воды. И вот, читая «Правду» от 6 июня 1979 года, я узнал, что Роже Даффлон избран президентом Административного совета Женевы, первым мэ-

ром-коммунистом за всю историю города. На сей раз этот факт стал большим сюрпризом уже для международной печати. Английская пресса крайне редко упоминает о делах Швейцарии. На сей раз большинство газет дали информацию об избрании Роже Даффлона, а «Гардиан» даже поместила его фото. Сенсацию буржуазная печать замолчать не может, а для англичан, привыкших рассматривать Женеву с ее банками как бастион капитализма, избрание коммуниста мэром этого «бастиона» — бесспорная сенсация, как и для американской «Уолл-стрит джорнэл», которая, правда, утешала своих читателей тем, что избрание Даффлона мэром «еще не означает, что над городом банкиров уже завтра будет развеяться красный флаг с серпом и молотом». Утешает, но вместе с тем, как видите, и пугает перспективой. Без этого не могут. Бельгийская «Газет ван Антверпен», комментируя событие, писала, что оно «вызвало в мире холодную дрожь», ведь до сих пор «конфедерацию гельветов было принято считать очень консервативной страной». Тоже пугает.

Но были и такие, которые успокаивали. Бельгийская печать, например, пыталась представить Роже Даффлона как коммуниста особого толка, у которого нет ничего от «обычного марксистского сектантства». И который, являясь хорошим администратором и будучи наделен от природы «добрым сердцем», не очень-то вникает в проблемы «идеологии и диалектики», оставляя их трактовку своим «товарищам-сектантам». Подобную же хорошую мину при плохой игре состроила и буржуазная швейцарская пресса, при этом она

распространила трактовку «нестрашного коммуниста Даффлона» на всех членов партии труда женевского кантона. Шеф департамента юстиции и полиции Ги Фонтане даже заявил официально, что, «поскольку коммунисты будут соблюдать правила демократической игры, постольку они не будут рассматриваться в качестве экстремистов и подвергаться надзору со стороны полиции». Заявление это вызвало реплику в «Журналь де Женев» о том, что отныне с женевских коммунистов снимается обвинение в «слепом следовании приказам из Москвы» и в «попытках подрыва буржуазных институтов». Правда, более твердолобые буржуа из Цюриха, Берна, Базеля и других немецких кантонов поспешили отмежеваться от мнения женевских властей и заявили, что по-прежнему рассматривают членов Швейцарской партии труда как экстремистов и будут продолжать тщательную слежку за их деятельностью. Как бы там ни было, но факт остается фактом: в консервативной Швейцарии противники коммунизма вынуждены приспособливаться и переходить к обороне.

Я послал Роже Даффлону письмо, поздравил с победой на выборах и вновь, как в 1970 году, попросил его прокомментировать это событие. Из его ответа мне стали известны более подробные детали женевских муниципальных выборов. Начать с того, что на сей раз блок буржуазных партий твердо решил изгнать коммуниста Даффлона из Административного совета. Вся предвыборная кампания проходила под знаком вульгарного, разнузданного антикоммунизма. Тем более вну-

шительным был успех Роже Даффлона, который получил 52,2 процента голосов избирателей, на 4 тысячи больше, чем ближайший кандидат из буржуазной коалиции. Для Женевы это очень солидная цифра. Однако избрание в Административный совет даже со значительным большинством голосов не дает еще права на замещение поста мэра. Президент совета назначается его членами, а подавляющее их большинство — представители буржуазных партий. Вот почему регулярно, от выборов к выборам, получая большинство голосов, Даффлон в течение 10 лет ни разу не был мэром. Это вызвало серьезное недовольство избирателей, которые протестовали устно и письменно против того самого нарушения правил демократической игры, в котором буржуазия обвиняла коммунистов. На сей раз, скрепя сердце, представители буржуазии вынуждены были согласиться на избрание Роже Даффлона мэром Женевы. Известие об этом вызвало в городе бурное ликование, жители рабочих кварталов устроили стихийные манифестации.

Сам Даффлон не склонен переоценивать значение события, впереди предстоит серьезная борьба, будут и поражения и победы. Но неоспоримо главное: рост влияния коммунистов — процесс неизбежный и необратимый. Коммунизм вырастает решительно из всех сторон общественной жизни, ростки его есть решительно повсюду. Эти слова Ленина подтверждаются жизнью.

С юных лет Роже Даффлон принимал активное участие в борьбе рабочего класса за свои права, познал и безработицу, и тюрьму,

и подполье. Но никогда не изменял принципам марксизма-ленинизма. Его твердость и убежденность в правоте дела, которому он посвятил жизнь, последовательная защита интересов трудящихся — вот главная причина «большого сюрприза» в Женеве. Уже став мэром, Роже Даффлон вновь заявил, что использует все свое влияние и престиж, чтобы убеждать людей в насущной необходимости борьбы за мир и социальный прогресс.

Это требует огромных усилий. Роже Даффлон и его товарищи по партии не ободряются легкими успехами. Сам он оценивает перспективы вполне трезво:

— Вы задаете мне вопрос о печально знаменитом «консенсусе», политике социального мира. Она по-прежнему жива и даже приобрела сегодня второе дыхание. Конечно, это уже не то, что было раньше. Уроки недавнего экономического кризиса не прошли даром, сознание трудящихся претерпело определенную эволюцию. Ведь за период с 1973 по 1976 годы 340 тысяч человек в Швейцарии потеряли работу, для маленькой «благополучной» страны это колоссальная цифра. Однако наша буржуазия сумела приспособиться и тут: из этого числа уволенных 220 тысяч были иностранными рабочими — итальянцами, испанцами, греками, югославами. И, таким образом, безработица была экспортирована из Швейцарии, что, конечно, смягчило удары кризиса. Но пострадали и швейцарцы, в основном пожилые рабочие, женщины, молодежь. А главное, многие из них поняли, что швейцарская национальная «исключительность» не может служить гарантией от кризиса и безработицы,

К сожалению, многие еще надеются, что страдают не они, а их соседи, но это тоже до поры до времени.

А пока что большинство еще остается во власти иллюзий, и здесь колоссальную роль, вы это сами отлично знаете, играют средства массовой информации, которые не гнушаются ничем: ни подачей пустячного факта в сенсационной форме, ни умолчанием важных событий, ни просто откровенной ложью. А также подсовыванием пустых, надуманных проблем, отвлекающих трудящихся от их коренных интересов. Взять хотя бы проблему борьбы за «права человека», раздутую буржуазной пропагандой. Как будто эта проблема возникла только сегодня, а раньше о правах человека вроде и не надо было заботиться. Или борьба за охрану окружающей среды и призывы к возвращению назад к земле, к природе. Это просто гениально! В то время как крестьяне из поколения в поколение вынуждены покидать насиженные места и уходить в города в поисках заработка, многие интеллигенты и мелкие буржуа, поддавшись пропаганде, славят блага деревенской жизни! Я мог бы и дальше продолжать перечень подобных проблем, на которые клюет немало людей. Так что нам нередко приходится защищать их от них самих.

Но особенно активна и сильна сегодня антикоммунистическая пропаганда, которая достигла невиданного по мощи размаха. Увы, приходится констатировать, что ее пагубное влияние не обходит и трудящихся, настраивает их против реального социализма, отвращает от революционной борьбы у себя дома. Но этого-то и добивается монополистическая бур-

жуазия, которая смертельно боится влияния на трудящихся Запада примера стран социализма.

Вы хотите знать мои личные прогнозы на будущее. Ну что ж, я настроен оптимистично, иначе сама моя жизнь потеряла бы всякий смысл. Я верю и, больше того, абсолютно уверен в конечной победе нашего дела. Империализм испытывает большие трудности, он уже не может беспрепятственно делать то, что хочет. Народные массы все труднее поддаются на его уловки, и ему беспрестанно приходится усовершенствовать их. Трудящиеся все настойчивее требуют участия в экономике и политике.

Конечно, массовое сознание еще остается в значительной степени во власти буржуазных иллюзий, и изменить его как по мановению волшебной палочки невозможно. Предстоят долгие годы упорного труда нашей партии по переделке этого сознания, прежде всего на собственном опыте самих масс, с тем чтобы люди глубже поняли свои коренные интересы и потребности. Но такое осознание может быть достигнуто только в борьбе рабочего класса и его союзников против эксплуатации и угнетения, за демократию и социализм.

ПОСТСКРИПТУМ

Автор, конечно, понимает, что не смог рассказать о всех проблемах, относящихся к теме. Такая задача и не ставилась. Целью книги было освещение некоторых тенденций

духовной жизни современного Запада по возможности устами самих представителей этих тенденций, с которыми автору довелось встречаться.

Из всего сказанного можно, думается, сделать вывод: массовое сознание на Западе ищет выхода из лабиринтов господствующей идеологии. Оно нередко заходит в тупики, которые неизбежны в лабиринтах. Но кроме тупиков в лабиринтах есть и выход. Найти его не просто, в западном мире сегодня идет ожесточенная битва за сознание человека, которое стало главной мишенью пропаганды правящего класса.

Активной обработке со стороны идеологической пропаганды Запада подвергаются и трудящиеся социалистических стран. Причем, как отмечалось на XXVI съезде КПСС, для Запада идеологическая борьба «не сводится к противоборству идей. Он пускает в ход целую систему средств, рассчитанных на подрыв социалистического мира, его разрыхление. Империалисты и их пособники систематически проводят враждебные кампании против социалистических стран. Они чернят и извращают все, что происходит в этих странах. Для них самое главное — отвратить людей от социализма. События последнего времени еще и еще раз подтверждают: наши классовые противники учатся на своих поражениях. Они действуют против стран социализма все более изощренно и коварно»¹. Добавим, и против трудящихся своих стран тоже. И чем изощреннее, чем гибче идеологи-

¹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 9.

ческая обработка, тем большую опасность она представляет. Цель этой обработки очевидна: отравить сознание людей соблазнами потребительской жизни и ослабить мощное влияние идей коммунизма на широкие массы трудящихся.

Однако сознание — вещь обоюдоострая. Разум, который смиряется с рабством в любых его проявлениях, неизбежно становится мишенью, но разум, активно отвергающий рабство, служит мощным оружием в борьбе против мира угнетения и насилия. Вот почему судьбы разума — это сегодня судьбы человечества и его будущего.

Если над всем этим задумается Алексей Серый из Сухого Лога и его друзья, если они обнаружат, что за внешними проявлениями жизни кроется ее глубинная, внутренняя сущность, понять и осознать которую не так просто, но необходимо, то автор будет считать, что не зря написал эту книгу.

СОДЕРЖАНИЕ

Несколько авторских замечаний	3
В карликовом раю	6
Вариации на тему о дебете и кредите	7
В карликовом раю	20
Раб из Антананариву	32
«Хиппи» из Сухого Лога	39
Исповедь гражданина С.	50
«Новые правые»! Кто следующий?	62
«Я не Маркс, я — Маркузе...»	63
Седьмой раунд Дитмара Рашке	72
Антифилософы	86
«Новые правые»! Кто следующий?	96
Тамтамы спасают Европу	108
Тамтамы спасают Европу	109
Старый Обемба из «золотого века»	122
Так говорил Оканза	135
Черная точка	142
О гонке вооружений и мухе цеце	151
Микки Маус против Оноре де Бальзака	164
Джеймс Хедли Чейз берет след	165
Питьевая сода литературы	176
Микки Маус против Оноре де Бальзака	185
А или Б?	202
«Контрекс» контратакует	215
«Красный арнак»	227
Старый крот хорошо роет	242
«Заткните глотку русскому!» —	
«Пусть говорит!»	243
О вкусах спорят	256
На собственном опыте	268
Старый крот хорошо роет	283
Большой сюрприз в городе Женеве	293
Постскриптум	300

Эдуард Маркович Розенталь
ЛАБИРИНТАМИ СОЗНАНИЯ

Заведующая редакцией Р. К. Медведева
Редактор О. Ю. Маршанкина
Младшие редакторы
Ж. П. Крючкова и Е. С. Молчанова
Художник Б. И. Жутовский
Художественный редактор Г. Ф. Семиреченко
Технический редактор И. А. Золотарева

ИБ № 3331

Сдано в набор 16.10.81. Подписано в печать 16.02.82.
Формат 70×90¹/₃₂. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Условн. печ. л. 11,11. Условн. кр.-отт. 11,40. Учетно-изд.
л. 10,78. Тираж 100 000 (1—50 000) экз. Заказ № 5195.
Цена 45 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл.; 7,
Типография издательства «Горьковская правда»,
г. Горький, ул. Фигнер, 32.

45 коп.

ПОЛИТИЗДАТ
1982

